

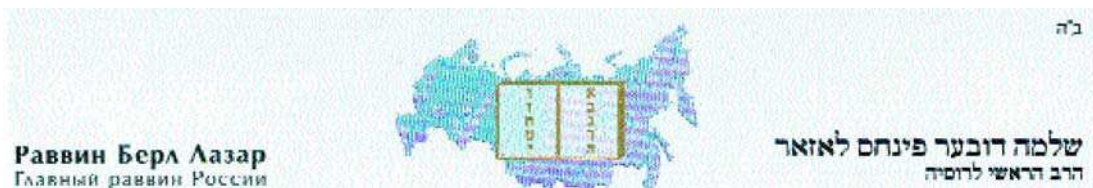
ЛЕХАИМ

ОКТЯБРЬ

2003

ТИШРЕЙ
5764

N 10(138)

ЕДИ

НЕНИЕ – ВЕЛИКИЙ ДАР Б-ЖИЙ

Аноу есаниот ай ебдеа: ааа ааа аааа, оаи оде дагито и іаіеу. Аноу іа і аіаа есаниотіуе аі аеіт: ааае, іеагаеені іа іаіаеоаа іі іінодіаа, іінодіеа ааа іеіааае: іаіа, -оіау а іае і іеаоіуу, е адоаа, ааа «ііае аа іа аааао. Оіоо!» Ноуіаіоаао іаі аеі адоаео сааааіуо еіноідеа а оіі аеа діаа - еаеаау деііао іаа аа-іуі е іііоіеааі е, еаоааде-аіеа іа іііаіуі е аіааідеоіуу е ааеіоаіаоу ііаі аіоіі.

К счастью, это преувеличение. Если сравнить евреев с другими народами, все-таки получится, что в большинстве случаев мы способны проявить солидарность, помочь брату и вообще – объединиться в час опасности или подступившей беды. Кажется, это наша национальная черта: мы постоянно спорим, зачастую до ссоры и крика, но в критический момент всегда спешим на помощь друг другу. Шутками и анекдотами о евреях, неспособных прийти к согласию, мы словно сами себя предостерегаем: вот как нелепо выглядит любой из нас, дав волю инстинкту «вечного спорщика».

Обычно в собственное оправдание спорящие ссылаются на известный афоризм: в споре рождается истина. Фраза эта от частого употребления стала до того банальной, что кажется, не требующей доказательств и подтверждений. А между тем, это вовсе не так. Вспомните споры, в которых вам приходилось участвовать: много ли «истин» родилось? Уж куда меньше, чем ссор и раздоров. Споры и ссоры разделяют людей, усиливают взаимное отчуждение и вражду. Талмуд и мидраши учат, что когда евреи были едины, наш народ процветал. Но стоило им погрязнуть в дискуссиях, в конфликтах по любому поводу, – тут же начинались неприятности, несчастья. Даже катастрофы.

Отчего это происходит? Спор обычно начинается со столкновения мнений. То, что у двух людей могут возникнуть несхожие точки зрения по тем или иным вопросам, естественно: Б-г ведь создал нас разными. Каждый видит по-своему, думает по-своему. Но «мнения» не сталкиваются сами собой: спор натуральным образом перерастает в столкновение. Один человек говорит: «Я прав», а другой: «Нет, прав я». На этом этапе логика, здравый смысл уже перестают действовать: главное для спорщика – не уступить, не проявить слабости. Наоборот – надо сделать уязвимой позицию противника. Но тот, кто чувствует свою уязвимость, будет спорить еще яростнее, чтобы доказать другим (и себе в первую очередь), что он сильнее, что прав именно он. Тогда спор будет вечен, и вечной станет ссора.

На сей счет есть хасидская притча. У одного раввина было двое сыновей. Старший – коротышка, а младший – длинный, как жердь. Как-то раз старший вырыл яму во дворе и попросил брата спуститься на дно. Тот так и сделал. Тогда старший сын позвал отца: «Папа, гляди! Я уже перерос этого дылду!» Но отец ответил: «В жизни, если хочешь стать выше, не опускай вниз другого, а постарайся подняться сам».

Наибольший дар нашему народу от Г-спода – это дар единства. Единство же возможно только между людьми, сплоченными взаимной привязанностью, взаимной ответственностью, если хотите – взаимной любовью. В Торе эта мысль отлита в чеканную формулу: «Возлюби ближнего своего, как самого себя». Заповедь Торы – не вопрос выбора, не рекомендация: дескать, твое право любить или не любить, но имей в виду, что любить

все-таки лучше. «Возлюби ближнего» есть заповедь, которую должно выполнять. Еврей обязан любить ближнего, иначе он далек от той цели, ради которой его создал Б-г.

Это, наверное, одна из самых трудных для человека заповедей. А если я этого «ближнего» не люблю? Ну, неприятен он мне! Что я могу сделать?

А почему, собственно, неприятен? Надо поразмыслить. На самом деле, возможны три обстоятельства, отдаляющие меня и «ближнего» друг от друга. Первое: я вижу в другом человеке конкурента. Но это – ложная преграда. Люди не могут быть конкурентами, потому что они все разные. Каждый такой, какой он есть: в одном он сильнее меня, в другом – слабее... Если я хочу добиться большего, это зависит только от меня; от того, сумею ли я научиться чему-либо лучше другого, сделать лучше, чем он.

Второе. Мне не нравится то, что делает другой человек. Конечно, судить ближнего легко; но если попробовать поставить себя на его место? Когда я делаю что-то – это тоже не всегда нравится другим; но я-то знаю, что в каждом моем поступке своя логика, я его чем-то всегда обосновываю, оправдываю. Вряд ли это правильно – требовать от другого больше, чем требуешь от себя...

Ну и, наконец, третье, самое серьезное. «Ближний» совершает действительно плохие поступки, не соответствующие общим моральным нормам. Полюбить такого – разве не все равно, что «возлюбить зло»? Как же тогда быть с заповедью?

Хасидское учение считает, что и это противоречие кажущееся. Человек по сути своей хорош, так как Б-г создал его по образу и подобию Своему. Но человек несовершенен, поэтому он может творить дурное. «Возлюбить ближнего» – не значит любить его плохие дела. Это значит попытаться изменить его, помочь утвердиться в нем хорошему, а плохому – исчезнуть. Изменить человека нельзя ни шумными ссорами, ни давлением на него; на это способна только любовь.

... Нет ничего лучшего для родителей, чем видеть своих детей сидящими за одним столом. Да, они понимают, что дети все разные, что далеко не во всем их мнения совпадают, но они вместе – в горе и в радости. Точно так же и Г-сподь, наш отец: когда мы, его дети, сидим вместе за одним столом, когда помогаем друг другу, любим друг друга, хотя знаем, что далеко не на все смотрим одинаково, – тогда Г-сподь радуется и посылает нам свое благословение.

Главный раввин России Берл Лазар

ЛЕХАИМ ОКТЯБРЬ 2003 ТИШРЕЙ 5764 – 10(138)

ПОСЛАНИЯ ЛЮБАВИЧСКОГО РЕБЕ

אהבה

Роскошь изучения Торы

Eíeān (Ṣīān) (= 2, 206a), āāīōy ī 53 īāāīyō ÷ōāīēy Ōīōū, īāīī ēīāāō, ÷ōī īā ēāāēōā īēīāī «āāī», īōī āōīēīā÷āīēēē yēēēāāēāī ō ēīōīōīāī āāāī 53, īṣīā÷āāō «īāā».

Ŋāā – yōī ōī ī āīōī, āā ī ū īāāōāāī īōāīōīīāāīēā īō ōōāīā ēāī ű īāāīī īāyṣāī ū īāēē īōāāīōāāēāīēy īā āāīāīēūōāēē. Ōīōā – ā īīōāāēāīīīī īī ūīēā – ōī÷īī ōāē āā ēāē ē īāā, āāōāō īāī āōōīāī īā āāīāēōāīōāīēā

Yōō āīāēīāēp īīāēī ē īōīāīēāēōū īēāāpūēī īāāṣīī. Ōāē, ē īōēī āōā āīī yāēyāōīy ōāāēēūāī, āīīēāī ū ōōāēī īy, ÷ōīāū āīāūōūīāā īōīēōāīēā xōī āā ēāīāōīy īāā, ōī, ēāṣāēīīī āū, āā īōīāīōāīāāī ēā īā īīā÷ēīāīī īēēāēīē ōōēēōāōīīē ōāē. Ŋāā āāū īōāēāā āīāā īēōāēō āēy īōāūōā, āāīīōē ē īāīēāēāīēy.

Ōī÷īī ōāē āā ē īāōā īāyṣī ű Ōīōīē – īā īōyī āy īāīōīāy īāīāōīāēī īōōū āīēē ī ū āāīōēī ēēōūī āōōīāīī āīāēāīēē. Ōīōā āēy īāīīōāēāā āīāā – ēīōī÷īēē āēṣīāīīē īēēū. īī āēy īāī, āāāāā īīēīōēīā – ēī āīīī āēāā āāy Ōīōā āēṣīū ē īōāāīōāēyāōīy ēīīīēīāīīē īīē īīēā

ĀĀĒĪ ŊŌĀĪ DĀṢĀĀĒĀĪ Ī ĪĀ ĀĪ ĀDĀĪ ĀĪ Ē

Однако изложенная выше концепция сталкивается с одной проблемой: если мы считаем недельные разделы Торы, то их сумма окажется равной 54, а не 53.

Попыткой разрешить это противоречие при таком подсчете было объединение двух глав – Ницовим и Ваейлех в единое целое. Ибо в результате мы и впрямь получаем в сумме 53 раздела.

Ряд источников – к примеру, Тур и Шулхан Орух, Орах Хаим (428, 4) – предлагают нам некий набор правил, регулирующих когда именно главы Ницовим и Ваейлех следует читать как единое целое, а когда их надлежит разделять на две самостоятельные сущности.

Правила эти восходят к термину в Книге пророка Даниела (1, 13-15), «пасбаг а-мелех». Если исходить из расширительного толкования этого высказывания, то следует поступать следующим образом.

Когда а-мелех, то есть начало Рош а-Шона – дня коронавания Бга Царем Мироздания, приходится на баг, то есть понедельник или вторник, второй или третий день недели, – тогда главы Ницовим и Ваейлех разделяются, и их читают по-отдельности.

Если же Рош а-Шона начинается в иной день, например, в четверг или в Шабос (в Субботу), то они читаются вместе, как единое целое: Ницовим-Ваейлех.

Таким образом, способ чтения этих глав Торы зависит от соответствующего года. И именно по этой причине в иные годы надлежит объединенную сдвоенную главу читать как две различных главы.

ŊĒĒBĪ ĒĀ Ī DĪ ŌĒĀĪĪ Ī ĒĪĀĪ Ī ŊŌĀĒ

Следует однако указать еще на один аспект, ставящий под вопрос подход к Ницовим-Ваейлех как к единой главе. Ибо сами эти названия заключают в себе смысл едва ли не противоположный.

Так, Ницовим означает «вы стоите». Это значение указывает на то, что человек занял положение, в котором он сохраняет устойчивость: его нельзя поколебать, сдвинуть с места.

Ваейлех означает «и пошел он». Это название главы говорит о действии, прямо противоположном: оно указывает на то, что мы должны пребывать в движении к

совершенству. Или, как сказано в Теилим (84:8), нам заповедано переходить «от силы к силе» в нашем служении Бгу.

Тем не менее, известно, что именно слияние противоположностей – основополагающий принцип в соблюдении нами повелений, законов Торы и мицвойс. Ведь Тора и мицвойс – это пути общения между неизменным Бгом и смертными – людьми, подверженными всем превратностям бытия в этом мире.

Следовательно, в нашем служении Бгу есть элементы, пребывающие неизменными (Ницовим), – ведь именно они и воплощают сам характер Торы, которая дана нам от Бга. Но в нашем служении Всевышнему есть и элементы иного рода. Они призваны научить человека использовать сам поток изменений, в котором мы пребываем, – во благо. А тем самым – и мы станем постоянно совершенствоваться в нашем служении Бгу (Ваейлех).

То, что обе главы – Ницовим и Ваейлех чаще читаются вместе (так устроен наш календарь), призвано подчеркнуть: эти два принципа, о которых мы говорили, должны дополнять друг друга. Но выпадают и такие годы, когда эти две главы Торы читаются раздельно. И это явственно напоминает нам об их самостоятельной сущности.

Когда глава Ваейлех читается сама по себе, тогда это чтение говорит нам о непрерывности роста. Эта концепция отражена в самом начале данной главы. Субъектом действия, описываемого этим глаголом, является Моше. При том, что Моше было в конце его земного существования 120 лет и он достиг высших уровней в понимании Бга, он вовсе не «почил на лаврах». Напротив, понимая необходимость непрестанно двигаться выше и выше, он и в последний день своей жизни стремился к новым духовным горизонтам.

אִינֹי־עֲאִי־עַא־ יוֹי דְּעוֹאֵא

Всякий раз, когда глава Ваейлех читается отдельно, она читается на Шабос Тшува – в Субботу покаяния. Собственно, текст этой главы непосредственно связан со смыслом того дня, когда он читается.

Достаточно только задуматься, чтобы понять: Ваейлех подразумевает не просто постепенный прогресс, не всего лишь восхождение от одной ступени к другой. Нет, ибо само это слово указывает на радикальные перемены. Ведь «идти» – означает покидать одно место ради совершенно иного.

В духовном же смысле это значит – подниматься в служении Бгу на уровень, где мы никогда еще не бывали. Нам следует совершать подъем, идти все выше и выше, раз за разом.

Но в той же мере тшува – покаяние – подразумевает, что человек, исполнившись духа раскаяния, смотрит на себя из точки, которая выше, нежели та, где он пребывал ранее. С этого момента – с тшувы – он начинает новый цикл служения Бгу.

Тшува – сказано в книге Тания, Игрос а-Тшува (гл. 1) – предполагает полное отвержение человеком прежнего образа действий. И – на глубинном уровне – тшува диктует пересоздание личности как непреложную необходимость.

Как поясняет Рамбам в Законах раскаяния (2:4), каждый раскаивающийся баал-тшува должен чувствовать: «Я иной человек; я вовсе не тот, кто сотворил эти деяния».

אֲנֵי־אִי־אִי־נֹי־עֲאִי־עַא

Выше мы уже цитировали стих из Теилим (84:8), указывающий, что нам назначено восхождение, которому нет конца: «Идут они от силы к силе, являются пред Всесильным на Сионе». То есть явственно указывается, что конечной целью нашего

духовного процесса должно быть искупление, когда мы вновь предстанем перед Бгом в Сионе.

Тшува – раскаяние – неотделимо от Искупления. Рамбам в Законах раскаяния (7:5) учит: «Торой обещано, что в итоге Израиль обратится [к Бгу] в раскаянии, – и тем положит конец изгнанию и немедленно будет искуплен».

Однако надо отметить, что Эра Искупления вовсе не подразумевает, что с ее приходом наступит конец какой бы то ни было активности. Ибо недаром в заключение трактата Брохойс сказано: «Нет покоя праведным ни в нынешние времена, ни в Мире грядущем». Мы и тогда, в грядущем, будем продолжать наше духовное восхождение. Разница же между нынешними временами и грядущей эрой Освобождения будет заключаться в том, что внешнее и внутреннее напряжение, связанное ныне со всяким духовным ростом, – исчезнет. И на смену ему придут мир и гармония.

Дшо à-Оййà

ТРУБНЫЙ ЗВУК В ТРЕХ ИЗМЕРЕНИЯХ

*Ï èòàà, àéàçàíàòìàü òðàéèòùíà Òéø à-Òéíà à øíòàð, íòííèèòé è -èééò àððèòèòàéùí ùé èàí à
Ààí èäààð (29:1) òèàçàíí íá ÿòíí àíà*

«Áíàí òðàéí ùò çàéíáí íòòù

íí àóòàò ò àùñ».

Ï èøíà Òéðà,

çàéíí ù í øíòàðà, 1:1

Ï ðè òíí, ÷òí òðàéèòùíà

Òéø à-Òéíà à øíòàð íàí àèéàíí

Òéðé, ò èàííí øíòàðà àíííòèèòùèòé è èííà: «Àíííòàí ùòà òü çàéíà, íòíííà, è àðàí èðòèà

í òéààéèòàííí ò àðàí ù; íáíçèèòà íàé àáííé è è íéíàí èò à òøóòà».

Òàí àé

çàéíí ù Òøóòà, 3:4

Áíàíòèòàííí Ï ííé í àééè-èè òàðíòàíííí, èàí òàí àí èíèííòàòà Ï àíüòàðàí ààøèí...

Èàé?

Ï íá çàééè øíòàðà

Òàéí àí, Òéø à-Òéíà, 16à

*Ï èòàà - ÿòí çàííààü, è ííà àíçàèààò àèéàí èà Á-à. Òàéàéà òèíàí «í èòàà» íçíà-ààò «íüçü»,
«àèéíàéà». Èàí èíííéíüòèé çàííààü íà çàí èà òàí íàí ùí òéèàíàòéíí ò Àííàííéíéí, àààøèí àí ò
ÿòíí èòàá*

ÒÀÍ ÐÀÓ È ÀÁÍ ÑÍ ÇÀÍ ÈÀ

Человек – конечен и смертен. Б-г же – бесконечен, вечен и превосходит границы любых определений. Тем самым ничто, рожденное или созданное человеком, не может соединить человека с Б-гом.

Соединение это может осуществиться лишь по инициативе Самого Б-га, когда Он, превосходящий что бы то ни было (включая и такие категории, как «конечный» и «бесконечный»), желает установить с человеком контакт. Желает – и тем самым делает такой контакт со стороны человека возможным.

Дав нам мицвойс, Б-г установил, что определенные физические действия являются исполнением Его воли. Когда мы поступаем в соответствии с мицвойс, тогда наши тела и души становятся вместилищами сверхъестественной воли, – и вот только тогда человек и соприкасается с Б-жественным.

Если мы взглянем на мицвойс с этой точки зрения, то специфика той или иной мицвы, по сути своей, не имеет значения. Важно не то, что именно Б-г повелел нам делать, а тот факт, что повеление делать именно так, – исходит от Б-га.

Говоря словами рабби Шнеура-Залмана из Ляд, написанными им в книге Ликутей Тора (Шлах, 40а): «вели нам Б-г тесать дерево». То есть: заповедь Он нам действие, лишённое всякого социального, познавательного или духовного смысла, – и это была бы мицва. Причем, мицва в той же мере, как самое «нравственное» предписание или самая глубокая и животворящая душу заповедь, предписанная нам Торой.

Есть, однако, и иная сторона мицвы: то очищающее воздействие, которое она оказывает на человека и на всю тварную субстанцию. И вот тут специфика каждой мицвы имеет первейшее значение. Но суть мицвы – в том, что она заповедана от Б-га. И по отношению к этому все ее социальные, воспитательные, духовные функции становятся вторичными.

אִתְּצַוָּא אֵלֶיךָ

Мицвойс связуют человека и Б-га, так что человек становится исполнителем Б-жественной воли. При этом Б-г наделил нас еще одним средством установить с Ним связь, причем – связь более глубокую, чем в предыдущем случае: это – тшува.

Слово «тшува» обычно переводится как «покаяние», но по сути оно означает «возвращение». Тшува – предписанное от Б-га средство для исцеления тех, кто преступил какую-то мицву.

Исцеление включает в себя три этапа. На первом – человек прекращает грешить. На втором – осознает прегрешение и исповедует его. И, наконец, на третьем этапе – принимает решение: впредь более не совершать греха.

При правильном исполнении тшувы прегрешение прощается. И тогда пятно, оставленное соответствующим неправомерным деянием на душе грешника, смывается.

Более того, как сказано в Талмуде (Йома, 86б), тшува обладает силой «преображать грех в добродетель» и возводит баал-тшува – раскаявшегося или «возвращающегося» – на уровень, на котором, по словам другого талмудического трактата, Брохойс (34б), «не может пребывать даже совершенный праведник».

То, что тшува в силах исправить само неисполнение мицвы, свидетельствует: могущество тшувы простирается далеко за пределы той связи, которая установлена между человеком и Б-гом посредством мицвойс.

В системе мицвойс человек связан с Б-гом благодаря тому, что исполняет Его волю. Неисполнение же или прямое нарушение мицвы приводит к тому, что человек не только утрачивает связь с Б-гом, но и увеличивает дистанцию, разделяющую Создателя и его творение – человека.

В контексте сказанного негативные последствия, вызванные нарушением заповеди, никогда не могут быть стерты или нейтрализованы. Ситуация может быть разрешена через осуществление наказания или даже благодаря прощению, полученному от Б-га, ибо велико Его милосердие. И связь может быть восстановлена, если нарушивший мицву вернулся к ее исполнению. Но сам факт, что в прошлом эта связь была нарушена, сохраняет свою силу. Факт этот пребывает во всей своей неизменности, – и тут нет места каким-либо рассуждениям о добродетели.

Тшува же имеет силу преображать прошлое. Ибо разрыв связи между человеком и Творцом, спровоцированный отступлением от заповеди, тшува превращает в орудие, позволяющее установить эту связь на более глубоком уровне.

Отринувший свои грехи и познавший боль, связанную с тем, что он отпал от Бга, фокусирует свои чувства и стремления на одном – на жажде вновь обрести связь с Б-гом, неведомой совершенному праведнику. Как свет, отраженный зеркалом и собранный в фокус линзой, оказывается сильнее и ярче света, идущего непосредственно от источника, так же точно и баал-тшува возвращается к Б-гу. Возвращается – со страстью и самозабвением, превышающими устремленность к Бгу тех, кто никогда не сходил с праведного пути и чтит все заповеданные ему мицвойс.

Так прегрешение оборачивается добродетелью. Ибо разрыв связи с Б-гом, как и отдаление от Б-га, спровоцированное нарушением мицвы, превращаются в силу. В ту силу, что способна установить утраченную было связь – причем, установить ее уже на ином уровне близости и глубины.

יְעוֹלָאֵי אֵי אֵיִרְסֵב

Отталкиваясь от сказанного, сделаем шаг к постижению глубинных смыслов, запечатленных в тех двух цитатах из Мишне Тора, приведенных нами в самом начале.

Но прежде – несколько слов о самой Мишне Тора, представляющей собою систематизацию закона Торы, проделанную Маймонидам. Составленная им в XII веке, Мишне Тора стала первой тематической систематизацией законов Торы – Алохи. Еще и сегодня этот труд остается одним из самых полных. Как сказал сам Маймонид, он «собрал здесь все, что выводится из текстов Вавилонского и Иерусалимского Талмудов, алохических мидрашей и высказываний гаонов касательно того, что запрещено и что разрешено, что – чистое и нечистое, и всех иных законов Торы. Все это изложено ясным языком и доступным образом... Так что можно прочесть Письменную Тору, а потом эту книгу, – и знать всю Устную Тору. То есть – постичь Закон Торы в целом как он есть, и для того не понадобятся уже иные тексты-посредники...»

Итак, вернемся к тому, что в первом абзаце, открывающем раздел «Законы о шофаре», Маймонид называет указание трубить в шофар на Рош а-Шона – мицвой, Б-жественной заповедью. Он не дает этой мицве обоснования, что характерно почти для всех мицвойс, которые он систематизирует.

В тех редких случаях, когда Маймонид предлагает для мицвы некое обоснование, это он делает в силу того, что такое «основание» само является алохическим законом, поясняющим формально-правовые аспекты исполнения соответствующей заповеди.

Однако указание на то, что в Рош а-Шона надо трубить в шофар, – более чем мицва. Ибо это – необходимое условие для совершения тшувы. Этот звук – будто рыдание младенца, взывающего к отцу, которого он отверг. И вот этот звук пробуждает наши сердца, чтобы вернуться к Б-гу. Вернуться – для того чтобы восстановить и наполнить более глубоким смыслом ту связь между Ним и нами, которую мы разрушили, впад в грех.

Как пишет Маймонид в «Законах тшувы»: «При том, что трубить на Рош а-Шона в шофар нам велено Торой, с ревом шофара ассоциируется и иное: ‘Восстаньте, спящие, ото сна, и дремлющие – пробудитесь от дремы; обозрите свои деяния и плоды их в тшуве’».

Обратим внимание: Маймонид говорит о пробуждении к покаянию, связанном с ревом шофара. Говорит как о том, что «ассоциируется» со звуком рога, а вовсе не как о его функции или причине, по которой нужно трубить в рог. Ибо с шофаром связан один аспект, имеющий отношение к тшуве: причем, аспект этот важнее мицвы, и тогда он никоим образом не может быть частью соответствующей мицвы.

Собственно, шофар лишь ассоциируется с этим аспектом. Подобно тому, как аллюзия предлагает отсылку к чему-то, выходящему за рамки данного повествования. Вот почему этот приведенный выше абзац и появляется именно в «Законах Тшувы», а вовсе не в «Законах о шофаре».

ÉÎÐÍÌÀÕÈÈ

Но звук шофара несет на себе еще одну нагрузку. И этот аспект трубного рева сопряжен с тем уровнем отношений Б-га и человека, который много глубже всего, что связано и с мицвой, и с тшувой.

Это – столь тонкий уровень реальности, что Алоха просто не касается его. Да он и не является ни компонентом мицвы о шофаре, ни подразумевается ею, как некая «аллюзия». Кроме того, что указание – трубить в шофар – дано нам как мицва и что рев рога является призывом к тшуве, звук шофара – это еще и пение торжественных труб во время коронации Б-га царем мироздания.

О дне еврейского новогодья в разделе Сидура «Молитвы на Рош а-Шона» говорится: это – «день, [отмечающий] начало Твоих трудов, напоминание о первом дне». При этом Рош а-Шона знаменует шестой день творения, а именно – день, в который сотворен был человек.

Тем не менее, этот день почитается «началом Твоих трудов» и «первым днем». Ибо осуществление Б-жественной цели творения связано прежде всего именно с первым деянием первого человека.

Творение Всевышнего включает в себя создания, стоящие «ниже» (то есть они – менее духовны), чем человек: в частности, – животных, неодушевленные сущности. Вместе с тем, творение включает в себя также и создания, которые «выше» человека: души, ангелы, высшие реальности, или «миры».

Но человек – единственное из созданий, которому дарована свобода выбора, и это качество он разделяет с Самим Создателем. Тем самым, появление человека вносит в творение новую динамику. Причем, динамика эта и есть «начало Твоих трудов», и именно в ней находит свое выражение цель и суть творения.

Ведя речь об этом при посредстве терминов кабалы и учения хасидизма, можно утверждать, что до первого праздника Рош а-Шона Б-г был «правителем» Вселенной. Но Он, однако, не был тогда еще и ее «царем».

Царь (на иврите – а-мелех) – лишь тот, чей суверенитет добровольно признан подданными. Известно же, что тиран может править, опираясь на силу, но он при этом остается всего лишь владыкой (мошел), не обладающим статусом царя.

Когда первый человек открыл глаза, то он признал Творца, и по собственной воле избрал служение Ему, а Б-г стал царем. Об этом в книге Зогар (I, 221б) говорится так:

Íðe ýòíí àíá ààéààòíý òàéíé àéòáí ò: í ù ÷éòááí í í íí áí òá áíçáíéáíéý Èáíéòá, éíáá òíò íááéýáòíý áéáíòíþ áòòíáííáí ééááðá íáíáá íáðíáá È - íáíí íòðý íá ýòí - çáííí íáçááíí áá íðáéíáá èí ý. Èí ý, éáé íéáçáíí á éíí í áí òáðèé Ðáòé íá Ááí éáááð (13:6), áíáíá íá íòáá-áþúáá òòíéú áííéíí óííáí óíòáòíí

Ðáòé ííýííýáò, ÷òí íðé÷éíé òíí ó áíéá íðéííáý Èáíéòá íðòíííòóç éíòíðþ íí íòðáíéé ááéá á òáéíé íéòáòéé.

ЗАЛОГ БЛАГОПОЛУЧИЯ

Человеку свойственно изменяться, когда он достигает вершин власти и ответственности. Что удивительного в том, что, став во главе целого народа, человек испытывает своеобразную экзальтацию? Скажем, не то, чтобы его захлестывает эгоизм, – избави от этого Бг! – но у него возникает чувство, что роль вождя требует держать некую дистанцию по отношению к ближним.

И Тора говорит нам: вопреки своему вознесению на вершины власти Иеошуа остался все «так же скромнен, как и был». До возвышения он был «сподвижником Моше», однако даже и после того, как жезл власти перешел в его руки, Иеошуа остался чужд всякого самодовольства.

В этом – важный нравственный урок. Как вознесение Иеошуа к власти не разбудило в нем гордыни, так и нам всегда следует помнить: его пример преподан нам на все времена. Благодаря своим качествам мы можем возвыситься, достигнуть богатства и т. д. Но ни богатство, ни возвышение еще не являются сами по себе мерой наших заслуг и качеств. Ибо ясно: достигнутое нами – вовсе не безусловное свидетельство наших достоинств. Если мы думаем иначе – мы скатываемся к самодовольству. Тогда как поведение Иеошуа учит нас совсем иному. Именно когда наши заслуги признаны и вознаграждены, мы должны – по его примеру – «быть скромны, как прежде».

Тем более, когда восхождение к вершинам приводит к тому, чтобы встать во главе целого народа. Если человек, оказавшийся на вершине власти, заражен самодовольством, тогда эта черта его личности не только ослабит степень его влияния на окружающих, но может оказаться, что все его действия и усилия будут иметь обратный эффект. Это актуально осознавать особенно тем, кто является светскими лидерами.

Но склонность к самодовольству еще более опасна для лидера духовного. Потому что в этом случае те, кто смотрит на него «снизу вверх», преисполняются презрением к его самодовольству. А тогда они отвернутся не только от такого человека, недостойного быть духовным лидером, но – упаси Бг! – и от религии как таковой.

ЗАЛОГ БЛАГОСМИРЕНИЯ

Если же человек, оказавшийся на вершине власти, исполнен смирения, как Иеошуа, видевший себя слугой народа, а не господином, то это может положительно повлиять на всех, кто соприкасается с таким духовным лидером. И в этом – залог того, что его влияние будет расти. И урок этот уместен в те дни, когда мы читаем главу Аазину, – почти сразу после новогоднего праздника Рош а-Шона.

В Рош а-Шона евреи венчают Бга на царство во Израиле, и Он остается царем всего мироздания, (Рош а-Шона, 16а, 34б).

Заметим – сам факт, что этот сущностный для всего мироздания акт совершают именно евреи, указывает, сколь значима их роль в судьбах нашего мира. Ведь именно нам назначено венчать Бга Царем царей! И в этом таится своего рода опасность: евреи могут возгордиться той ролью, которая дана им от Бга.

И то, что Иешуа остался «так же скромн, как был», возвысившись столь много, должно о многом напоминать нам. Да, нам дано венчать на царство Бга, но следствием этого должна быть наша величайшая скромность. Ибо сказано в Игрос Койдеш (послание II): чем ближе человек к Бгу, тем больше он осознает дистанцию, отделяющую его от Бга.

Поэтому именно слуги Его, пренебрегающие собой, воистину являются сосудами Его благословения. Именно такие в грядущем году и пребывают залогом нашего благополучия как духовного, так и материального.

Адири

ЛЮБОВЬ И ПРАВДА

À Ì Ìòá áùéì òì Ì ááááòáòùéáò, éìááá Ì Ì òì áð.. È Ì Ìéáééááéé

ííí ù Èçðáééÿ Ì Ìòá..

Ááíðéì, 34: 7, 8

Ì Ìíéááíéá òééé Òòá, éìðìðùé çááðéááòùÿ ááááéé éééé ÷òáéÿ ñáÿòé éééé, Ì Ìááòááò Ì éì Ìòá çà Ì Ìáá Ìòé òé-éòáéÿ Ìòááá Ì Ìòá

Ááéé-áéééé Ìòìðé, áááááééé ñáéé Ìáðá éç ááéíáòéíáá áááòáá, òòéò Ìíááÿéì áí ááéé ÷áááá Ìáééò ááééé é Ìòìðéíá

ÁÁÁ Ì ÁÚËÑÌ ÁÌ ÈÇ

Наши мудрецы подмечают удивительную деталь в описании Торой траура евреев по Моше. Сказано, что его «оплакивали сыны Израиля».

В сходной ситуации, рассказывая о кончине другого великого еврея, Аарона, Тора (Бемидбар, 20:29) говорит больше: «...оплакивал Аарона весь дом Израиля».

Но величайший из комментаторов Торы, Раши, видит в этом различии другую причину:

«Мужчины (оплакивали Моше), однако Аарона, который стремился к миру и восстанавливал мир между людьми, между мужем и женой.., и мужчины, и женщины оплакивали».

Между этими двумя комментариями – весьма существенная разница. Как мы убеждаемся, первый говорит о преимуществе Моше перед Аароном. Раши же, наоборот, видит причину в особом миролюбии Аарона. В миролюбии даже большем, чем то, которым был наделен Моше. Комментарий Раши нам стоит обсудить особенно подробно. Как может быть, что, повествуя о кончине Моше, Тора – вместо того, чтобы подчеркнуть его величие, – находит некий изъян, несовершенство?

Уже в следующих словах, однако, Тора говорит:

«...Не было более пророка в Израиле, подобного Моше...»

Стало быть, Моше был совершенен! Так что же значат слова Раши на самом деле?

Ì Á ÁÑË Ì ÐÁÁÁÁ

Разумеется, одним из основных качеств Моше было его человеколюбие. Верный пастырь своего народа, он обучал Торе каждого. Но заботился Моше не только о духовном благополучии евреев. Ибо, комментирует Таанис (9а,) в пустыне и все материальные нужды

также обеспечивал Моше. Однако, вследствие своей особой миссии, Моше проявлял свое человеколюбие иным, нежели Аарон, путем.

Об Аароне говорится: для того, чтобы помирить товарищей или супругов, он даже иногда «отходил» от правды. Аарон мог, например, рассказать одному из поссорившихся, что второй хочет помириться, и то же самое мог рассказать второму о первом. Таким образом Аарон приводил к тому, что при встрече враги опять становились друзьями. Надо заметить, что такое поведение Аарона не только разрешено, но и предписано в (Иевомойс, 65б) нашими мудрецами:

«Ради миролюбия разрешено человеку “отходить” (от правды)».

Главным же качеством Моше, сказано в Шмойс Раба (65:10), в Сангедрин (111a) и других источниках, было правдолюбие. Поэтому для Моше подобные пути «наведения мостов» были неприемлемы.

Конечно, и Аарон не говорил неправды. И, как уже было отмечено, такое его поведение разрешено. Ибо «отходить» от правды – отнюдь не значит врать, так как в подобных обстоятельствах речь идет лишь о сокрытии части правды. И поэтому для Аарона, чьим основным качеством, – поясняют Шмойс Раба и другие комментаторы, – считается милосердие, такое «отклонение» от правды ради мира среди людей было вполне допустимым.

ПРЕДПИСАННАЯ СТРОГОСТЬ

В этой разнице между двумя главами заложен важный урок для всех нас. Есть люди, чьим призванием, жизненным путем является милосердие. Такой человек не может быть суровым, даже просто строгим ни в какой ситуации. Он готов простить ближнему абсолютно все. Он даже способен скрыть то, что может огорчить другого человека. И, очевидно, такая позиция достойна уважения.

Однако отец и учитель на это права не имеют. Они обязаны проявлять строгость тогда, когда это требуется. Учитель, обучая ученика Торе, должен передать свои знания в полном соответствии с источником. Передать, при этом открывая не только приятные, легко воспринимаемые истины, но и суровые, не всегда понятные нормы. Итак, учитель обязан учить Торе, ни в чем не «отклоняясь» от правды.

Моше же именно и был – в первую очередь! – Учителем своего народа.

Etī Eēi'ōd

120 ДНЕЙ КАК ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В седьмой день сивана Моше взшел на гору... *Nāi ī āāōāō īā ōai ōā āūēē dāqēō ū Nēdēāāēē. Āi nāi ī āāōāō īā īī īēāā [qīēī ō īā] ōāēūā ē nūēē nūāō ēāōēō ī dāāōōāī ēā Āāyōī āāōāō īā īī āqīōāē īā āōā, āā ī dāāūāāē 40 āīāē ē ī īēēē ī ī ēēīnōē. Ī āāāā yēōēā īī āqīōāē ī īēō-ēōū Āōīōūā Nēdēāāēē ē ī dāāūāāē īā āōā 40 āīāē. Āāyōīā ōēōōy Ā-āāāōī ōē āāāyī Nāīā dāūī īēīāēī ēā ē āūēī ōī ē dāāīnōē ē ī īēīī ōā nūāōā, ē nēāqāī āūēī Ī īōā «B ī dīnōēē, ēāē ī dīnēē ōū», – ē ōāē āūēē āāī ū Āōīōūā Nēdēāāēē.*

Dāōē ī ā Ōī īēñ 32:1 ē 33:11

Если в лаборатории провести анализ единственной капли морской воды, то она поведаст о свойствах миллионов своих сестер, рассказав о каждой капле в любом океане.

Ōī āēā nāi īā āāōī ī ē āyē ēnōīdēē. Nī īāīīē nōīōī ū, ēāēāūē īāōēīā – ōīēēāāī, ēāēāūē āā, ēāēāūē āāī ū, ēāēāīā ī āīīāīēā – īāīīāōīōēī ū. Ē āūī āēā, ī ū qīāāī, ēāē īāāāēī ēnōīdēy āēqī ē āīīā

èèouíáííá ÷áííáá í íáàò í ííá í íááàòúíáí í óáéí ñòíéàðèè. Èáé çíááí è í òíí, ÷òí ñáúòèý, í òíçíááòèá í áí ÿòè íáííá í íéíéáí èý, ñíííáí ú ííá:áñ í òðàçèòú á íááà óáèòò ÿííòá

Í ááðòíííòíí ó, í á íááèòááòáéúíí ó ÷áííáéò èáçáòíý, ÷òí áðáí ÿ - ñí áíáí è ñáúòèýí è, èíòíðá ííí áí áíááò á íááý, ííáíáí íéíðá çáí ííí ó èáíáçáòòó ñí áíáí íáíéííòáííúí òíí ó ðáçí í íáðàçéáí. Ñéáíçíí ðéçí ó ðáéíá í áéíéòáí í íá áçáýáá í òííòí í ááíçí í áéíí òí íáíáéòú áðáí ÿ áíáí é áááé, í á èíòíðé í á ííòòíí ó ááçó í íðé í á çá ÷òí çááí èòúý.

Í áíáéí áá, áíéè áí í óáðííéòá áíá í íááðòíííòííúá óáðáéòáðèíðèéè è í òðéíáòá áòíðííòáí áí í úá í áííòíýòáéúííòáá, òí èáí èý á íéáí á áðáí áí è í òðáçèò è ñóííííòííúá íáíéííòáá áá áíá, è çáéííú, èí òí ááéýòíéá

Ááéáýííú áí áðáí áí è, í ú ííáíáí ú ñóííòííúí ñòðáí í ééáí. Óáá çá è ááíí í áí ðáíéòúááòíý ñí ùíé ñáúòèé, íííéíýý í áçó ííúò. Í ú ííáí èí ááí íý í á òíéí ú, ñí òíéááí íý á áíééíú, í òíòíáéí íéáíçí í òííòííé è í áðáéòááí íý ÷ááç òííé, èáðáééááí íý íí íéáéáí. È áéý í áíí ñóííííòííáý í ðéòíáá èáçéáíá í áí íááí èý ñéòúòá áéóáíéí í íá íééáéáí è íéòí èíòííúú, áòíðííòáí áí í úó óáéòíá è íéò:áéíííòáé. Áááú èáçéáíá í áí íááí éá áí ðáéááò í á òíòáéúííúé ñí ùíé áéçí è èííòíðéè, íí - èèòú ñí áéòè:áíéòò ááí í ííòú, èáí ðéçí í á ñ:áòáí éá í áéíí òíòííú óáðáéòáðèíðèé è í òíéííáýíúáá.

Íí, áíáááò, èííé í áéçáçé ñòíéú í áíéíáí ñí ùíéáí è, í òíéçáíáéò í áííòíéúéí áéóáíéíá áíá:áòéáí éá ÷òí í éáçíááòíý óáéúí í èòíí áí è í éáòòðá

Óáé è á ñòðáííòáéýò ÷áííáéá èéè óáéíá í áðíáá íéò:áòòíý í áí íááí èý, èíááá ñóííííòú í òíéííáýíúáá çááíí è í áé:áñ áíí ðéí èí ááòíý áí áíéé áí áéóáíéá Áííí ðéí èí ááòíý óáé, ÷òí ðýá ñáúòèé èíí óáí òðéòúò á íááá áíð èííòíðé è è:íííòé èéè ñíòéí á

Óáéíá áúé í áðéíá í òíòýçáéííííòúð á 120 áíáé, í ðéóááòèéíý í á 2448 - 2449 áá íò Ñíòáíðáí èý í èðá (1313 áí í.ý). Ñíáúòèý, í òíéííáéáéòéá á ÿòíò í áðéíá í ááðáýí è, áíéíðá í ííéá òííá, èáé ííé í ííçíáéè íááý í áðíáíí, áúéè íéáòúí èíí í áíáéòú íí áíéé èííòíðéè ÷áííá:áííòáá. È èí áííí á íáí í áóéè í òðáçéáí éá íáí è ííí íáí áéçí è í á çáí éá, áíííáí òíá è èííá:íáý óáéú

ÿòè 120 áíáé, í òíí:èòúáááí úá í óáííòíá íéááíá 2448 ááá áí ááýòííá òéòðáý 2449 ááá, áí áííòèéè á íááý áíá. Á èí áííí: ñí òáíðáí éá í íáé ñóííííòé, èííòíðéò óíéééè è áíòúáí. Áí áííòèéè ííé è èííá:íúé òðéòí ó, í áíáðíáéí úí óíéíáéáí èíòíðíá í éáçáéèííí ááçá í óéáéè è í ðááíçáí èý.

ÓÍÁ ÑÍAÚÒÈÈ

В шестой день сивана 2448 года народ Израиля собрался у горы Синай, чтобы получить Тору. Евреи услышали Десять Заповедей, вобравших в себя всю Тору.

На следующее утро Моше взошел на гору, где 40 дней и 40 ночей пребывал в общении с Б-гом, постигая Тору, содержащую в себе подробное высказывание Б-га о Себе и мире, адресованное людям (Шмойс, 19 и 20; 24:12-18).

По прошествии этих 40 дней Б-г дал Моше на горе Синай две каменные Скрижали – «создание Самого Всесильного», на которых были Десять Заповедей, написанных «перстом Всесильного» (Шмойс, 32:16 и 31:18).

Однако люди в лагере у подножия горы к этому моменту уже предали забвению только что заключенный ими завет с Б-гом. Обратившись к египетскому идолопоклонству, они изготовили себе тельца из золота. А затем и предались пиршествам и разгулу, празднуя обретение этого изваяния, которое, якобы, и есть Б-г Израиля (Шмойс, 32:1-6).

Б-г сказал Моше:

«Иди вниз, ибо растлился твой народ, который вывел ты из страны Египетской. Быстро сошли они с пути, который Я заповедовал вам...» И повернулся Моше, и стал спускаться с горы, и две Скрижали Свидетельства – в руке его... Когда он приблизился к стану и увидел тельца и пляски вокруг него... бросил он Скрижали, которые нес в руках, и разбил их о подножие горы» (Шмойс, 32:7-19).

Это было в семнадцатый день тамуза.

Моше разбил идола – и вернул свой народ на путь, с которого тот сошел. Затем он возвратился на Синай, где пребывал еще 40 дней, умоляя Б-га простить Израиль.

Б-г согласился даровать вторые Скрижали – взамен разбитых Моше из-за того, что Израиль согрешил. Однако эти Скрижали были уже не «созданием Всесильного», но были сделаны человеком:

«И сказал Б-г, обращаясь к Моше: “Выруби себе две Скрижали из камня – такие же, как первые, и напишу Я на этих Скрижалях то, что было написано на первых Скрижалях, которые ты разбил... Взойди утром на гору Синай, и встань там предо Мною на вершине горы...”» (Шмойс, 34:1-2).

В первый день элула Моше взошел на гору Синай в третий и последний раз, и вновь пребывал там 40 дней. В десятый день тишрея были даны Вторые Скрижали, на которых Десять Заповедей были начертаны перстом Б-га по камню, высеченному Моше.

Таким образом, у нас есть три 40-дневных периода. И, соотносительно с ними, – три состояния Торы, им соответствующие. А именно: Первые Скрижали, Разбитые (те же Первые) Скрижали, и Вторые Скрижали.

Они, эти три периода, соответствуют основе нашего бытия, вызову, который бросает нам жизнь, и итоговым достижениям человека.

אֵלֶּיךָ יְיָ

Мудрецы указывают, что стих, открывающий Тору, и повествование о Творении, «Брейшис боро Элоким...» («В начале сотворения Всесильным неба и земли...»), начинается с буквы бейс – второй буквы еврейского алфавита. Это учит нас пониманию одной из существенных деталей мироустройства: как буква алеф предшествует букве бейс, так же точно есть и то, что предшествует тварному существованию.

И точно так же – творение не является самоцелью. Оно вызвано из небытия для того, чтобы служить Началу, предшествующему ему. Служить – и в том, что касается порядка явленного бытия. Служить – и в том, что касается существования субстанции.

Этот алеф, предшествующий сотворенному миру, – тот самый алеф в высказывании «Анохи Ашем Элойкехо...» («Я Б-г, Всесильный твой...»), которым начинаются Десять Заповедей. Тора – это помышление Б-га о том, какова должна быть жизнь на земле. Тора – помышление Творца, предшествующее сотворению этой жизни.

А основа и смысл существования всего творения в том, что мы призваны совершенствоваться и совершенствовать все, что окружает нас, во имя достижения этого идеала, высказанного в Торе.

Б-г хотел большего. Большого, чем осуществление Его изначального замысла творения. Большого, чем механическая реализация плана, когда все и вся займут строго отведенные им места. Большого, чем мир «Первых Скрижалей», которые были начертаны «перстом Всесильного».

По определению, тварь не имеет ничего, что было бы, воистину, ее собственным. Ибо ясно: все ее способности, ее потенциал и возможности – даны ей Творцом.

Но Б-г желал, чтобы человек с опы

том обретал больше, чем это Им предусмотрено, пусть даже это чревато риском, вложенным в нас от Творца. Потому-то Он и сотворил нас уязвимыми: Он дал нам свободу выбора, но тем самым и предоставил возможность ошибаться, и не уничтожил возможность грешить.

Поступая праведно и конструктивно, мы действуем «в соответствии с планом». А значит – и реализуем тот потенциал, что заложен в нас Творцом.

Но избирая неправедное и разрушительное поведение, мы приходим к состоянию бытия, не предусмотренного планом Торы. Ибо такое поведение – неестественно, и оно представляет собою противоположность того существования в этом мире, что предписывает нам Тора.

Но, однако же, это состояние приводит нас к тому «трамплину», которым является тшува («возвращение»). А ведь именно тшува – сила, возносящая нас от руин греховности к новым вершинам совершенства. Тшува способна вознести к совершенству такой степени, какой на прежнем нашем уровне – не согреши мы – просто невозможно бы было достигнуть.

Исходя из этих посылов и оснований объясняет само существование зла философия хасидизма. Именно об этом говорит Псалмопевец в Теилим (66:5): «страшно дело (Его) для сынов человеческих». (См. также Мидраш Танхума, Ваейшев, 4; Талмуд и Раши, Брохойс, 31б.)

Душа человека – «искра Б-жья», изначально и всецело исполненная добра и блага. Изначально ей неведома порча в себе самой и по собственной причине. И уязвимость человека перед лицом зла есть не что иное, как замысел Творца, заложенный от начала. Уязвимость наша – для того, чтобы «страшное» противостояло сущностной природе человека.

Если «Первые Скрижали» были Б-жественным видением «проекта Творения», то «Разбитые Скрижали» – это облик мира-как-он-есть, столь хорошо известного каждому из нас. Этого мира, в котором мы вынуждены мириться с несовершенством, с ошибками, с явным злом.

Собственно, именно этим миром и были разбиты Первые Скрижали. Ибо этот мир отклонился от своего основания и от истинной своей сущности. Отклонился, войдя в диссонанс с тем идеальным миром, каким его Создатель замыслил: обладающим благом в себе.

И Разбитые Скрижали – часть замысла Того, Кто является истоком всего сущего. Ибо с разбитием тех Скрижалей открывается возможность появления Вторых Скрижалей. Тем самым указано Творцом: всякая ошибка, всякое падение могут стать позитивной силой, способны послужить толчком ко благу.

Так изначально совершенство души человеческой может быть разбито, как были разбиты Первые Скрижали. Но тем самым и было показано, что это – лишь повод для того, чтобы «вырубить себе» новые Скрижали из камня. Те самые Скрижали, на которых перст Б-га начертит письмена, что лягут на основу, подготовленную инициативой и волей самого человека.

Потенциал этих Вторых Скрижалей будет намного больше, чем потенциал Скрижалей Первых, чье явление было делом Одного Б-га, но не человека.

Мидраш Шмойс Раба (46:1) напоминает нам о том, что Б-г сказал Моше: «Не скорби по Первым Скрижальям, они содержали лишь Десять Заповедей. Дав Вторые Скрижали, Я даю Вам также и Алоху, Мидраш и Агоду».

Не впади Израиль в грех, и не сотвори он золотого тельца, у нас были бы лишь Пятикнижие Моше и книга Иешуа, – указано в Талмуде (Недорим, 226).

Но недаром же и Коэлес (1, 18) изрек истину: «Умножая мудрость, умножаешь огорчения».

ЕЖЕГОДНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ НА КРУГИ СВОЯ

Эти 120 дней наложили свой отпечаток на само наше восприятие времени.

Из года в год в шестой день сивана – в праздник Швуэс – мы вновь переживаем и откровение на горе Синай, и обретение знания о мироустройстве и основах нашего бытия.

Через 40 дней, в семнадцатый день тамуза, мы опять познаем, что значит – быть отброшенными назад. Вновь познаем, что значит – пройти через кризис, связанный с этим днем.

В семнадцатый день тамуза – пост в память пяти трагедий, обрушившихся на народ Израиля. И первой из них было сокрушение Скрижалей (Таанис, 26).

Элул и первые десять дней тишрея соотносятся с третьим 40-дневным пребыванием Моше на горе Синай. Соотносятся с тем временем, когда в итоге было восстановлено «благорасположение» между Б-гом и человеком.

И именно в эти дни ищущему Всесильного легче всего обрести с Ним контакт.

Так, Йом Кипур – самый святой и важный день года – знаменует собою «пик» этой истории, развертывающейся на протяжении 120 дней. С тех пор как в этот день Б-г даровал народу Израиля Вторые Скрижали, день этот стал основанием для тшувы.

И здесь – исток того, что мы можем покаяться о совершенных в прошлом ошибках. А тогда и само это раскаяние станет тем пламенем, которое питает нас в достижении новых высот, прежде недоступных для нас.

И здесь же – основа того, что мы «с прибытком» можем вернуть Б-гу то, что вложено Им в наши жизни. Вернуть – то, что в нас вложено Творцом с величайшим риском.

Нóсéííí

МИЦВА, ЛЕГКАЯ ДЛЯ ИСПОЛНЕНИЯ

Éàé èíí íéí èòúí èöáö

í íðíæéááí èè á ñééí (óàéàóá)?

Ñéáááö áíöü í èòúí è æèòúí á ñééí

*áíáí è íí-íí, òàé æá éàé á ííöæüü úááí è ááá í ú æéááí á áíí á Éáí á íðáçáí èé Нóсéííí í á ñáí ú áíáé
áíí ñöáí íæèíí*

æý :æííáéá áðáí áí í úí

íæèòæéùáí, á ñééí -

íæèòæéùáí íííöíííííí.

Óóöáí Í ðá, Í ðáö Óàéí 639, 1

Ñéáçáí í Á-áí : «Áíöü ó Í áíý

í èöáá, éááçáý æý èíí íéí áí èý,

еи ъ ае – мицеи».

Оаеи оа, Ааеаа Ци да, 3а

«А оаеаоао аеаеоа ми у аиае», – неааи а Ои да (Ааеоди, 23:42,43), – «...ааау аиае и теи аеу аае, ои а оаеаоао и мицее Б ми и а Еграеуе, еи аа аиае ео еч нодат у Аае ао теи».

Оаеуаау, ои а ое ое ди аи ии ноеоа Ои ди еми теи ааи аае «и мицеоу», и оаоу ааеао неааоуе аиаа. И оаа и мицеи а ои, ои а и ди о а ае е и да аи еа Ноеи н – н 15 и 21 ое оау, мицеи аи ае а ноду ааеи ми аи аи ае оаеуаи. Ааа ои, ои аау и и у ааеаа а аи а, и у аи ае аи а ае ае ааоу а мицеи, – неааи а Оаеи оаа (Ноеи, 28а; Даи ааи, аеи и и мицеи, 6, 5).

аеи (Оаеи оа, оаи аа) ии оааеуао, аа ае ае ае а а аау аае оу и а ми аи мицеи. Оае, аи о а а а а а о а а и аи оу ее ми аоу а оаеаоа, аи а аи аи оу о ае аеуо и а ааао аи оу ее ми аоу аи а

Еаеаао и ми а еи аа и ааа аа е аао ии ое оуи, и у ии оаеуаи аае аи а. А а ааеао и у оаеи еч ае, ои аи аи и аи нод ае ееуа, аа и у аи ии аи о ааи ии ии оааи ми а аеи ии оу и о ноее.

Оаи ми уи и у неаао аеуи оааи и аае ааа а А ааи о аи и а ии ааи ае ае а еи аау аи о аа аа аи оае Ои и оае, ае аае ии ае, и еи ои оу неааи А аи ии ои ое Еди еуо (2:2), ои оа ое «а и ии ии ии оу а, и аи а аа аи ии».

Ии ае оу а оаеао а ааеао – аи ми ааи оаа аааи ае е аи аи удее ии о. Е оаи а аи аа, аа ае аи неааоа, ои еми теи оу аи и аи «еаеи».

И аи аи а Оаеи оаа неааи, ои аи ои – «еаеу аи оаа», ааи аау аи А аи!

ОДАААА ОАЕУА ОА ОУ

Слово «мицва» используется в Торе для обозначения Б-жественных установлений, которые направляют нас и согласно которым мы должны устраивать свою жизнь. Слово это имеет два значения – «предписание» и «единение».

Давая нам мицвойс как предписания – не даром мы используем для них и другое слово – «заповеди», Б-г тем самым сделал возможным установить связь между Ним и нами.

Рука, раздающая милостыню, разум, впитывающий мудрость Торы, сердце, исходящее молитвой, вплоть до желудка, что насыщается мацой в Пейсах, – все они становятся через исполнение мицвойс инструментом Б-жественной воли.

Есть мицва для каждой части нашего тела, для каждого органа и для всякой способности, которыми наделен человек. Существует мицва также и для каждого аспекта жизни. То есть благодаря исполнению мицвойс мы всецело оказываемся вовлеченными в контакт с Сотворившим нас.

И тут проявляется особенность, выделяющая мицву о сукко среди всех остальных мицвойс. Тогда как остальные мицвойс обращены чаще всего к какому-то определенному аспекту нашей личности, мицва о сукко является тем медиатором, посредством которого человек целиком оказывается вовлеченным в исполнение Б-жественной воли.

Переходя жить в шалаш, человек переносит туда всю свою жизнь. Учителя хасидизма говорят по этому поводу следующее.

«Исполнить мицву – значит, войти в нее, а мицва о сукко выделена среди других: ведь в сукко мы входим вместе с пылью на башмаках».

В течение семи дней праздника Суккос именно сукко становится нам домом. Таким образом, шалаш в эти дни служит той средой, в которую перенесена наша жизнь – со всеми ее помыслами и устремлениями.

×ĀĒĪĀĀĒ Ē ĒĒĪ ×ĪĒ ĆĀĪ ĒĒ

Мы лучше поймем, почему мицва о сукко объемлет всего человека и отчего исполнение этой заповеди приближает нас к Бгу, если задумаемся о том, что значит для большинства людей понятие «дом».

Мудрецы указывали, сколь глубоко у нас желание обрести дом. Это – больше, чем просто желание найти убежище или желание достичь безопасности. Ибо мы можем обрести безопасное пристанище, но оно не будет для нас домом – не станет тем клочком земли, который мы называем своим.

Более того, в Талмуде (Иевомойс 63а) сказано: «Тот, кто не имеет своей земли, не человек». Потребность в доме изначально присуща душе человеческой, и эта потребность является определяющей чертой нашего существования.

Мы отождествляем себя с нашим домом, и речь идет о большем, чем просто время проведенное в его стенах. Когда мы работаем, приходим в гости к друзьям, беседуем со случайным прохожим в парке, мы ощущаем себя хозяином дома. Именно – хозяином, который уходит на работу, навещает друзей, останавливается поболтать с прохожим. Без этого ощущения человеческое «я» неполно. Поистине так – ибо чувство обретшего дом обуславливает каждый наш поступок или же, по меньшей мере, причастно к его совершению.

И поэтому семь дней, когда сукко становится нашим домом, эти семь дней и их опыт определяют наше представление о себе. Собственно, они его формируют. Все, что мы делаем в это время – в том числе и за пределами сукко, – включено в наши отношения с Б-гом, установленные этой мицвой.

Ī DĪ NŌĪ, ĒĀĒ ĀĒĪ Ū

А теперь попробуем понять: почему мицва о сукко – «легкая» мицва, данная нам Б-гом?

К исполнению Б-жественных установлений человек может относиться двояко. Так, он может видеть в этом долг. А может смотреть и иначе – в их исполнении усматривая истинную цель своего существования.

Тот, кто в исполнении мицвойс видит свой долг, считает целью жизни реализацию собственных устремлений. Такой человек признает Б-га Творцом Вселенной и источником своего существования, без чьей воли ничто не происходит. И конечно же, он считает себя обязанным повиноваться воле Б-га, четко выраженной в повелении исполнять мицвойс.

Но есть и иной тип людей, которые постигли истину, выраженную в Талмуде (Кидушин, 82б): «Зачем был я создан, как не во имя того, чтобы служить Создавшему меня?» В этом служении Всевышнему такие люди видят свое истинное «я». И именно в этом служении Б-гу для них и самореализация, и утверждение своей личности.

Если человеку свойствен первый тип взаимоотношений с миром, если он относится к исполнению мицвойс как к долгу, тогда исполнение одних мицвойс будет для него «легким», а других – «тяжелым». Он может исполнять их все, возможно даже без всякого принуждения. Однако исполнение одних будет казаться ему чистой радостью, тогда как исполнить другие будет очень непросто, ибо это потребует от него усилий и напряжения.

С другой стороны, «трудность» исполнения мицвы может зависеть и от того, каких затрат времени, усилий или средств требует мицва.

Но если в исполнении Б-жественной воли мы видим смысл нашей жизни, то не существует самого понятия «тяжелая мицва». Все мицвойс – одинаково «легки»! Ибо они не являются внешними по отношению к нашей жизни требованиями, а -становятся самой жизнью.

При таком отношении к жизни стирается различие между тем, что требуют от нас мицвойс, и тем, как мы живем. Если мы живем ради того, чтобы через наше посредство осуществились цели, которые Б-г поставил перед творением, то что тогда? Тогда вся наша внутренняя жизнь, – включая и те наши поступки, которые не имеют отношения ни к какой мицве, – оказывается подчинена только одному: стремлению соединиться с Творцом и послужить Его воле.

Любую из мицвойс можно исполнять тем или иным образом. Но в отношении лишь одной из них сами условия ее соблюдения предполагают только один подход: когда жизнь и исполнение заповеди сливаются воедино. Мицва о сукко не велит нам что-то делать, нет: но она велит нам быть кем-то, а именно – «теми, кто живет в шалаше».

Соблюдение этой мицвы в том, чтобы сделать шалаш на семь дней в году нашим домом. Домом – и тем самым, через проживание в сукко, – мы обретаем наши корни, наше представление о себе.

Вот почему праздник Суккос получил свое имя от названия мицвы о сукко, а не от какой-либо другой из мицвойс, которые мы исполняем в течение этих дней (например, мицвы о четырех растениях).

Если модель отношений к исполнению заповедей, которая дана в мицве о сукке, мы распространим на все остальные мицвойс, данные Б-гом, то тогда каждая из них вместит в себя всю нашу жизнь. И исполнять их нам станет так же легко, как жить.

Nèi òan Òrédà

NĀÈŌĪĒ

Ā īdāqāīēē Nèi òan Òrédà (òanīnōū Ōrōū) ī ū dàāōū īy' Ōrōā ī ū dàāōū īy' òīī ō ÷ōī ī ū - āāōāē. Dāāōū īy', ÷ōī īāōā wēqīū «ēōīēōīy'» ā īīōāāōnōāēē īī Ā-wānōāāīīēē ī ōāōīnōūy' ē Ā-wānōāāīīēē āīēāē, īōīēēāpūēī ē ēāwāīā ī āīīāīēā īāōāāī āūōēy': ī ōāōīnōūy' ē āīēāē, īōēōīōūī ē īāī īā āīōā Nēīāē.

Ī ī īāīāēī - ā ÷āī wā çāēēp-āī ā īōūī īnōū Ōrōū?

Ā ÷āī çāēēp-āī ā āīīāīāī ēpūāy' ī ōāōīnōū Īyōēēīēwēy' Ī īōā, ā ÷āī - āīīēīūāīī āīōī īāīēā īōīōēīā, ā ÷āī - yāēāī ā īōīēā īīāēī īā? Ā ÷āī - āīēāçāī ā īōōī-āī īīnōū Ōāēī ōāā, ā ÷āī - īōīāēēōīāī ū īānōāāēāīēy' āēīōē ē īēōīōū ōāēī ū ēāāāēū?

Ā ÷āī - āīī çāēīīū, īōāānōāāīīūā ē òēēīīōīēēā āīīnōēwāīēy', īī dàāāēēāōēā īāōō wēqīū? Ē - ÷ōī īīōāāēy'āō ōō wēqīū ēīōīōāy' ōēā āīēāī ōōāō ōūīy'-āēāōēē īēōēēō āīīī ō ÷āēīāā-āīōāō īōēāī ōēōī, īīīāīāī ōīī ō ēāē ī āyē ōēāçīāāāō īōōū ī īōāī ēāāāōāēy'ī?

Āīā yōī - ā īīēōēā ēīīāūāīīī īēīīī āīāī ē. Āīā yōī - ā īīēōēā īāōāī āīōā, īīīy'īāīīī ēāīōīē ē īāēōūōīī āīōēōūī īīēōīāī. Yōō Ōrōō ī ū āāōēēī ā òēāō, ēīāāā ā āāī ū Nèi òan Òrédà ī ū òāīōōāī ā īēīāāīāāō, ēīōīōūāīnōīyō īī āīēē çāī ēā

Ēāē wā īēāāōōō īāī īdāçāī īāāōū āāīū ēīāāā āūēē ōīōāī īāēāī ū ōçū, īīy'çāāōēā īāī īī Ōrōē? Īāōēāēē īāēāīēāī īīāīāāpūāī āīōāwāīēā āīīē wēōīēī ū īāōāē dàāīnōē - yōī īēy'īēā ā īēīāāāī, īēy'īēā, ā ēīōīōīē ī ū īōīōēōāī āāēī āēē āā òānōōā-ēāāāī īēēū?

Īāōēāēē Īāōīā Ēīēāē īā ī īā īōēāōī āōū īē-āāī ēīīā āēy' āīōāwāīēy' dàāīnōē, ÷ōī āī ū āāōīāī ēīōī-īēē, ā ēīōīōīī - āīy' ī ōāōīnōū?

Íá éó-εά έέ á òαέίε άάú ííάβρεòúñý á εó-άίεά òάεί άάά έέέ ííñýòέòú γòí άάί ú ííñòεεάίεβ òέέíñòέέ òíάí?

Í Í Á ò Í Δ Í Í Ó Δ Á Ç Ó

На самом деле, в каждом году есть два дня, когда мы празднуем получение Торы: это – Швуэс и Симхас Тойра.

Швуэс – день, в который еврейский народ удостоился Б-жественного откровения на горе Синай. Это день, когда Б-г поведал нам Тору, возведя Моше на вершину горы, чтобы дать ему две Скрижали Завета. Однако позже эти Скрижали были разбиты, ибо мы совершили грех против заповеданного в них, служа золотому тельцу.

И вторые Скрижали были даны нам в Йом Кипур, – именно им мы и радуемся в праздник Симхас Тойра.

Иными словами, первые Скрижали, что были даны нам в Швуэс, олицетворяют «договорный» аспект Торы, налагающий на нас обязательства. Мы должны изучать Тору и исполнять волю Б-га. На этом уровне связь каждого из нас с Торой определяется дарованными нам способностями и нашими поступками. А именно: чем больше мы изучаем Тору, тем больше мы ее постигаем, чем острее наш разум, тем глубже наше понимание. И если кто-то нарушает Тору, то он недостоин ее. Поклонение идолам, отлитым из золота, ведет к разрыву Завета с Творцом.

Но у Торы есть и иные измерения, трансцендентные по отношению как к нашим поступкам, так и к нашему постижению сказанного ней. Это – сама суть Торы, суть уз, соединяющих Б-га и евреев. Узы эти актуализируются нашим изучением Торы и соблюдением заповеданного нам в Пятикнижии, но они существуют также и вне зависимости от этого. Никакой грех или нарушение Закона Торы не могут ослабить эти узы. И именно это было явлено, когда Моше разбил первые Скрижали: узы, соединяющие евреев и Б-га, неодолимы! И на Симхас Тойра мы празднуем именно эту – «сущностную» – Тору, Тору вторых Скрижалей.

В Швуэс мы всю ночь читаем и постигаем Тору. В праздничную ночь мы читаем из Пятикнижия Моше, из Книг пророков и из их писаний. Также мы читаем первый и последний разделы каждого из всех 60 трактатов Талмуда, отрывки из эзотерических текстов Сефер Йециры и Зоги, читаем список всех 613 мицвоис, составленный Рамбамом. В день Швуэс мы празднуем наше осознанное восприятие Торы, достигаемое на путях изучения и постижения сказанного в ней.

В праздник же Симхас Тойра мы вспоминаем о сущностных узах, связавших нас с Торой. Именно поэтому свиток Торы остается неразвернутым: мы прикасаемся к нему самому, а не к написанному в нем, мы держим Тору, а не пытаемся постичь ее слова. Мы танцуем с Торой, а не изучаем ее. Ибо мы празднуем нашу связь с теми измерениями Торы, которые объемлют всех евреев, – без различия, вне зависимости от их мудрости и от их духовных достижений. Танцуя, мы все равны перед Торой: пот знатока Торы – ничуть не достойнее пота его почти не понимающего грамоте собрата, притоптывание праведника – не благочестивее притоптывания гуляки.

В день праздника Симхас Тойра мы – равны: равны в нашей неспособности постигнуть суть Торы, так же, как равны в том, что все мы сущностно с нею связаны.

ЛЕХАИМ ОКТЯБРЬ 2003 ТИШРЕЙ 5764 – 10(138)
СЕМЬ ЗАПОВЕДЕЙ НОАХА В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

יְאֵאָרְאֵי אֵלֵינוּ דְבֵי עַ

אֵלֵינוּ דְבֵי עַ

Рабби Шимон бен Цемах Дюран, известный в раввинистической литературе как Рашбац, – один из крупнейших талмудистов и толкователей Закона Торы, философ, астроном и врач. Родился он в городе Пальма на острове Мальорка или, как полагают иные, в испанской Барселоне в 1361 году, и в период гонений на евреев со стороны инквизиции был вынужден покинуть Испанию. Рашбац поселился в Северной Африке, где стал раввином и врачом в городе Алжире. Он является автором целого ряда книг, в их числе «Респонсы Рашбаца» и «Моген Овойс» – четырехтомный комментарий на талмудический трактат «Овойс».

Во втором томе комментария содержится глава, посвященная полемике с христианством и мусульманством. Эта глава в свое время была издана отдельной книгой под названием «Кешет У-маген» («Лук и Щит»). В книге проводится весьма тонкий анализ христианской религии с исторической и догматической точек зрения, есть в ней и критический обзор текстов, священных для христианства, а также исследованы моменты соприкосновения христианства с иудаизмом. Книга «Кешет У-маген» невелика по объему, но многие из ее тезисов настолько оригинальны, что могли бы заинтересовать и современных историков, и исследователей христианства.

Основной тезис рабби Шимона бен Цемаха состоит в том, что христианская церковь искажила учение основоположников христианства. «Христиане, – писал Рашбац, – хотя и верят в то, что Тора, которая была дана Израилю через Моисея, исходит от Б-га, утверждают, что Тору эту основоположник христианства Иешуа из Назарета заменил Новым Заветом.

Это утверждение, однако, находится в явном противоречии с высказываниями самого Иешуа, как они приводятся в Новом Завете. Он говорит: «Не думайте, что я пришел отменить Тору или пророков. Не отменить пришел я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не пройдет небо и земля, ни одна йота и ни одна черта не пройдет из Торы, пока не исполнится все. Кто нарушит одну из малейших заповедей, тот малейшим наречется в Царстве небесном». (Матф. 5). А в другом месте говорится, что в ответ на вопрос одного человека, как ему достичь вечной жизни, Иешуа ответил: «Соблюдай заповеди», то есть заповеди Торы (Матф. 19).

Рашбац приводит также цитату из Талмуда, согласно которой Иешуа сказал: «Я не пришел убавить чего-нибудь из Торы Моисеевой, и ни прибавить чего-нибудь к Торе Моисеевой». Так же и апостолы его после смерти Иешуа соблюдали законы Торы о пострижении назорея и жертвоприношений. Они объясняли иудеям в Иерусалиме, что ничего не делали против Торы и даже обличали храмовых служителей, что те не соблюдают законы Торы как следует.

Почему же тогда христиане в более поздние времена не соблюдали всех заповедей Торы? Рашбац объясняет это тем, что апостолы христианства обращались со своей миссией распространения веры к неевреям, или – как они названы в христианском Новом Завете – к

язычникам. Поскольку ученики Иешуа хотели привлечь к его вере как можно больше язычников, они должны были облегчить для них бремя Торы. Они понимали, что, если требовать от неевреев обрезания и соблюдения практических предписаний Торы, то невозможно будет привлечь их к вере. Что касается самого Иешуа, то его проповедь была обращена к евреям, его ученики были евреями, и он не находил нужным вводить послабления в Закон Торы ни для себя, ни для своих учеников.

В качестве доказательства Рашбац приводит известный рассказ из Нового Завета (Деян. 15) о случае с обращением язычников в городе Антиохии в Малой Азии. Во время пребывания Павла (он же Шаул или Савл) и Варнавы в Антиохии между проповедовавшими христианство среди язычников произошел спор. Одни утверждали, что язычники не могут обрести «спасения» (то есть удела в грядущем мире) без обрезания и принятия всех заповедей Торы. Павел и Варнава же считали, что в этом нет необходимости.

Для разрешения спора было решено отправить Павла и Варнаву к апостолам в Иерусалим. По прибытии в Иерусалим они были приняты общиной верующих христиан, и все собрались для обсуждения этого вопроса. Среди собравшихся были говорившие, что «должно обрезать язычников и заповедовать им соблюдать Закон Моисеев». Тогда «апостолы и пресвитеры собрались для рассмотрения этого дела». После рассказов Павла и Варнавы об успехах распространения христианства среди язычников в Антиохии и о том, какие чудеса сотворил Б-г чрез них среди язычников, выступил с речью некий Иаков, который сказал между прочим следующее:

«...Написано: “Дабы взыскали Б-га прочие человеки и все народы, между которыми возвестится Имя Мое, говорит Б-г, творящий все это”... Посему я полагаю не затруднять обращающихся к Б-гу из язычников, а написать им, чтобы они воздерживались от оскверненного идолами, от блуда, удушения и крови и чтобы не делали другим того, что не хотят себе; ибо Закон Моисеев от древних родов по всем городам имеет проповедующих его и читается в синагогах каждую Субботу...»

«Из всего этого видно, – пишет далее рабби Шимон бен Цемах Дюран, – что они не отменяли закона Торы, а главная цель их состояла в привлечении неевреев к вере при условии, что они будут соблюдать Семь Заповедей Ноаха: запрещение идолопоклонства, запрещение блуда, запрещение употребления в пищу органов живого животного. Что касается других заповедей Ноаха, то запрещение богохульства подразумевалось под запрещением идолопоклонства, а запрещение грабежа и убийства входит в состав заповедей о правосудии. А поскольку правосудие уже существовало у древних римлян, греков и других народов, то не было необходимости особо предписывать им эти заповеди. Что же касается слов Павла в его Послании Римлянам (гл.2): “...обрезание полезно, если соблюдаешь Закон”, то есть Тору, то он имел в виду, что только те из язычников, которые хотят полностью принять иудаизм, должны пройти также обряд обрезания».

Дело в том, что в Талмуде существует понятие «гер тошав». «Гер» – это прозелит, нееврей, который принял иудаизм. В Талмуде и в раввинистической литературе различаются две категории прозелитов – «гер тошав» и «гер цедек». «Гер тошав» – это язычник, принявший на себя – в присутствии еврейского суда, состоящего из трех человек, или в присутствии суда, состоящего из трех таких же прозелитов, – соблюдение Семи Заповедей Ноаха. «Гер цедек» – прозелит, принявший на себя, так же в присутствии суда, состоящего из трех раввинов, соблюдение всех заповедей Торы. После этого он проходит обряд обрезания крайней плоти и совершает ритуальное омовение в микве – бассейне с проточной водой, чем и завершается принятие иудаизма. С этого момента такой прозелит становится полноценным иудеем, обязанным исполнять все заповеди Торы, как и чистокровный еврей.

Законы иудаизма не предписывают евреям вербовать прозелитов. Только те из неевреев, кто искренне и сами изъявляют желание приобщиться к Б-жьему народу, принимая на себя бремя соблюдения всей Торы, могут это сделать, пройдя обряды гиюра.

Зато распространение Семи Заповедей Ноаха евреям предписано. Этим и объясняется, что основоположники христианства, которые были из евреев, проповедовали среди древних язычников, римлян, греков и прочих веру в Единого Б-га и соблюдение заповедей, называемых в Талмуде «Ноаховыми».

А для того чтобы прозелиты, принявшие веру в Единого Б-га и соблюдение нескольких заповедей, не чувствовали себя униженными по сравнению с прозелитами, которые обрезались, апостолы – и особенно Павел – написали целый ряд посланий. В посланиях новообращенных убеждали в том, что они будут «спасены», то есть будут иметь удел в мире грядущем, и это безусловно верно и с точки зрения иудаизма. Апостолы советовали новообращенным сосредоточить свое внимание на духовном очищении, на заповеди любви к ближнему, которая – как и в учении Талмуда – является главной и обобщающей заповедью Торы.

Разумеется, между иудаизмом и христианством существуют принципиальные разногласия, касающиеся основ веры, например: пришествие мессии-Мошиаха, вера в Единого Б-га. Тем не менее, выдающиеся учителя иудаизма – Маймонид, Раши и многие другие, нисколько не признавая христианских догматов, считали распространение веры в святость Торы и в приход мессии среди народов мира явлением положительным. Явлением, предусмотренным Б-жественным Провидением, и подготовкой к приходу Мошиаха, к наступлению мессианской эры – благословенного будущего всего человечества.

Из всего сказанного следует, что те из христиан, которые видят свое назначение в обращении евреев в христианство, отрывая их от соблюдения Торы, – совершают грех не только против Торы, но и против своей веры. Уяснив вышеизложенные принципы разделения людей на тех, кто принимает на себя соблюдение всей Торы, и иных, принимающих соблюдение только Заповедей Ноаха, евреи и христиане смогут прийти к взаимопониманию и взаимному уважению.

ЛЕХАИМ ОКТЯБРЬ 2003 ТИШРЕЙ 5764 – 10(138)
יִי אֱלֹהֵינוּ אֲנִי הָיִיתִי בְּיָמָיו וְעַתָּה אֲנִי הָיִיתִי בְּיָמָיו

אֲנִי הָיִיתִי בְּיָמָיו וְעַתָּה אֲנִי הָיִיתִי בְּיָמָיו:

2 сентября 2003 года (5 элула 5763 года) в Киеве, в «Президент-отеле», состоялся II съезд раввинов Украины. На съезде рассматривались проблемы еврейской общественной и религиозной жизни. Особое внимание участники съезда – 23 раввина, представляющие все регионы Украины, – уделили вопросам регистрации и учета рождений, браков, разводов и смертей; уходу за еврейскими кладбищами, а также трудностям, возникающим при решении иных сложных ситуаций.

В ходе работы II съезда раввинов Украины было высказано предложение о создании центрального органа (раввината), который взял бы на себя ряд важных функций, связанных с организационными, а также духовными проблемами еврейской жизни в стране. Раввин Шолом Готлиб (Николаев) справедливо сказал, что возглавить Раввинат и занять пост главного раввина Украины должен авторитетный, известный духовный лидер, пользующийся уважением и во всем мире, и на Украине. Раввин Мойше Москович (Харьков) в этой связи предложил кандидатуру раввина города Брюсселя Азриела Хайкина. Крупный знаток Торы, человек, обладающий большим нравственным авторитетом, на протяжении многих лет консультирующий раввинов, работающих на Украине, он хорошо ориентируется в делах еврейских общин СНГ и владеет русским языком. Кандидатура была поддержана подавляющим большинством голосов, и раввин Азриел Хайкин был избран на пост главного раввина Украины. Съезд направил ему письмо с сообщением об избрании и просьбой приехать на Украину в ближайшее время.

Протокол съезда и письмо были подписаны большинством присутствовавших раввинов Украины.

«יִי אֱלֹהֵינוּ אֲנִי הָיִיתִי בְּיָמָיו וְעַתָּה אֲנִי הָיִיתִי בְּיָמָיו»

יִי אֱלֹהֵינוּ אֲנִי הָיִיתִי בְּיָמָיו וְעַתָּה אֲנִי הָיִיתִי בְּיָמָיו

אֲנִי הָיִיתִי בְּיָמָיו וְעַתָּה אֲנִי הָיִיתִי בְּיָמָיו (www.aen.ru)

– **Что вы ощутили, получив приглашение возглавить раввинат Украины?**

– Прежде всего, груз большой ответственности. Ведь речь идет об огромной стране, о десятках еврейских общин, которые знали и очень тяжелые времена в прошлом веке. Работы предстоит много. Надеюсь не разочаровать своих будущих коллег.

– **Вас не смущает, что придется оставить налаженную жизнь в обустроенной западноевропейской стране и ехать в государство, расположенное на границе Европы и Азии, сталкиваться с незнакомыми проблемами?..**

– Украина для меня не чужая страна. Мой отец родился в деревне под Черниговом, мать – из России, жена тоже родилась на Украине, в Полтаве. Мы жили там до войны. Но когда нацисты оккупировали Украину, нам пришлось бежать на Кавказ, в Грузию.

Кроме того, еще во второй половине 80-х годов, когда в Советском Союзе началась перестройка и разрешили создавать религиозные общины, я посещал Одессу,

Харьков, некоторые другие города, помогал молодому поколению организовывать общинную жизнь.

– Какую задачу вы считаете первоочередной?

– Главная задача – добиться, чтобы молодые раввины по каждому поводу не должны были обращаться к религиозным авторитетам за рубежом. Поэтому первая цель – создать бейс-дин, раввинский суд.

– Сейчас все верующие – наверное, не только верующие – евреи Украины оживленно обсуждают решения Комитета раввинов и ждут, с чем вы едете к ним, что вы им скажете...

– Прежде всего, я хочу призвать их не копаться в прошлом, не сосредоточиваться на том плохом, что было. Мы открываем новую страницу. Украинское еврейство обладает огромным положительным духовным потенциалом. Наш долг – использовать его в полной мере.

– И если можно, в заключение – несколько слов о вашей семье.

– Я женат, у меня трое детей, уже взрослых, так что есть и внуки. Дочь замужем, живет в Южной Африке, сыновья в Америке. Старший продолжил семейную традицию и тоже стал раввином, а младший выбрал другую дорогу – он художник-график.

Аזריאל חייקין דאָרען אַ אָרעאַנאָ פֿאַרעאַר

Азриел Хайкин родился в СССР 6 июня 1930 года. Его мать была дочерью одного из российских раввинов.

Отец Азриела Хайкина родом из деревни неподалеку от Чернигова. За религиозные убеждения был репрессирован и отправлен в лагерь. После второй мировой войны, по окончании срока заключения, он эмигрировал в Швецию, где стал раввином Стокгольма. Позднее возглавил раввинский суд (бейс-дин) в Монреале (Канада).

Азриел Хайкин после войны некоторое время жил во Франции; в 1947 году поселился в Нью-Йорке. В США он учился в ешиве «Томхей Тмимим». Во время летних каникул всегда совершал поездки по стране, посещая еврейские общины небольших американских городов. Основной целью этих поездок было создание образовательных учреждений.

Получив в 1954 году первую раввинскую степень «смиха», А. Хайкин стал раввином синагоги в Питсбурге. Одновременно занимался преподавательской деятельностью в городской ешиве. В 1955 году он продолжил обучение в Монреале и получил дополнительную раввинскую степень, став «даяном» (судьей в раввинском суде). К тому времени ему исполнилось 25 лет.

В апреле 1955 года раввин Хайкин уехал в Марокко и там занял пост главного инспектора еврейских школ. Он преобразовал местную систему образования и с успехом управлял сетью школ, в которых обучалось более девяти тысяч учеников. В городе Агадир под руководством рава Хайкина было построено общежитие для 150 детей.

В 1958 году Любавичский Ребе, рабби Шнеерсон, предложил Азриелу Хайкину отправиться в Данию, чтобы создать ешиву для скандинавских стран. Через год еврейская община Копенгагена «Махзикей а-Дас» пригласила Азриела Хайкина на должность раввина. Там он работал в течение 10 лет. Все это время раввин Хайкин регулярно посещал небольшие еврейские общины других скандинавских стран.

В июне 1968 года ортодоксальная еврейская община Брюсселя отправила Любавичскому Ребе письмо с просьбой назначить в их город опытного раввина. На эту должность избрали раввина Хайкина. Приехав в Брюссель, он начал перестраивать религиозную жизнь общины. Большая часть работы касалась вопросов кашрута (Азриел Хайкин признан мировым специалистом по этой теме). Он один из европейских представителей отдела кашрута Союза ортодоксальных еврейских общин США.

А. Хайкин состоит также в ассоциации «Синай», является членом совета директоров и возглавляет бейс-дин (раввинский суд) ортодоксальной еврейской общины Брюсселя.

В 1988 году раввин Хайкин основал первое кошерное кафе для еврейских студентов в здании Открытого университета Брюсселя. Позднее университет стал «Домом еврейских студентов Брюсселя», а раввин был избран его вице-президентом.

С началом перестройки в Советском Союзе раввин Хайкин неоднократно посещал СССР и принимал активное участие в восстановлении и создании еврейских общин, позднее стал консультантом Объединения раввинов СНГ.

В 1990 году король Бельгии официально признал заслуги раввина Хайкина, удостоив его звания рыцаря и ордена Короны.

В 1992 году в ходе заседания Центрального раввинского суда Бельгии раввин Хайкин был избран на пост главного раввина и главы бейс-дина Брюсселя. Сейчас он активно работает в Ассоциации раввинов Европы; он же – один из членов постоянно действующего при Ассоциации президиума.

С 1995 года Азриел Хайкин проводит регулярные занятия со студентами ешив, приезжающих к нему из всех стран Европы и США. Под его руководством они получают раввинские степени.

Азриел Хайкин является также членом ассоциации раввинов Европейского раввинского центра.

РАВВИН БЕРЛ ЛАЗАР: У ИЗРАИЛЯ

НЕТ ПАРТНЕРА ДЛЯ МИРНОГО

УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТА

Один из самых кровавых за последнее время терактов совершен 19 августа. В священном для трех религий городе Иерусалиме террорист-самоубийца взорвал себя в рейсовом автобусе, наполненном пассажирами. Погибли на месте и умерли от ран 20 человек, среди них – семеро детей.

Особенно прискорбно, что новый теракт произошел во время перемирия, когда у всех людей доброй воли появилась надежда, что кровавая страница истории, наконец, перевернута, и на Святой Земле воцарится мир. Поэтому преступление невозможно оправдать ссылкой на «сведение старых счетов».

Ответственность за теракт несет организация, декларирующая свою «религиозность», но, тем не менее, не останавливающаяся перед массовыми убийствами гражданских лиц.

Главный раввин России Берл Лазар заявил:

– Вся еврейская община России скорбит вместе с семьями погибших и желает выздоровления всем пострадавшим от террористического акта. Но, к сожалению, этот теракт еще раз подтверждает, что у Израиля сегодня не существует партнера для решения вопроса мирным путем. Сам «камикадзе» был имамом, который использует религию в варварских целях, с уверенностью в своей правоте убивая невинных детей и взрослых, возвращающихся от Стены Плача. Все это демонстрирует варварские методы палестинцев. Реализация миротворческого плана «Дорожная карта» с такими людьми не имеет абсолютно никакой перспективы. Только тогда, когда будут видны реальные действия палестинских властей против террористов, можно будет подумать о возвращении за стол переговоров.

Исполняющий обязанности председателя координационного совета Всемирного конгресса русскоязычного еврейства Дмитрий Фельдман следующим образом прокомментировал сложившуюся ситуацию:

– На мой взгляд, этот теракт – еще одно доказательство того, что практически не существует шансов договориться с террористами человеческим языком. Только всеобщее и всемирное воздействие – как экономическое, так и политическое, – может их заставить прекратить террор. А в случаях с Афганистаном и Ираком потребовался метод настоящих угроз. Иначе возможно, что теракты через какое-то время забудутся, а террористов снова будут воспринимать как нормальных людей, способных на переговоры.

Председатель комитета в поддержку Израиля Всемирного конгресса русскоязычного еврейства Шмуэль Азарх заявил, что возмущение вызывает не только сам факт очередного теракта, но и весь подход к проблеме арабо-израильского конфликта. По его мнению, в мире по-прежнему царит двойной стандарт, из-за которого Израиль вынужден заключать перемирие с террористами, причем на их условиях, в то время как США в Ираке и Россия в Чечне ведут с ними непримиримую войну.

– Я считаю, что проблема может быть решена только правовым путем, и преступники должны понести самое тяжелое наказание, предусмотренное уголовным кодексом государства. Необходимы самые жесткие и решительные меры, – заключил Шмуэль Азарх.

יְהוָה יִשְׁמְרֵנוּ

אֱלֹהֵינוּ יִשְׁמְרֵנוּ

יְהוָה יִשְׁמְרֵנוּ וְיִשְׁמְרֵנוּ אֱלֹהֵינוּ וְיִשְׁמְרֵנוּ אֱלֹהֵינוּ?

Министерство образования России предоставило возможность религиозным организациям вести преподавательскую деятельность в государственных и муниципальных

учебных заведениях вне рамок стандартных образовательных программ. Приказ был подписан министром Владимиром Филипповым 1 июля сего года и зарегистрирован Министерством юстиции 5 августа.

Согласно приказу министра образования для ведения такой учебной работы потребуются соблюдать несколько условий. Образовательным учреждениям необходимо иметь письменную просьбу родителей учащихся, согласие самих школьников и студентов. Кроме того, предстоит в ходе учебного процесса использовать учебные пособия с указанием полного официального наименования организации, принадлежащей религиозной общине, зарегистрированной как юридическое лицо не менее 15 лет. О своей деятельности религиозным организациям придется уведомлять органы местного самоуправления.

Комментируя новый приказ Министра образования, главный раввин России Берл Лазар отметил, что незнание основ религиоведения – действительно большая проблема в среде российской молодежи. Однако, как подчеркнул раввин, в деле исправления такого положения важно не допустить ошибок, которые могут привести к нежелательным последствиям.

По его мнению, преподавание основ религии в общеобразовательных школах приведет либо к ущемлению прав «иноверцев», либо к разделению учеников на национально-религиозные группы, каждая из которых будет уверена в истинности «своей» веры.

– Поэтому, я полагаю, – сказал главный раввин России, – что лучшим средством возрождения знаний о своих корнях должно стать укрепление национальных школ, помощь в издании религиозной литературы. В конце концов, нужно уделять больше внимания домашнему образованию. По крайней мере, на данном этапе это мне кажется оптимальным.

Ń xadiúé

ÁÂÐÄËÑÊÈÉ ÊÀËÄÍ ÄÄÐÛ

Московский еврейский общинный центр «Хабад – Любавич» и Федерация еврейских общин СНГ выпустили еврейский календарь на 5764 год. Он посвящен международному конкурсу «Дети рисуют Танах».

В календаре воспроизведены рисунки и фотографии детей и история каждой работы. В нем также помещено обращение главного раввина России Берла Лазара и президента ФЕО СНГ Леви Леваева, рассказывается об основных событиях истекшего года, о праздниках и постах, указано время зажигания свечей во всех городах бывшего СССР.

Календарь будет распространяться бесплатно среди подписчиков газеты «Еврейское слово», а также во всех общинах бывшего СССР. С помощью благотворительного фонда «Ор Авнер – Хабад» часть выпуска отправится русскоязычным евреям, живущим в странах дальнего зарубежья.

ÄÄÍ

Ì ÊËÍ ÑÒÛ È Í ÄÄÖØÈÌ

Áíò óεá ääü ääü á ÖÄÍÐ ääüðäáð ïðäðäí ï ä «Íí ïüü ääüÿí - çäéçþ-äí ïüí », äéäüü ääüÿ êíòíðé í äéïéüëí ðòäí êéøäí üò ðäáíäü í íéó-äpò ï äóäéäéüü öp è ï ääéüü öp í ï äääðäéüü

Ἰὰ γοῖν ἐποδοῦν ἰῖάαι ὀ ΑΑἸ (Ἀαῖ ἡῶῶ ἁῶῶῖῖῖ ἰῖῖῖῖῖ) Ἰ ἀδῆτὰ Ἰ ἀῖῖῖ ἰῖῖῖῖῖῖῖ ἡ ἐμῖ ἰῖῖῖῖῖῖῖῖ ἁῶῶῖῖῖ Ὀῶῶῶῶῶῶ ἁῶῶῖῖῖῖῖ ἰῖῖῖῖ Ἀῖῖῖῖ Ἀῖῖῖῖῖ Ἰ ἁῖῖῖῖῖῖῖῖ ἰῖῖῖῖῖῖῖ ἰῖῖῖῖῖῖῖ ὈἈἸ Ὠῶῶῶῶῶ ἰῖ Ἐῖῖῖ Ἄῖῖῖ Ἄῖῖῖῖῖ, ἐῖῖῖῖῖ ἰῖῖῖῖῖ ἰῖῖῖῖῖῖῖ ἰῖῖῖῖῖῖ ἰῖ ἰῖῖῖῖῖ.

Ἄ. Ἰῖῖῖῖ

Ϛ. Ἀῖῖῖ ἁῶ

– По договоренности с Главным управлением по исполнению наказаний (ГУИН) Министерства юстиции России ФЕОР оказывает помощь заключенным, которые причисляют себя к иудейской конфессии, – рассказал Валерий Энгель. – По нашей просьбе ГУИН провело добровольное анкетирование среди заключенных. Те из них, кто заявил себя религиозными евреями, вошли в наш список. Мы не проверяли, являются ли они алохическими евреями. В данном случае это достаточно сложно выяснить. Проблема в другом: кто-то хочет себя официально декларировать как еврей, а кто-то нет. Все эти люди застрахованы «Страховой компанией правоохранительных органов».

– **Сколько человек были застрахованы?**

– Более четырехсот. Страхование проводится централизованно, никаких личных контактов с заключенными для этого не требуется. Это ежегодная страховка, по ней уже второй раз страхуют людей в тюрьмах.

– **Что включает страхование?**

– Страховыми случаями являются смерть или серьезное увечье, полученные во время заключения. Другими словами, это – медицинское страхование от несчастного случая.

– Валерий Викторович, какова цель поездки раввина Зеева Вагнера в колонию Мордовии?

– Это первая подобная поездка раввина в место заключения, и мы достаточно долго добивались разрешения на нее. Почему выбрана именно Мордовская колония? Там была создана еврейская религиозная мини-община. Мы получили приглашение, и раввин Зеев Вагнер, а также сотрудник управления по работе с заключенными Сергей Гордон посетили этих людей. Это очень важное событие, оно показывает реальное взаимодействие ФЕОР с системой исполнения наказаний. Проблемы, поднятые заключенными, мы будем обсуждать с руководством этой колонии, с ГУИНОм. Наша главная задача – добиться, чтобы заключенные могли отправлять религиозные обряды в местах лишения свободы. И если заключенный действительно верующий человек, надо, чтобы он имел возможность не работать в Субботу и в еврейские праздники.

– Раввин Вагнер, расскажите, пожалуйста, как происходит общение представителей Федерации с заключенными-евреями?

– ФЕОР уже два года помогает евреям-заключенным, которых мы ежегодно страхуем. Мы регулярно высылаем им наши периодические издания и посылки перед Пейсахом, Рош а-Шона и Ханукой. С некоторыми из них мы переписываемся. В письмах они задают различные вопросы, связанные с иудаизмом. Как минимум, двадцать евреев-заключенных участвуют в заочной образовательной программе Института изучения иудаизма раввина Адина Штейнзальца. Мы считаем, что общее число евреев-заключенных по России составляет около 1200, и на сегодня у нас есть «координаты» уже четырехсот из них.

– В Мордовии имеются разные лагеря. Почему вы посетили именно этот?

– Некоторые мордовские лагеря имеют для нас символическое значение. В них сидели евреи, борющиеся за выезд из СССР. Мы ездили в зону в Потье, в ней в свое время сидел Натан Щаранский и другие известные политические заключенные.

Сейчас это – уголовная зона особого режима. Однако в ней есть маленькая еврейская община, а заключенные даже делают еженедельную еврейскую радиопередачу. Наша поездка была организована именно для знакомства с этой еврейской общиной, с просьбами и проблемами конкретных людей.

– ФЕОР работает только с религиозными евреями?

– Конечно, мы работаем со всеми евреями, так же, впрочем, как и вне лагерей. Все 170 общин ФЕОР, которые сегодня существуют в России, нельзя назвать поголовно религиозными. Другое дело – мы хотим добиться, чтобы они стали религиозными.

Когда заключенные возвращаются на волю, некоторые из них приходят в общины по месту жительства, и вот там им при поддержке ФЕОР оказывается посильная помощь.

– Будут ли организованы еврейские общины и в других местах отбывания наказаний?

– Да, и в других зонах заключенные готовы объединяться в общины. Если там есть несколько евреев и среди них хоть один активист, то уже реально создать общину. Можно

сказать, что начало работы в рамках проекта ФЕОР «Помощь евреям-заключенным» уже положено. В сентябре или октябре намечаются очередные поездки.

Наши личные посещения важны не только для заключенных, но и для всех тех, кто вокруг них. Ведь после приезда «гостей из Москвы» отношение к евреям меняется, и это облегчает их положение в уголовном мире.

– Есть ли у вас сигналы о фактах антисемитизма в зоне?

– Да, и притом множество. У нас были проблемы с ханукальными посылками, когда в некоторых лагерях заключенным отказывались выдавать свечи... В идеале мы хотим, чтобы местные общины помогали заключенным. Раввины близлежащих городов вполне могут решить эту задачу.

Вот в прошлом году я побывал в городе Шахты Ростовской области: там маленькая «начинающая» община помогала лекарствами больному еврею, который сидел в зоне рядом с городом.

– Люди, сидящие за решеткой, а тем более в зонах строгого режима, преступили закон, может быть, загубили чью-то жизнь, чье-то здоровье... А стоит ли таким помогать?

– В любом случае, эти люди – евреи, которым нужно объяснить, что значит быть евреем, что они должны в Пейсах есть мацу, а в Хануку – зажигать ханукию. Всегда есть надежда, что человек встанет на путь истины.

Следует помнить и о том, что в лагерях ведется активная работа христиан и мусульман. В России существует антисемитизм, чего греха таить, а в этих маргинальных кругах в местах заключения он посильнее, чем на свободе. В таких условиях даже преступников оставлять на произвол судьбы нельзя!

Понимаете, те, кого еврейство не интересует, нам не напишут. Если судить по письмам, некоторые заключенные тянутся к знаниям. И именно мы обязаны помочь им информацией, ответами на вопросы.

Кроме того, всегда надо помнить и о том, что в любой стране, в том числе и в России, есть люди, оказавшиеся в тюрьме случайно.

– Когда вы намерены посетить очередную зону?

– В сентябре я планирую поездку в лагерь в Ростовской области. До этого хочу побывать в тюрьмах – Бутырке и в «Матросской Тишине» в Москве. Там тоже есть люди, которые хотят встретиться с представителем ФЕОР.

Но существует проблема: устроить нашу встречу намного сложнее с заключенными, которым еще не вынесен приговор, или с теми, кому приговор уже вынесен, но они ждут отправки в лагерь. В Москве, за редким исключением, находятся только такие заключенные.

Нам не пишут те, кто сидит по экономическим статьям. Почему-то нам не пишут женщины, хотя в наших списках их много.

Кто-то попал в тюрьму впервые, случайно, на два года, – таких евреев у нас мало. У них есть семьи, их помнят, регулярно к ним приезжают. Больше всего пишут рецидивисты, севшие надолго, ведь у них есть время подумать. У тех, кто сел в четвертый раз, никого нет, к ним вообще никто не приезжает.

– Получается, что ФЕОР проводит огромную работу по снижению уровня преступности. Ибо есть надежда, что человек, соприкоснувшись с иудаизмом, просто не захочет больше вести преступную жизнь?

– Уж не знаю, что может помочь человеку, в очередной раз оказавшемуся за решеткой... Но мы все равно должны пытаться помочь ему.

Если же заключенный в первый раз оказался в тюрьме и при этом познакомился с иудаизмом и как-то приобщился к нему, – тогда есть надежда, что он использует свой шанс. В это надо верить.

ГЛАВНЫЙ РАВВИН РОССИИ

БЛАГОСЛОВИЛ

УЗБЕКИСТАНСКИХ

«ЭНЦИКЛОПЕДИСТОВ»

Еврейская община Узбекистана получила приветственное письмо главного раввина России Берла Лазара. Он благословил членов комитета по созданию «Краткой узбекистанской еврейской энциклопедии» на их благородную работу.

Особо раввин подчеркнул важность стремления авторов показать «вклад еврейской общины в создание и развитие народного хозяйства Узбекистана и одновременно отразить опыт многовековой дружбы и сотрудничества узбеков, исповедующих ислам, и евреев, исповедующих иудаизм».

Встретившись в Москве с главным редактором энциклопедии академиком Михаилом Польковским, раввин Берл Лазар сообщил ему, что намерен «в текущем году посетить Узбекистан и тем самым возобновить и укрепить разносторонние контакты с общинами еврейской диаспоры».

Â. Âãî àí

ÂËÂÂÎ ÛË ÐÂÂÂËË Î ÂÒÂÐÂÓÐÂÂ ÂÑÒÐÂÒËËÑ Ñ «Î ÂÐÂÎË ËËÂËË» ÑÒÂ

Супруга президента США Лора Буш приняла в Белом доме главного раввина Петербурга Менахема-Мендла Певзнера с женой Сарой и младшим сыном Шмуэлом.

Встреча в Вашингтоне состоялась благодаря главе «Организации друзей Любавич» в Соединенных Штатах раввину Леви Шемтову.

Посещение Белого дома раввина Певзнера с семьей стало своего рода ответом на визит президента Джорджа Буша с супругой в Большую хоральную синагогу Петербурга в прошлом году.

Президент США встретил гостей из России при входе в Белый дом, а затем «первая леди» показала им залы приемов и другие помещения президентской резиденции. После этого состоялась беседа раввина Певзнера с Лорой Буш в личных апартаментах семьи главы государства.

– Во время посещения четой Буш синагоги в Петербурге моя жена была беременна, – рассказал раввин Певзнер корреспонденту журнала «Лехаим». – У нас родился мальчик. Лоре Буш интересно было с ним познакомиться. Она с теплотой вспоминала о посещении петербургской синагоги, говорила о том, как важно было им с президентом США узнать, что в России свобода совести существует не только на бумаге и что у граждан в России всех национальностей есть надежда на свободную жизнь вне зависимости от вероисповедания. Она расспрашивала нас о делах в нашей общине. Мы рассказали ей, как важен был визит «первой американской четы» в синагогу не только для еврейской общины Петербурга, но и для всего общества. Мы подарили ей изданную Хоральной синагогой книгу «Избранные жемчужины», посвященную редким рукописям, документам и предметам еврейской старины. Другой экземпляр этой книги она подписала для нашей библиотеки.

Читателям журнала будет интересно узнать и о том, что супруга американского президента по профессии – библиотекарь. Она рассказывала нам о своей программе по расширению фондов библиотек в США. А еще она говорила о прошедшем недавно в Белом доме банкете с кошерным столом. И при этом подчеркнула, что придает такому событию особое значение. Ну и, конечно, Лора Буш попросила нас передать привет и наилучшие пожелания еврейской общине России и Петербурга. Это я, пользуясь случаем, с удовольствием и делаю...

Е. Адеи

РАЕЕАЕ ІА СА АІДАІ Е

Председатель Совета Федерации России Сергей Миронов после завершения своего официального визита в Китай посетил Биробиджан.

В Еврейской автономной области спикер верхней палаты Законодательного Собрания страны после кратких деловых переговоров с высшими руководителями региона стал гостем еврейской религиозной общины «Фрейд».

С. Миронов оказался самым высокопоставленным государственным деятелем России, который когда-либо приезжал в ЕАО: прежде генсеки, президенты и премьер-министры почему-то именно эту область объезжали стороной.

Впрочем, Владимир Путин обещал прилететь в Биробиджан в сентябре следующего года на торжества, когда Еврейская автономная область будет отмечать 70-летие со дня своего образования. Более того, президент России пригласил принять участие в праздновании юбилея премьер-министра Израиля Ариэля Шарона.

Город уже начал готовиться к празднику: в Биробиджане укладывают новый асфальт, подкрашивают старые дома, сносят ветхие деревянные строения и даже сооружают фонтаны. Важным объектом обустройства столицы ЕАО стала биробиджанская синагога, строительство которой сегодня уже близко к завершению.

Сергей Миронов посетил благоустроенный офис еврейской религиозной общины «Фрейд» и побеседовал с ее председателем Львом Тойтманом. Этот визит председателя

Совета Федерации и стал главным событием поездки высокопоставленного гостя в Биробиджан.

– Дай Б-г всем евреям на земле жить так же, как мы живем здесь! – заявил Сергею Миронову Лев Тойтман.

Председатель Совета Федерации проявил значительный интерес к еврейским обычаям, и во время экскурсии по зданию общины буквально забросал Льва Тойтмана вопросами. По словам г-на Тойтмана, никаких особых затрат со стороны государства на постройку синагоги и здания общины не потребовалось. «Наш “Фрейд” живет преимущественно на пожертвования предпринимателей и просто добрых людей», – сообщил гостю глава общины.

Он также рассказал С. Миронову о работе клубов, о программах обучения и благотворительности, которые осуществляются в общине. Как заметил Лев Тойтман, «увиденное и услышанное произвело на председателя верхней палаты российского парламента большое впечатление».

По сведениям демографов, в ЕАО при общем количестве жителей около 180 тысяч проживает около 9 тысяч евреев. Однако в последние годы число членов еврейской общины быстро растет: в Россию начали возвращаться семьи, уехавшие в свое время в Израиль. Но многие бывшие жители СССР, а ныне – граждане Израиля, желающие получить российский паспорт и переехать в ЕАО, сталкиваются с трудно преодолимыми бюрократическими препятствиями.

– Население России сокращается, и она крайне заинтересована в притоке людей, особенно тех, у кого умные головы и работающие руки, – заявил Сергей Миронов. – Надо вносить поправки в Закон «О гражданстве РФ» и упрощать процедуру получения статуса российского гражданина.

По словам С. Миронова, Совет Федерации мог бы рассмотреть эти поправки уже в нынешнем году.

На прощание гостю была вручена эмблема общины «Фрейд» – чеканка с изображением женщины, зажигающей свечу в ханукальной меноре. Сергей Миронов в свою очередь преподнес руководству общины ответный подарок: декоративную тарелку и альбом с репродукциями картин, хранящихся в Эрмитаже.

יְיָ יִסְעָדְכֶם וְיִבְרַכְכֶם

אֲנִי מְבַרְכְּכֶם וְדַמְיָא עִיבְרָא

ЗАСЛУЖЕННАЯ НАГРАДА

Заместитель главы администрации Новосибирска встретился с раввином города и области Шнеуром Закласом и вручил ему почетную медаль «За вклад в развитие и культуру Новосибирска».

Эта медаль учреждена к 110-летию основания города. Решение о награждении ею раввина Закласа было принято после визита мэра Владимира Городецкого в еврейскую школу «Ор Авнер», синагогу и общинный центр. Мэр в ходе этого визита особо отметил положительные изменения в жизни евреев Новосибирска, которые стали возможны после приезда раввина.

Вместе с медалью в дар раввину Закласу была передана новая «Энциклопедия Новосибирска», один из разделов которой повествует о жизни евреев города. Речь в разделе, посвященном этой теме, идет в том числе и о нынешних временах, знаменующих подлинное возрождение еврейской жизни. Это связано с созданием общины во главе с раввином – подчеркнуто в энциклопедии.

Во время торжественной церемонии награждения раввин Шнеур Заклас отметил:

– Вручение медали свидетельствует о том, что городская администрация оценила деятельность еврейской общины, работающей в интересах процветания всех граждан города, а не только евреев.

AAI

ŃĀĒÒÈÈ ÒÌ ÐŪ ĀĀĐÍ ÓÒŃĖ Ā ŃÈÍ ĀĀĪĀÓ

Возможность возвращения в синагогу Нижнего Новгорода свитков Торы, находящихся в Нижегородской государственной областной научной библиотеке, обсуждали председатель еврейской общины города Эдуард Чапрак и министр культуры России Михаил Швыдкой на встрече в Сарове.

Руководство библиотеки настаивает на том, что в соответствии с законодательством древние рукописи должны быть взяты на специальное хранение как памятник культуры. Однако и в синагоге для этого есть все условия: там для хранения свитков Торы оборудована специальная комната.

Министр дал гарантии, что в ближайшее время свитки Торы евреям будут возвращены.

– Мы намерены создать на базе нижегородской синагоги общинный центр, – сказал раввин Шимон Бергман. – Уже начали ремонт здания, монтируются витражи в новой микве. В обновленной синагоге непременно должны находиться и священные свитки Торы.

AAI

РЕБЕЦН ИОФФЕ:

«УБЕДИТЬ МАШИНИСТА ПОСЛЕДНЕГО ПОЕЗДА...»

Đacıúá íòèè ìđeāīāyò ēpāāē ē īmīcīāīīē āōōīāīīē æècīè, ē īīīèī āīēp ŃŃāāī ì āīōā ā ì ēđīcīāīēē, ē Ńōđāī ēāīēp Ńōāōū Ńāāīđeāīīāā ē īīī ī:ū òāī, ēōī «āūā í ā āīcīāē».

Ÿòè ē āđūāēā āāæīūā òāī ū cāòđīīōēā đeēīāīāeòāēū āāđeēīēīā īāūēīīīā ōāī òđā Āīēāāđāāā Byēū Ēīōōā, īòāā:āy í ā āīī đīīū æōđī āēēŃōā Īēūā Āīēūāī āī.

– Ребецн Яэль, расскажите, пожалуйста, как вы пришли в иудаизм?

– Не могу сказать, что у меня были какие-то проблемы в школе. Да и потом я вполне успешно училась на юридическом факультете. Но уже на первом курсе мне стало не очень комфортно и неинтересно среди людей, с которыми я общалась. По мере приобретения отрывочной информации о еврействе наметились и первые шаги в ее освоении. Правда, мама досадовала из-за появления каких-то новых моих устремлений...

После того как я начала интересоваться иудаизмом, до меня стали доходить скудные сведения о моем еврейском происхождении. Я узнала, что моя прабабушка была приемной дочерью в русской семье. Но была она еврейкой, притом с ярко выраженной внешностью и отчеством – Юдеевна. Родом прабабушка происходила из Вятской губернии, куда в конце XIX века сослали политически неблагонадежных, в том числе и евреев.

Восстановить какие-либо документы, увы, не представлялось возможным. И вот поэтому я решила пройти гиюр.

– После принятия такого решения вам предстоял очень сложный путь... Что повлияло на ваш выбор?

– В Торе сказано, что отошедшие от еврейства должны вернуться к нему в четвертом поколении... Так в моем случае и произошло. Несмотря на то что я не страдаю излишней восторженностью, после знаменательного посещения московской синагоги в Марьиной роще и встречи там Субботы что-то защемило внутри. И с этого момента начались не какие-то робкие шаги в новую жизнь, а настойчивое и уверенное движение вперед. Через год после первой личной беседы с раввином Берлом Лазаром я получила разрешение учиться в махоне, и через четыре года все окончательно встало на свои места.

– Почему вы с вашим мужем раввином Иоффе выбрали для работы именно Волгоград?

– Тому было несколько причин. Сначала мы с мужем появились в Нижнем Новгороде и были еще очень молодой неопытной парой. Муж приехал туда на работу, а я помогала ему. Это была уже тогда довольно большая община, заработавшая после перестройки одной из первых. Но внутри нее «сидел» жесткий конфликт: между председателем общины, с одной стороны, и раввинами, с другой.

Я помогала мужу как юрист, но вскоре понемногу втянулась и в общинную жизнь. Тем не менее, всегда было жаль затраченных душевных сил, знаний, умений, времени, направленных не на созидание, а на противостояние. Морально работать было довольно тяжело...

Далее на наше решение повлиял случай, который произошел через несколько лет. Мы побывали с ознакомительной поездкой в Волгограде: мужу была предоставлена возможность выбрать для работы другой город. Наша поездка совпала с визитом директора регионального представительства «Джойнта» Михаила Залмановича Гуровича. В аэропорту нас с мужем провожала весьма представительная делегация руководителей волгоградских еврейских организаций. Моего мужа зовут Залман. Вместе с нами провожали и господина Гуровича. И вот прозвучали прощальные слова местных еврейских лидеров: «До свидания, Михаил Залманович! Счастливого пути, Раввин Залманович!» За сим, как говорится, произошла немая сцена...

Мы были поражены явным отсутствием элементарных еврейских знаний. Человек, который считает себя еврейским лидером, думает, что «раввин» – имя собственное... И тут мы поняли, что Волгоград – это наше место, и борьба здесь будет главным образом за что-то, а не против чего-то.

– По роду своей деятельности, ребецн Яэль, вы часто встречаетесь с потенциальными спонсорами общины?

– Многие обеспеченные люди, особенно «западной закваски», готовы вкладывать средства в развитие еврейского образа жизни в России и СНГ. Правда, делают они это благое дело в зависимости от того, насколько полно используется местный ресурс. Поэтому, безусловно, в отношениях с зарубежными спонсорами я считаю первостепенной своей задачей показать, что возрождение еврейской общинной жизни – это не привнесенная со стороны идея. Это нужно нам – именно тем, кто здесь живет. Спонсора необходимо убедить, что у него есть реальная возможность стать «машинистом последнего поезда».

Состояние волгоградской общины ныне таково, что именно сейчас нужно собирать последние искорки еврейства и, не дав им потухнуть, «разжечь» сегодняшнее – основательно ассимилированное – поколение.

– Какие психологические факторы помогают в вашей работе?

– Во-первых, мне очень помогает сознание, что наша община является частью ФЕОР. Я считаю, что за немногие годы ФЕОР уже удалось создать большую, представительную, достаточно мобильную структуру. И притом такую, с которой нельзя не считаться как на политической арене, так и в информационном пространстве, и в социальной сфере. Это и предопределяет дополнительные возможности лоббирования интересов еврейской общины.

Во-вторых, – и пусть это не покажется патетикой – лично для меня все еврейские дети Волгограда – мои дети. Мы стараемся создать им условия для достойного обучения и воспитания. Поэтому в каждого вкладываем часть своей души.

– Какой результат своих усилий вы желали бы увидеть уже вскоре?

– Мечтаю об одном: чтобы в ближайшее время на улицах нашего города появилось больше мальчиков, не прячущих стыдливо кипу в карман, и больше скромно одетых девочек, не стесняющихся своего еврейства. Ведь иудаизм – это не религия, а образ жизни и мыслей. Нельзя, как в одной притче, «быть дома – евреем, а на улице – просто человеком...»

ААИ

«В АДЫГЕЕ АНТИСЕМИТИЗМА – НЕТ!»

Филиал краснодарского отделения «Хеседа» начал действовать в столице Адыгеи Майкопе два года назад. Возглавил его тогда Яков Френкель. Теперь он – глава еврейской общины. Яков Френкель рассказал корреспонденту “АЕН”, как налаживали еврейскую жизнь в городе – «буквально с нуля».

Евреев находили через знакомых, а то и просто по телефонному справочнику, ориентируясь по фамилиям. Сначала в Майкопе удалось разыскать 70 евреев с семьями. И,

как оказалось, многие из них жили за чертой бедности. А вскоре Федерация еврейских общин России предложила организовать в городе общину.

– Сомневались долго, – вспоминает Яков Френкель. – Ну какая, рассуждали, в Майкопе может быть религиозная община? Синагога – не действует, раввина – нет, да и среди нас, воспитанников советской системы, верующих не было. Потом все-таки отправили делегацию на организованный ФЕОР семинар. И лишь после этого поняли, что все не так страшно. А главное Федерация готова нам помогать. Рискнули – и вскоре зарегистрировали общину.

Ну, а после того, как вошли в ФЕОР, едва теплившаяся в Адыгее еврейская жизнь стала развиваться по-настоящему. Сейчас община хоть и называется «майкопской», но охватывает уже всю республику, а кроме нее – еще и два прилегающих района Краснодарского края – Белореченский и Апшеронский.

В общине уже 240 человек. Светлана Сиренко, ее председатель и секретарь, каждого знает лично.

– Постепенно активизируется молодежь, – рассказывает Светлана. – С каждым годом к нам приходят все больше юношей и девушек. Это просто замечательно! Активно работают у нас танцевальный ансамбль «Авив» и хор «Яхада», репертуар формируем с помощью песенников, подаренных общине «Сохнутом», и кассет, присланных израильскими репатриантами – бывшими майкопчанами.

Адыгейские евреи говорят, что понятие «антисемитизм» им незнакомо. Сразу после регистрации община вступила в «Лигу мира Республики Адыгея», включающую восемь основных национальных диаспор региона: адыгов, армян, русских, черкесов, татар, евреев, чехов и немцев. Особенно хорошо сложились отношения с татарами: на все праздники обязательно они и евреи приглашают друг друга.

Яков Френкель считает, что всерьез общину начали воспринимать после прошлогоднего августовского наводнения, причинившего много бед Адыгее. Пострадавшие жители республики получили 30 тысяч рублей от Ростовского отделения «Джойнта» и еще машину одежды и обуви – от местных евреев. За счет общины сделали ремонт поврежденного паводком дома одной из пострадавших – пожилой еврейки.

Сегодня в общине действует программа экстренной помощи по линии «Хеседа»: в соответствии с нею для нуждающихся евреев собирают одежду, приводят в порядок их жилье, ремонтируют кровлю и полы, закупают топливо на зиму. Недавно оплатили курсы компьютерной грамотности для мальчика из одной малообеспеченной еврейской семьи.

В Майкопе при активном участии еврейской общины недавно прошел фестиваль национальных культур «Пирог моего народа», на котором был показан фильм об Израиле, организована книжная выставка, а также были представлены блюда национальной кухни.

К сожалению, общинный центр по-прежнему ютится в единственной комнате площадью всего-то 30 квадратных метров. Тут теснятся и офис правления, и библиотека, и нагромождены столы для совместной трапезы на Шабос, за которыми подчас собираются до полусотни отмечающих Субботу, здесь же – и видеоаппаратура, и ящики с учебными кассетами. Вроде бы радоваться надо: на днях ФЕОР выделила грант на покупку компьютера... А куда прикажете его ставить?

Словом, вопрос о предоставлении помещений для бурно развивающейся майкопской еврейской общины пора неотложно решить.

Н. Евратей

ÄÄÄ ÖÛÑB×È ÄÄÖ È ÖDÈ ÄÏÄÄ

Еврейская община Анапы отметила трехлетие. Возраст вроде бы не юбилейный, а, скорее, еще младенческий...

– Ну, это смотря от чего отсчет вести, – не соглашается руководитель общины Иосиф Рогельберг. – Есть документы, свидетельствующие о том, что евреи жили в этих местах уже в 42 году до нашей эры. Так что три года назад община вовсе не зародилась, а наконец-то возродилась.

Ныне в анапскую общину входят евреи, проживающие как в самом городе-курорте, так и в тридцати близлежащих поселках. По подсчетам Иосифа Рогельберга, на территории Анапского района сейчас не меньше тысячи евреев, живущих здесь постоянно. Однако в жизни общины активно участвуют пока всего около двухсот человек. И особенно деятельны в основном те, кто перебрался в эти места из бывших советских республик после распада СССР.

– Местные, коренные евреи, – поясняет Иосиф Рогельберг, – предпочитают держаться от наших забот и радостей в стороне. И я их понимаю. Приглядеться хотят: а что получится?

Руководитель общины тоже из «пришлых», он – отставной военный с Украины. Климат приморского города идеально подошел для здоровья его часто болеющей дочери. Трудности, с которыми столкнулись в Анапе еврей-беженцы и просто ищущие на чужбине заработок, ему были понятны, пожалуй, как никому другому. Поэтому с первого дня существования общины одной из ее главных задач стала помощь нуждающимся.

Еврейская община тесно сотрудничает с новороссийским отделением Еврейского агентства в России и «Хеседом». На особом счету находятся два десятка одиноких анапских евреев-пенсионеров. Безусловно, материальная поддержка им жизненно необходима. Но в не меньшей степени им нужно и простое человеческое внимание. Старики радуются, когда к ним приходят домой, чтобы просто посидеть, поговорить. Их обязательно приглашают на все общинные праздники. Состоятельные члены общины по собственной инициативе помогают в оказании медицинской помощи малоимущим, организуют курсы компьютерной грамотности для еврейских детей, предоставляют помещения для сборов...

В первый же год существования общины Иосиф Рогельберг разыскал в архивах Анапы уникальные документы. Из них он узнал, что уже в 42 году до нашей эры на территории бывшего эллинского Боспорского царства, в Горгииппии, что на территории нынешнего Анапского района, действовала еврейская община, были синагога и еврейское кладбище.

Об этом свидетельствуют надгробные мраморные плиты с надписями на древнееврейском языке, найденные под Анапой еще в царское время. В 1865 году был опубликован русский перевод этих надписей, сделанный востоковедом и историком А.Я. Гаркави. Но после большевистского октябрьского переворота 1917 года об археологических

находках забыли. Да и подобные этому исторические памятники еврейского народа в советское время чаще всего попросту не изучались.

– Вот и получается, что возрождение еврейской общины произошло спустя более двух тысяч лет после ее первого упоминания в исторических документах, – заключает Иосиф Рогельберг. – И убежден: жить ей и жить еще долгие годы.

И. Египетский

«ПРОСТАЯ» ИСТОРИЯ С ИВАНОВЫМ

– Фамилия моя, конечно, для еврея довольно странная, – такими словами начал свой рассказ руководитель еврейской общины Комсомольска-на-Амуре Виктор Павлович Иванов. – Когда у нас в городе еще только создавалась община и мне приходилось много ходить по инстанциям, регистрировать документы, меня повсюду встречали с немалым удивлением. «Иванов? Еврей? Разве такое возможно?»

На самом деле, все действительно довольно сложно... Я имею в виду мое обращение к еврейству...

Моя мама никогда не говорила мне, что мы – евреи. Я окончил школу, отслужил в армии, благополучно вернулся домой. За это время мама съездила наконец, на свою родину, в Украину, повидаться с родственниками. Честно говоря, до тех пор она долго на них обижалась. На ее долю выпала нелегкая судьба: в семье было восемь детей, она – младшая, и родители вынуждены были троих младших ребятишек отдать в детский дом, потому что прокормить всех просто не могли.

Наверное, поступок этот был оправдан: времена тогда были слишком уж тяжелые. Но как бы то ни было, а мама росла в детском доме и, естественно, радоваться этому не могла. После детского дома, в 1937 году, она приехала сюда, на Дальний Восток «по призыву партии», чтобы осваивать эти места и строить город Комсомольск. Там, где сейчас пролегли улицы города, везде была тайга.

...И вот, приехав из Украины, мама решила со мной серьезно поговорить. Как сейчас помню этот разговор на нашей кухне: мать сказала мне, что и она, и я – евреи. Но я сразу все эти откровения пресек, возразив, что она, может быть, и еврейка, но я – русский. И больше – до недавних пор – мы к этой теме не возвращались.

А дальше – я жил, учился в институте, работал. И уже потом в это дело вмешалась другая мама – моей жены. Она узнала, что отчество у моей мамы – Иосифовна, пошла в загс и там нашла архивные записи, официально подтверждающие мамино еврейство.

По правде сказать, еврейством в ту пору я заинтересовался всерьез, но только – с точки зрения отъезда в Израиль, даже у консула побывал. А в Комсомольск тем временем приехала общественный деятель Рита Хазанова с намерением организовать у нас в городе еврейскую общину. Мы с ней встретились, поговорили. А после этого разговора я уже твердо решил не только остаться, но и заняться организацией еврейской общины.

Но я все-таки поехал в Израиль... по туристической путевке. Побывал в Иерусалиме, в Тель-Авиве. Тогда и ощутил свою принадлежность к этой земле, к этой культуре. Кто родился евреем, тот рано или поздно почувствует свою причастность к

еврейству, это – мое глубокое убеждение. А когда я вернулся домой, то начал увлеченно читать литературу, всерьез интересоваться еврейскими проблемами.

Конечно, организация общины – дело непростое, но все мы, кто стоял у ее истоков, делали это с удовольствием. Тем более, что создание ее шло не на пустом месте: уже работал «Сохнут», сложилась небольшая база данных о евреях, проживающих в нашем городе. Мы зарегистрировали общину, сняли помещение под офис, и народ понемногу к нам потянулся.

Теперь нам уже четыре года. Большую помощь оказали нам хабаровчане, особенно – Марк Иванович Аршинский, руководитель общины «Мизрах». Он многому меня научил, я и сам ездил к нему в Хабаровск, посмотрел, как там дело налажено, как организована работа офиса, как проводятся праздники. Приезжали к нам и израильтяне и, разумеется, тоже во многом помогли.

Сейчас в нашей общине уже около пятисот человек. Кого-то нашли через базу данных, кто-то к нам пришел сам. Благотворительные акции собирают много народа. А кроме того, к общине потянулись люди, которым просто хочется общения, тепла, участия. И все это они у нас находят.

При общине есть своя патронажная служба, проводятся консультации врача, всех желающих больных людей обеспечиваем лекарствами. Работает у нас и молодежное объединение, в делах которого участвуют около двадцати девушек и юношей, почти все – студенты вузов. Есть у нас и семейный клуб, и клуб пожилых людей, действует своя небольшая библиотека. А Игорь Меерсон, член совета общины, недавно начал создавать еще и спортивный клуб.

В перспективе мы хотели бы открыть еврейский детский сад и школу. Это сделать не так легко, но, думаю, и это возможно – чем мы, дальневосточные евреи, хуже других?!

Нельзя не сказать и о людях, на плечах которых держится работа нашей общины. Одними из первых пришли к нам Михаил Айзенберг, Игорь Меерсон, Григорий Лейзерович – они входят сейчас в совет общины. Эти активные, достойные, уважаемые люди – из тех, кто очень много делает для процветания нашей общины...

Но, к сожалению, не всегда еще мы находим понимание. Приведу один, но весьма характерный пример. Как-то встретился недавно со знакомым, и в разговоре он признался мне, что его мама – еврейка. Казалось бы – замечательно! Но сразу же вслед за этим он вдруг и говорит: «Ни в чем меня не убеждай, я давно от всего еврейского отрекся, дети у меня – крещеные. И вообще, я сейчас в первый и последний раз в жизни сказал, что у меня мать – еврейка». Все, тема закрыта. Вот такие дела... Я иной раз думаю: может быть, это – застарелая наша национальная боязнь: «как бы чего не вышло»? Увы, хотя на дворе и другие времена, однако же и ныне, как встарь, некоторые люди боятся признать себя евреями. Причем ясно, что боятся-то сейчас они этого больше по привычке.

А что лично мне дает мое еврейство? В нашей общине я ощущаю себя, как в семье. Я убежден: надо помогать друг другу, чтобы как можно больше людей узнали про общину. И сделать всем нам предстоит еще очень и очень многое, чтобы община стала в ближайшее время настоящей семьей для всех евреев Комсомольска.

Сайт общины А. Аем ай

יְאֹזְרֵי נֹדֵי יְנֵי עֲבָדָאֵנֵהֶם יְדַצֵּי עֵם...

«Вы не знаете, где мой шарик?» Маленькая девочка стоит в зале синагоги перед большим собранием евреев и разводит руками.

Так начинался этот праздник... Первым помочь девочке решил хранитель истории евреев Костромы Рафаил Рахмилович. Он вышел на сцену и обратился к девочке и к залу:

– Может быть, это твой шарик? Он прилетел к нам из далеких времен, и летел он сюда целых сто лет. Именно сто лет назад евреи на своем собрании решили построить синагогу. И они обратились, – как пишет газета 1903 года, – с ходатайством к местному губернатору об учреждении в городе Костроме молитвенного еврейского дома с правительственным («казенным») раввином и хозяйственным правлением. Мотивировали они это прошением, во-первых, своими религиозными воззрениями, а, во-вторых, «необходимостью более правильного течения гражданской еврейской жизни».

Да, именно 13 тамуза состоялось это историческое собрание, и столетие со дня этого примечательного события в жизни костромских евреев выпало в нынешнем году на 13 июля...

Со вторым шариком вышел раввин Нисон Руппо. И оказалось, что его шарик прилетел к нам из... 1927 года.

– Именно в 1927 году за распространение иудаизма в СССР шестой Любавичский Ребе Йосеф-Ицхок Шнеерсон был приговорен к смертной казни, которая была заменена тремя годами ссылки в Кострому, – рассказал собравшимся в зале раввин. – Однако спустя всего десять дней после пребывания в ссылке чудесным образом Ребе был освобожден. Причем, объявили ему об этом в его день рождения, – 12 тамуза по еврейскому календарю. Но так как в тот день был выходной, то официально Ребе был освобожден на следующий день, а именно – 13 тамуза. И с тех пор многие евреи отмечают эти два дня как праздник. Сам Ребе позднее писал, что в этот день Всевышний избавил не только его, а всех, кому дорога Тора, и даже тех, кто только называется евреем. И, конечно же, в Костроме этот день празднуют особо: ведь если бы не освобождение Ребе в те годы, неизвестно – были бы сейчас вообще синагоги в России? И если бы не пребывание Ребе в нашей синагоге, то еще неизвестно, была ли бы вообще возрождена наша община?

Еще многие выходили на сцену, и наконец у малышки собрался целый букет шариков – «из разных времен», от взрослых и от детей. А она добавила к букету еще и свой собственный... Вот так мы ищем себя, приходим в еврейскую общину – и становимся ее частью.

Такова была главная идея сценария, написанного и воплощенного в сценическое действие Анатолием Дорном. А Алла Рыжанская подготовила выступление хоровой группы. Представители кинешемской еврейской общины подарили вымпел, вышитый специально ко Дню Освобождения Ребе. Все вместе – хозяева и гости – украшали зал, и праздничный стол готовили и накрывали тоже все вместе.

Много есть замечательных праздников, но этот мы считаем своим, костромским, и отношение к нему у костромичей – особое. Для семьи Кугелей-Меламед события 1927 года – часть их жизни. К сожалению, Роза Герахмиэловна, дочка Герахмиэля Кугеля, в доме которого был раввин Йосеф-Ицхок Шнеерсон, на праздник прийти не смогла. Но пришли другие члены этого замечательного семейства – внучка реб Герахмиэля, его правнучки и

праправнуки. А бабушку Розу накануне посетили дети из городского еврейского лагеря. Они спели ей несколько песен и пожелали скорейшего выздоровления.

...Каждый год этот праздник получается особенным. На День Освобождения Ребе – концерты, спектакли, всегда бывают неожиданные, чудесные гости. Вот в 1997 году к нам приехали москвичи во главе с раввином Ицхаком Коганом. С этого визита и начались празднования Дня Освобождения: ведь раньше мы просто ничего не знали про этот день. Первый спектакль «Непокоренный» ставила ребецн Батшева Тамарина. Зал нашей синагоги тогда был оформлен в стилистике «лихих времен» – как декорации к разрухе 1927 года.

Теперь же, залитая светом летнего дня, 13 тамуза, украшенная к празднику, полная евреев, наша синагога сама стала знаком Дня Освобождения Ребе.

А. Неадаеі іеау

«АІ ЕНДІ ЯЕ»: АІ АНОВА × Е ІА АООУЕЕ АІА!

В этом номере журнала мы заканчиваем информировать читателей о летнем отдыхе наших детей. Конечно, рассказать обо всех лагерях невозможно, – на это потребовался бы специальный выпуск, да, скорее всего, и не один! Однако все же о самом интересном мы вам сообщим обязательно.

Но прежде – некоторые статистические данные, которые приводит АЕН в материале Евгения Кислевских...

Минувшим летом около 17300 детей из стран СНГ на территории бывшего СССР отдохнули в еврейских лагерях. Их организовали разные общины СНГ и стран Балтии. Больше половины из числа этих девочек и мальчиков побывали в лагерях «Ган Исроэл» Федерации еврейских общин СНГ и благотворительного фонда «Ор Авнер»: в двадцати двух лагерях России, в пятнадцати – в Украине, в восьми лагерях – в других странах СНГ и в одном лагере в Австрии. В этих летних лагерях провели часть каникул 88 групп – около 9600 детей.

Более четырехсот учащихся израильских и американских ешив работали вожатыми в лагерях «Ган Исроэл» на волонтерской основе.

В географию лагерей «Ган Исроэл» вошли: Москва, Петербург, Нижний Новгород, Екатеринбург, Казань, Самара, Саратов, Кострома, Калининград, Сочи, Волгоград, Пермь, Уфа, Омск, Челябинск, Новосибирск, Красноярск, Хабаровск, Владивосток, Кривой Рог, Чернигов, Днепропетровск, Донецк, Харьков, Одесса, Житомир, Николаев, Бердичев, Луганск, Мелитополь, Минск, Тбилиси, Ташкент, Алма-Ата, Бишкек, Зальцбург, а также города Эстонии и Латвии.

ЕАЕЕІ ЕІ АВАА

В лагере «Ган Исроэл» была разработана обширная познавательная и развлекательная программа.

Раввин Довид Шведик пригласил работать с детьми лучших педагогов и воспитателей, умеющих заинтересовать и увлечь мальчиков и девочек, создать для них удивительную атмосферу учебы, игр и развлечений.

Две незабываемые недели провели в лагере 30 мальчиков и девочек в возрасте от 6 до 14 лет. Каждый день они узнавали что-то новое: это гарантировали им незабываемые уроки еврейской истории, культуры и традиций. Искренне переживали дети трагическую судьбу еврейского народа, радовались его победам, слушали чудесные истории о Любавичском Ребе.

А затем приходил час других познавательных и культурных программ. Дети побывали на экскурсии в калининградском историко-художественном музее, посетили зоопарк, приняли участие в интерактивной игре «Загадки Мирового Океана», съездили на автобусе к морю.

Особенно незабываемой для них стала поездка в поселок «Янтарный» – место массовой гибели евреев в годы второй мировой войны. Вместе с ветеранами дети почтили память погибших, возложили цветы к памятнику. Узник гетто и ветеран Великой Отечественной войны Яков Суховольский рассказал детям о трагедии Холокоста.

В «День здоровья» ребята посетили тренировку в секции таэквон-до, а затем с удовольствием поплавали в бассейне.

В память об учебе и отдыхе в лагере все девочки и мальчики получили бейсболки и майки с эмблемой, фотоаппараты и другие ценные подарки.

È. Dìcèíà

ÑÀÌ ÀÐÀ

В летнем лагере, который обычно организует раввин Шломо Дайч для учеников воскресной еврейской школы, на этот раз отдохнули и дети из школы «Ор Авнер», завершившей нынешним летом свой первый учебный год.

Лагерь расположился в зеленой зоне на берегу реки. Для работы с детьми раввин Дайч пригласил опытных вожатых из Израиля и США. Во время «мужской смены» лагерь посетил моэль из Москвы раввин Ишая Шафит. И этот приезд моэля стал знаменательным событием для девяти мальчиков: они прошли обряд брис-милы.

ÀÀÌ

НАЛЬЧИК

В летнем лагере при городском общинном культурном центре «Товуши» отдохнули 50 детей в возрасте от 6 до 10 лет.

Помимо развлечений, конкурсов и викторин ребятам была предложена оздоровительная программа. Особенно увлекли их уроки еврейской истории и традиции, а также иврита и горско-еврейского языка.

– Все дети были из малоимущих семей, – рассказал нашему корреспонденту руководитель центра «Товуши» Борис Шубаев. – Поэтому особенно важно, что их отдых был бесплатным. Это стало возможным благодаря помощи, которую нам оказывает Федерация еврейских общин России, а также Облсовпроф Кабардино-Балкарии.

À. Èàdì'òcèí

НОВОСИБИРСК

В пригородном детском лагере отдохнули около двухсот ребят из разных городов Сибири. Они также основательно пополнили этим летом свои знания по истории, культуре и традиции еврейского народа.

Каждый день лагерной смены был посвящен определенной теме. Занятия проходили в игровой форме, с викторинами, представлениями.

На прощание организаторы и спонсоры лагеря – Федерация еврейских общин России, Международный фонд «Ор Авнер» и новосибирский филиал Еврейского агентства в России – вручили каждому участнику лагеря по фотоаппарату.

І. Яаѐіа

ЊЇ×Ė

В еврейском лагере «Ган Исроэл» на Черноморском побережье в Зубовой щели отдохнули более двухсот девочек со всей России.

Пока этот лагерь принимает два потока детей в возрасте от 7 до 16 лет. Но в дальнейшем организаторы хотят увеличить количество смен, чтобы лагерь работал все лето.

Многие из почти тридцати вожатых из СНГ, Израиля и США не говорили по-русски, и поэтому языком общения здесь был иврит.

Каждое утро дети собирались на линейку, где им объявляли планы на весь день. Вожатые старались построить программу оздоровительного отдыха так, чтобы не менее двух часов дети проводили на море.

Но основу пребывания их в лагере все равно составляли познавательные мероприятия. С утра детям преподавали «теорию»: традиции и историю еврейского народа. А потом были игры, закрепляющие все эти сведения.

ААЇ

БЕЛОРУССИЯ

Крупнейший в республике летний еврейский лагерь «Ган Исроэл» был организован Объединением иудейских общин Белоруссии. Лагерь этот расположился в одном из живописных уголков республики – на реке Волма у поселка Сокол.

Около ста девочек в возрасте от 7 до 17 лет из различных регионов Белоруссии побывали в увлекательном путешествии по миру традиций своих еврейских предков.

ААЇ

КРЫМ

Еврейский лагерь для мальчиков из восточного и центрального регионов Украины, который проводит днепропетровская еврейская община вместе с Федерацией еврейских общин Украины, в этом году проходил в Крыму, в сказочно красивом месте Баланово.

Северные отроги крымской горной гряды неизвестны большинству гостей полуострова. А между тем, именно здесь встречаются воистину альпийские пейзажи: лесистые склоны гор, глубокие и большие озера. И всюду – по-настоящему чистый воздух.

Около ста ребят разного возраста приехали сюда. И на три недели объединились в одну большую еврейскую семью. Главный раввин Днепропетровска Шмуэл Каминецкий и директор лагеря раввин Реувен Чупин сделали все возможное, чтобы каждый день проходил под знаком еврейских традиций и еврейской культуры. Под руководством молодых посланников из США и с помощью своих друзей из днепропетровской ешивы мальчики постигали азы иудаизма и еврейского образа жизни.

Жизнь ребят в лагере была чрезвычайно насыщенной. Каждый день, кроме молитв и занятий, были и походы в горы, и конные прогулки, и игры в баскетбол, волейбол и футбол. А еще – различные и чуть ли не всегда неожиданные конкурсы... Ну, а про купания в горном озере и в бассейне на территории лагеря и говорить не приходится – теплая и прозрачная вода добавляла ребятам силы и энергию.

Особенно запомнилась мальчикам поездка в Судак – с посещением знаменитой Судакской крепости и аквапарка, который на два часа был предоставлен в их полное распоряжение.

Но все же главное – это родившееся здесь чувство единой еврейской семьи. А в этом, пожалуй, и есть основной итог летнего отдыха и учебы в лагере.

У. Агаши

КАНИКУЛЫ В АВСТРИИ

В июле 130 девочек и в августе 130 мальчиков из Латвии, Литвы и Эстонии отдохнули на горных курортах Австрии.

Это – знаменитые курорты Мурау и Сант-Михоэль, расположенные неподалеку от Зальцбурга. Несмотря на трудную дорогу эти небольшие городки, окруженные горами, покорили нас с первого взгляда. И прежде всего – своими маленькими улочками и уютными сказочными домиками, с яркими веселыми цветниками во дворах.

Все дни лагерной смены нам сопутствовали солнечная погода и прекрасное настроение.

Вожатые старались сделать наш отдых приятным, полезным и познавательным. Раввин Залман Мендельсон заботился о вкусной и разнообразной пище.

Время неслось очень быстро. Скучать было просто некогда. Все мы были заняты в течение всей смены, притом чуть ли не каждую минуту нас приглашали то на экскурсии, то в походы в горы, то на занятия по изобразительному искусству. И, конечно – как у всех мальчишек летом, были у нас и футбол, и баскетбол, и волейбол, и настольный теннис, а также прочие игры, конкурсы, театрализованные представления.

Очень интересно проходили занятия по изучению еврейских традиций. И особенно для тех из нас, кто узнавал о них впервые.

А какие замечательные были экскурсии... К примеру, по Зальцбургу – родине великого Моцарта, и прогулка по парку, где действуют незабываемые фонтаны-шутихи.

Венеция! Неповторимый ландшафт, мосты, каналы, узкие разбегающиеся улочки, сувенирные лавки, ручные голуби на знаменитой площади... Прогулка на теплоходе, знакомство с технологией изготовления знаменитого венецианского стекла.

Мы посетили бывшее еврейское гетто, скорбное для всех нас место... И это нам уже не забыть.

А еще была Вена – родина вальса, с красивейшими ухоженными парками и дворцами. После прогулки по Вене нас всех приняли в школе «Хабад – Любавич», где мы немного отдохнули и подкрепились перед дальней дорогой.

...Все хорошее, однако, когда-нибудь кончается. Жаль, что закончилось и это удивительное путешествие.

Но дни, проведенные в лагере «Ган Исроэл», незабываемы! Здесь у нас появились новые друзья, здесь мы с удовольствием общались со сверстниками. Здесь состоялись многие встречи с прекрасным. Мы получили в подарок сувениры, фотографии. Все это останется в памяти навсегда.

È. Bmæ:

ÀÀDÀÉÑÈÈÉ ÄÄÖÑÈÈÉ ÑÄÄ Î ÎËÓ×ÈÈ ÈÈÖÄÍ ÇÈP

Негосударственное дошкольное учреждение – еврейский детский сад «Ган Геула» – получил лицензию комитета по образованию администрации Волгоградской области.

Экспертная комиссия признала, что «Ган Геула» имеет право осуществлять образовательную деятельность

по соответствующим программам.

Вручение лицензии совпало с подготовкой к новоселью: скоро детский сад перейдет в новое помещение, расположившееся по соседству со школой «Ор Авнер».

ÄÄ

ДО ВСТРЕЧИ В МОСКВЕ!

В пригороде Волгограда в живописном месте на реке Ахтубе прошел молодежный семинар «Еврейский взгляд на мир».

Созвали участников на семинар волгоградская еврейская религиозная община и московская организация «Бэйс Талмуд» при поддержке Ассоциации еврейских студенческих центров «Арэвим». В семинаре приняла участие молодежь из Москвы, Днепропетровска, Армавира, Владикавказа, Таганрога, Астрахани и Волгограда.

Как рассказывали организаторы семинара, прежде всего они хотели создать сплоченный, дружный коллектив. И надо признать, это им удалось. Раввины Ури Спасский, Залман Иоффе и Йосеф Херсонский прочитали интереснейшие лекции – «Молитва... А зачем это надо?», «Евреи и неевреи. Смешанные браки», «Зачем евреи носят кипы?», «Секс и иудаизм». Ребята имели возможность сопоставить разные аспекты одних и тех же проблем. Были также организованы интерактивные занятия и интеллектуальные игры.

Организаторы семинара признались, что и не предполагали, какой интерес вызовет у всех игра «Алоха обязывает, разрешает, запрещает», продолжавшаяся три вечера подряд. Участники ее должны были правильно ответить на вопросы по еврейскому законодательству.

Каждый день на семинаре собирался миньян для молитвы, а двое юношей прошли обряд брит-милы.

В последний вечер семинара руководитель организации «Бэйс Талмуд» раввин Ури Спасский, подводя итоги работы, выразил надежду увидеть всех на следующем семинаре в Москве.

А волгоградская еврейская религиозная община, как заверили ее руководители, тоже всегда рада собрать еврейскую молодежь, чтобы еще раз попытаться увлечь ее на тысячелетнюю дорогу еврейской истории и традиции. Чтобы еще многим и многим удалось приоткрыть дверь в мир иудаизма. *י. אדעסל*

КОМПЬЮТЕРИЗАЦИЯ ОБУЧЕНИЯ В ЕВРЕЙСКОЙ ШКОЛЕ

Еврейский лицей «Ор Авнер», в котором обучаются более ста детей, первым среди школ Нижнего Новгорода и области переходит на систему полной интеграции преподавания всех предметов с использованием персональных компьютеров.

Компьютерный проект разработан специалистами из Петербурга.

י. נאָדוֹרִיאַי

ЖЕНСКИЙ ЕВРЕЙСКИЙ КОЛЛЕДЖ ПРАЗДНУЕТ ЮБИЛЕЙ

Еврейскому педагогическому женскому колледжу «Бейс Хая-Мушка» в Кишиневе исполнилось 5 лет.

Это совпало с новым набором абитуриенток: число желающих получить образование в колледже год от года растет.

Педагоги колледжа утверждают, что аналогов этому учебному заведению нет во всем СНГ. Помимо обязательных для вузов предметов студенты изучают «еврейские дисциплины».

– Мы начали со 180 часов в год, – рассказывает нашему корреспонденту ректор колледжа Рива Сафронова. – Но за прошедшие пять лет количество часов по изучению Танаха увеличилось вдвое. Девушки изучают даже такой специальный предмет, как философия хасидизма.

Ни одно еврейское учебное заведение или курсы в молдавской столице не могут похвастать и таким серьезным, углубленным изучением еврейской литературы. Студентки читают не только идишских и ивритских классиков, но и постигают премудрости талмудической и раввинистической литературы, где без знания основ философии и религии просто не обойтись.

В «Бейс Хая-Мушка» ныне все чаще поступают девушки и женщины – специалисты с высшим педагогическим образованием, интересующиеся методикой преподавания еврейской традиции.

А. Оаòíòèíà

ÈÍ ÒÁÐÍÁ Ò-ÇÀËÁ ÑÈÍ ÁÁÍÁÁ

В Интернет-зале синагоги Ростова-на-Дону работает дюжина компьютеров, круглосуточно подключенных к Интернету. Современный кинопроектор позволяет увидеть изображение с любого из двенадцати компьютеров на большом экране.

Все эти технические средства будут использоваться в обучающих программах по истории и традициям еврейского народа.

Начала здесь действовать и программа знакомств: с помощью Интернета молодые люди смогут общаться со сверстниками из других стран.

Глава еврейской религиозной общины города Юрий Рубинов пообещал, что отныне любой ее член сможет пройти курсы компьютерной грамотности. Причем, все услуги Интернет-зала бесплатные.

ÁÁÍ

НОВЫЙ САЙТ ФОНДА «ОР АВНЕР – ХАБАД»

Новый интернет-ресурс Международного благотворительного фонда «Ор Авнер – Хабад» в странах СНГ посвящен вопросам образования и воспитания в сети школ, ешив и училищ, входящих в эту организацию. Это представительский портал с адресом www.oravner.com.

– Мы хотим, чтобы каждое из наших учебных заведений имело свой сайт в Интернете, – рассказал нашему корреспонденту один из создателей портала Йонатан Фельдман. Однако сейчас свои сайты имеют только одиннадцать из них.

Ссылки на эти адреса находятся на сайте Фонда. Там же размещена информация о крупных проектах, касающихся деятельности школ. Есть на сайте и книжные новинки, и рисунки детей, участвующих в конкурсе «Дети рисуют Танах».

На сайте можно увидеть и галерею, составленную из фотографий с забавными эпизодами из жизни учащихся школ и ешив. А также – почитать статьи и лекции на тему еврейского образования, а заодно еще и познакомиться с новостями.

ААТ

У КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА ЕСТЬ ИМЯ

В религиозной организации «Таганрогская еврейская община» прошла встреча с Владимиром Кобриным.

Один из немногих таганрогских евреев, он избежал смерти от рук оккупантов в 1941 году. И вот теперь в родной город приехал из Вильнюса, чтобы принять участие в поминальном шествии, посвященном 61-й годовщине уничтожения евреев Ростовской области.

Таганрог печально известен тем, что именно в этом городе впервые в России фашисты применили тактику массового убийства евреев.

– Фашисты заняли Таганрог в середине октября, и почти сразу же всем евреям было приказано надеть нарукавные повязки с желтой шестиконечной звездой, – вспоминает Владимир Кобрин. – Через неделю по приказу коменданта все евреи, а также все родившиеся от смешанных браков с евреями, должны были с ценными вещами, с ключами от квартир и продуктами явиться на Владимирскую площадь.

Отец на всякий случай решил не регистрировать меня в комендатуре, а мама договорилась со знакомым адвокатом Львом Лихтерманом, что я поживу у него в семье.

Помню, как утром 26 декабря мы все вышли из дома, дошли до развилки и торопливо попрощались. Мои родители и другие родственники направились направо, к Владимирской площади, а я повернул налево, к дому Лихтермана. Позже узнал, что всех евреев, явившихся на сборный пункт, вывезли в пригород Таганрога, в Петрушинскую балку, и расстреляли.

...Четырнадцатилетний Володя Кобрин прятался у Лихтермана до 3 марта 1942 года. Потом за адвокатом тоже пришли. Во время обыска мальчик затаился в задней комнате, куда немецкие солдаты так и не заглянули. Ближе к вечеру пришла соседка и увела ребенка к себе. Еще год он прятался в разных семьях. Наконец, Анна Покровская, удостоенная недавно звания «Праведник мира», раздобыла для мальчика фальшивую метрику со славянской фамилией и вывела его из Таганрога.

Владимир Кобрин многое пережил. Натерпелся и от фашистов, и от советского НКВД после войны. В конце концов осел в Вильнюсе.

На родину он приехал впервые за последние 15 лет. Вместе с сыном. «Чтобы память о трагедии предков, – сказал Кобрин, – передавалась из поколения в поколение».

После встречи с местной еврейской общиной отец и сын Кобрины отправились на мемориальный комплекс «Балка смерти» в окрестностях села Петрушкино. Здесь в 1997 году по инициативе религиозной организации «Таганрогская еврейская община» была установлена гранитная плита. На граните высечена надпись на иврите: «У каждого человека есть имя».

СТРАШНАЯ СТРАНИЦА КАТАСТРОФЫ

В Змиевской балке в пригороде Ростова-на-Дону, там, где в августе 1942 года фашисты проводили массовые расстрелы евреев, состоялся скорбный митинг. Члены ростовской еврейской религиозной общины – старики, чудом выжившие в военные годы, юные ученики школы «Ор Менахем» и их родители – собрались почтить память невинных жертв Холокоста. На торжественной церемонии присутствовали представители городской и областной администраций.

К мемориалу возложили цветы и венки. Председатель еврейской общины Ростова-на-Дону Юрий Рубинов призвал собравшихся никогда не забывать великую еврейскую трагедию, которая разразилась на этом месте 61 год назад, кровавую страницу истории Катастрофы. Раввин Хаим Фридман прочитал Кадиш – поминальную молитву.

Минута молчания... Евреи держат в руках чудом сохранившиеся фотографии погибших родных и близких. Слезы на глазах...

Траурная церемония продолжилась в синагоге, где выступили очевидцы тех страшных дней. Дора Шпак вспомнила рассказ одного из жителей села, что расположено вблизи Змиевской балки, как с места казни сбежал еврейский мальчик лет десяти. Его поймали местные жители и отвели обратно к яме...

Но мир не без добрых людей: были и те, кто помогал евреям в военные годы. Дмитрий Шварцман рассказал о еврейке, которая не пошла в тот трагический августовский день на сборный пункт. Несколько месяцев она оставалась в своей квартире, и ее никто не выдал. А потом соседи помогли женщине перейти по льду Таганрогский залив и скрыться в безопасном месте.

– К сожалению, пока почти ничто не напоминает о том, что подавляющее большинство расстрелянных и замученных в Змиевской балке были евреями, – сказал Юрий Рубинов. – А об этом нельзя забывать. Можно и нужно, не нарушая ансамбля мемориального комплекса, найти место для установки еврейского символа – Меноры или Моген-Довида. Надо обновить и экспозицию мемориального музея, пополнив ее хранящимися в общине документами, фотографиями, свидетельствами очевидцев. Да и здание музея нуждается в ремонте. Ошибки коммунистического прошлого, когда трагедия еврейского народа замалчивалась, нужно исправлять. Память о Холокосте – не только долг перед погибшими, но и залог того, что трагедия не повторится.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ АКЦИЯ

В Днепропетровске состоялась уникальная благотворительная акция. Один из самых комфортабельных кинотеатров города – «Салют» – провел для еврейской общественности несколько бесплатных сеансов фильма Романа Поланского «Пианист».

Этот фильм – обладатель многочисленных наград на самых престижных кинофорумах мира – рассказывает о судьбе евреев в годы Катастрофы.

Акция была проведена при поддержке научно-просветительского центра «Ткума». Он вскоре вместе с днепропетровской еврейской общиной начинает строительство Музея истории Холокоста – одного из первых в СНГ.

Билеты на благотворительные сеансы распространялись во всех еврейских организациях Днепропетровска. Фильм выдающегося режиссера, который сам пережил все ужасы Холокоста, смогли посмотреть бесплатно более двух с половиной тысяч евреев нашего города.

На презентации картины присутствовали многие из тех, для кого Холокост стал личной трагедией: ветераны Великой Отечественной войны, узники гетто и концлагерей, люди, чудом спасшиеся во время фашистской оккупации.

Организаторов акции поблагодарил от имени еврейской общины Днепропетровска ее председатель Григорий Натанович Король. Он подчеркнул особую важность создания таких фильмов как для пожилых, так и для молодых евреев. Это, по его мнению, залог того, что трагедия Шoa никогда не повторится.

А руководители кинотеатра «Салют» сообщили, что четверть всех средств, вырученных от продажи билетов на коммерческие сеансы фильма «Пианист», будут переданы в помощь жертвам Холокоста.

А. Айдаєв

ВЕЧНЫЙ ПОДВИГ

Торжественное собрание, посвященное 60-летию Курской битвы, прошло в синагоге Нижнего Новгорода.

Ветераны вспоминали былое, говорили об участии воинов-нижегородцев в сражении под Курском и Белгородом, о вкладе евреев в общую Победу.

Об их ратном подвиге написано, в частности, в пятитомном книжном цикле «Евреи Нижнего Новгорода». Среди героев этих книг немало ветеранов, которые, невзирая на преклонный возраст, до сих пор остаются активными участниками общинной жизни.

І. Шабаєв

АНТИСЕМИТИЗМ – ЗА СЧЕТ... ГОСБЮДЖЕТА?

Главный раввин Волгограда и Волгоградской области Залман Иоффе направил письмо в прокуратуру города с просьбой привлечь к уголовной ответственности за разжигание межнациональной розни главного редактора газеты «Казачий круг».

Противостояние общины с газетой длится уже полтора года. После того как был заменен прежний редактор, «Казачий круг» некоторое время воздерживался от юдофобских демаршей. Но появившаяся в августе публикация «Случайная встреча в поезде», полная антисемитских выпадов и измышлений, показала, что редакционная политика газеты

вовсе не изменилась. Особенно евреев-ветеранов Великой Отечественной войны возмутило сопоставление еврейства, еврейской «формулы поведения», по выражению доморощенных писак, с фашизмом.

Учитывая, что газета уже имеет два предупреждения за публикацию материалов, подпадающих под действие федерального закона РФ «Об экстремизме», раввин настаивает на ликвидации учрежденного областной администрацией названного печатного органа. Настаивает раввин также и на привлечении к административной ответственности должностных лиц, с молчаливого согласия которых на бюджетные деньги публикуются антисемитские материалы.

ААГ

«НЕТ РАСИЗМУ!»

В Петрозаводске «Молодежная правозащитная группа (МППГ)» при участии представителей Волжского анархистского фронта решила уничтожить антисемитские надписи.

Долгое время эти надписи «украшали» город. Сделаны они были на гаражах, расположенных неподалеку от железной дороги, по которой в наш город приходят поезда из Петербурга и Москвы. Из окон вагонов эти надписи были хорошо видны. Так что все приезжающие в Карелию и уезжающие из ее столицы могли сразу понять, какова социально-политическая обстановка в республике.

Все пошло в дело: пригодилась старая масляная краска, оставшаяся от затянувшегося ремонта, растворители, строительные рукавицы и кисти.

Активисты МППГ с юмором подошли к делу. Так, например, фраза «Долой иго жидов» была исправлена на «Долой иго жиров и углеводов». А надпись «Воры жида за демократию» – на «Дворы за демократию».

Был написан и новый лозунг: «Нет – расизму!» Молодые анархисты нарисовали перечеркнутую свастику и написали: «Долой войну!» На акции присутствовала журналистка из «Молодежной газеты Карелии»...

Это «место приложения рук вандалов» – отнюдь не единственное в нашем городе, где имеется подобная писанина. Активисты МППГ намерены и в дальнейшем очищать наш город от надписей и рисунков, разжигающих национальную вражду и вредящих имиджу Петрозаводска, известного прежде своей культурой и толерантностью.

Г. Аоёи îâ

ОЧЕРЕДНОЙ НАЛЕТ СКИНХЕДОВ НА СИНАГОГУ

Банда численностью около пятнадцати скинхедов предприняла попытку прорваться в помещение городской еврейской библиотеки при синагоге Челябинска.

Дверь в библиотеку была заперта, а вызванная сторожами охрана из агентства «Витязь» обратила «бритоголовых» в бегство. Задержать, однако, никого из нападавших не удалось.

Это – отнюдь не первая антисемитская выходка челябинских скинхедов. В ночь с 21 на 22 июля на стене синагоги черной краской была намалевана свастика. Зимой в здании дважды били стекла. Еще раньше кто-то разбил о стену синагоги бутылку с химически активной жидкостью, – пятно проступает и сейчас. Предпринималась также и попытка поджечь синагогу.

Редакция местной газеты «Еврейские окна» располагает достоверной информацией о том, что милиции известны руководители и активные члены банды бритоголовых, а также места их встреч. Но адекватные меры в отношении фашиствующих молодчиков со стороны правоохранительных органов вопреки законодательству России почему-то не предпринимаются.

ААГ

СТОЯНКА ЗАПРЕЩЕНА

Автомобильная инспекция Ростова-на-Дону выдала городской религиозной еврейской общине разрешение на установку рядом с синагогой дорожного знака «Стоянка запрещена».

Эта мера предпринята для обеспечения безопасности евреев в связи с участвовавшими в городе случаями проявления антисемитизма. За последний год ростовскую синагогу несколько раз поджигали, разбивали камнями оконные стекла, а на стенах ее малевали антисемитские надписи.

После обвинительного приговора полковнику Буданову в Ростове заметна повышенная активность членов профашистской организации «Русское национальное единство». Произошло несколько крупных драк с участием бойцов РНЕ и представителей национальных меньшинств, в частности, таджиков.

Ростовская организация РНЕ известна особо нетерпимым отношением к евреям. И именно поэтому руководство еврейской общины принимает повышенные меры безопасности.

АЕН

ОБО ВСЕМ ПОНЕМНОГУ

СЕМЕЙНАЯ ВСТРЕЧА

«Семейный клуб» Новоуральска организовал «выход на природу» членов городской еврейской общины вместе с детьми, приехавшими на каникулы из Израиля.

Ребята делились впечатлениями о своей учебе. Соревнования и конкурсы еще больше подняли настроение присутствующих. Весело прошла викторина по истории и традициям еврейского народа. А в соревнованиях по стрельбе из лука и пневматического пистолета ребята показали изрядную меткость.

Затем состоялась традиционная встреча Шабоса: зажигание субботних свечей, кидуш, чтение недельной главы Торы. Все это происходило в тесном кругу за кошерной трапезой. Как и исполнение еврейских песен, которое в общине стало традиционным.

О семейной встрече за городом рассказала всем горожанам программа новоуральского телевидения.

РАВВИН ПОСЕТИЛ БУХАРУ

Десять еврейских девушек из Бухары отдохнули в летнем лагере в Чимгане, что расположен в горах под Ташкентом.

Организовать отдых помог главный раввин Центральной Азии и Казахстана Довид Гуревич, посетивший Бухару и обещавший бухарским евреям содействие в решении некоторых проблем.

В синагоге раввин Гуревич встретился с лидерами общины, насчитывающей около пятисот человек. Он побывал в еврейском колледже, который создан при поддержке Еврейского агентства, Хабада и Всемирного еврейского конгресса. Занятия в колледже проводят опытные преподаватели и активисты общины.

ЕВРЕЙСКАЯ ГРУППА В ДЕТСКОМ САДУ

Ростовская еврейская религиозная община получила разрешение администрации города открыть на базе муниципального детского сада специализированную группу для еврейских детей – первую в областном центре.

Группа начала работать уже с сентября. Помещение ее имеет отдельный вход. Работают в этой группе специалисты из еврейской общины. Детям преподается история и традиция еврейского народа.

ÀÁÄÅÈ ÊÏÑÒÐÌ Ò Û ÄÛÑÑÒÀÍ ÁÄËËÄÀÐ Ò ËËÀÁÄËÙ

Костромская еврейская община приступила к наведению порядка на еврейском участке старого городского кладбища, где захоронения начались не менее полутора веков назад.

В середине прошлого века власти пытались кладбище закрыть, а старые могилы – снести. Однако евреям Костромы тогда удалось его отстоять.

Впрочем, в последнее время многие захоронения пострадали от рук антисемитов. Активисты еврейской общины расчистили проходы, начали приводить в надлежащее состояние захоронения. Они также сделали разметку всего еврейского участка и определили объем предстоящей работы.

Члены общины решили, что будут заниматься этим благим делом систематически. А добровольцы обязались приходить на кладбище еженедельно.

Í Î Æ Æ Ì ÈËÄ

По мнению раввина Нижнего Новгорода Шимона Бергмана, после завершения работ по благоустройству новая миква в городской синагоге будет одной из самых красивых в России.

Помещение ритуального бассейна оформят витражами на еврейскую тему, потолок будет выполнен в виде огромной Звезды Давида. Здесь установят джакузи, души с многомерными панелями управления, современную сантехнику лучших фирм Европы.

Спроектировал микву известный американский архитектор раввин Гроссбаум. А строительство ее шло под наблюдением иерусалимского раввина Гальперина.

ДНЕВНИК ДЛЯ ЕВРЕЙСКИХ ШКОЛ

К началу нового учебного года учащиеся еврейских школ получили новый дневник на 5764 год.

Дневник издан на русском языке, причем рядом с каждой датой по еврейскому календарю указана соответствующая дата грегорианского летосчисления.

Особое внимание составители дневника уделили еврейским праздникам и религиозным установлениям. В дневнике также есть страницы, посвященные грамматике иврита, загадкам, рассказам о видных исторических деятелях еврейского народа.

Школьный дневник печатается третий год подряд московским издательством благотворительного фонда «Ор Авнер – Хабад». И отрадно, что его тираж ежегодно растет.

ПОМИНАЛЬНАЯ ЦЕРЕМОНИЯ НА МЕСТЕ ТЕРАКТА

Раввин Астрахани Шломо Залман Голденберг и члены еврейской религиозной общины города приняли участие в возложении венков на Кировском вещевом рынке.

Напомним, что в августе 2001 года там прогремел взрыв, в результате которого погибли 7 человек и более 40 человек получили ранения. В больницу среди раненых попали и пятеро евреев.

В торжественной поминальной церемонии, организованной городской администрацией, приняли участие представители всех религиозных конфессий Астрахани.

«IÀΘÀ» NĚÓΔEÁÀ ÇÀÍ BÒÎ ÑÒÈ

Вот уже более полугода действует в Москве еврейская служба трудоустройства. Ее офис расположен в здании благотворительной еврейской организации «Хесед Эзра» рядом с Московским еврейским общинным центром.

Служба оказывает бесплатные услуги еврейским организациям и частным лицам. Руководитель этой структуры Лея Лившиц размещает объявления о поиске работников в городских газетах и на еврейских информационных ресурсах. Собеседование включает личную беседу и небольшой психологический тест. После этого соискателей распределяют по еврейским организациям в соответствии с их квалификацией и опытом.

Осенью еврейская служба занятости начала акцию «Волонтерская еврейская деятельность» для оказания помощи неимущим евреям.

ОПШЕРНИШ ЛЕВИ-ИЦХОКА ШАЙНЕРА

В еврейской религиозной общине Биробиджана «Фрейд» впервые осуществлен опшерниш – традиционный обряд стрижки еврейского мальчика, достигшего трехлетнего возраста.

Своего сына Леви-Ицхока постриг главный раввин Биробиджана Мордехай Шайнер.

– Удаление локонов с детской головки, – объяснил собравшимся на церемонии раввин, – символизирует приближение ребенка к Б-гу и начало его воспитания в духе еврейских традиций и постижения заповедей иудаизма.

Для приглашенных на обряд опшерниша ребецн Эстер, мать еще четверых братьев и сестер Леви-Ицхока, приготовила сладкий стол.

Раввин Шайнер вскоре намерен впервые в Биробиджане провести еврейскую свадьбу в соответствии с требованиями религиозной традиции.

А. Айвазян

В ПОЛКУ РОССИЙСКИХ РАВВИНОВ ПРИБЫЛО

В Николаев на родину Любавичского Ребе Менахема-Мендла Шнеерсона в помощь главному раввину города Шолому Готлибу прибыли раввин Мойше-Залман Каминецкий с супругой. Они будут работать с еврейской молодежью в школе «Ор Авнер».

А раввин Ицхак Баркан с супругой Яффой помогут главному раввину Екатеринбурга Зелигу Ашкенази в организации образовательных программ.

Раввин Баркан принадлежит к третьему поколению посланников Ребе в своей семье: его дед Натан Баркан был раввином в Риге, а отец работал раввином в Берлине.

ПОМОЩЬ ЗАКЛЮЧЕННЫМ

Еврейская община Волгограда заключила договор с областным Управлением исполнения наказаний «Об оказании помощи заключенным в удовлетворении их культурных, просветительных и религиозных потребностей».

Община начала сбор книг и средств на приобретение периодических изданий. В библиотеки шестнадцати колоний для несовершеннолетних преступников уже посланы несколько тысяч томов художественной литературы и периодики. В том числе – и экземпляры волгоградской общинной газеты «Шофар Поволжья».

ОБРАЩЕНИЕ

СТРОИМ СВОЙ ДОМ

В 2004 году Еврейская автономная область отпразднует 70-летие. Все эти годы в области не было синагоги. И вот мы рады сообщить, что с августа 2003 года в Биробиджане активизировалось строительство синагоги, благотворительной столовой и воскресной школы.

Однако завершение их строительства задерживается из-за недостатка финансирования. Мы изыскали 12 миллионов 300 тысяч рублей. Значительная часть этой суммы получена при содействии Федерации еврейских общин России, благотворительного фонда «Джойнт», депутата Государственной Думы России С.И. Штогрин, бизнесменов Москвы и Петербурга, предпринимателей и жителей нашей области. Эти деньги уже вложены в строительство.

Но для окончания всех работ требуется еще 4,5 миллиона рублей. Ведь необходимо подвести к зданию тепло, электричество и водопровод, а также выполнить отделочные работы и благоустроить территорию.

Мы призываем всех, кто хочет помочь благородному делу – строительству в Биробиджане еврейского храма, благотворительной столовой и еврейской школы оказать нам помощь.

Благотворительный взнос можно перечислять на расчетный счет общины:

ÈÍÍ 7901013329,

òñ 40703810070120100459,

Àèðíàéàèàí ñéíà ÍÑÁ ¹ 4157, à Àèðíàéàèàí

ÀÈÈ 049923613,

èíðñ:àò 30101810500000000613

Ààèðòíúé ñ:àò:

ÒÀÈÁ Ðàèíààíé

ÀÈÈ 049923703

Èíðñ:àò 30101810300000000703

И ъ іаѳіаі нѳ аііо є нò ді ає о: аò і ієó: аі і іó нліаіо а є ді ає ѳ ді і іò: єò н аò нѳ : аò аі аі аò ó
«ІАÛÈІА», єóа є єає ді аі іаѳіаі аає і іає аò аі аі єѳ.

І ді аі іаò ає і іаі о а

ає ді ає ає аі і іє іє аа ді ає і іє ді ає ає і іє і іє і аі і і і «Ó ді а»

Є.А. Ò і є о і а і

Ає аі і і є ді а ає і

Ає ді ає ає аі а

І і ді а ає Ò ає і а д

І І А І Н Ò È Ò Á Á À Ò È È

Á Á À È Ñ È Ò İ Á Û È İ

İ İ Á Á İ Ò İ Á È È À È È İ À Ò Á Ç Á İ Á Á

ДОЛГИЙ ПУТЬ К СВОБОДЕ...

Nai ai O'oi ai

В ідв'яноааеіу Еаііі Інодіаеі, аеоаеі Адыіа, пііі дптеі і аоаде і іооа-оаоадеіа, а оаеаа аі оеіі оуаіе. Ніадоаіі іа ааау і оіі, оі і оуаіа і дапеаофору і аоеніаі е! Е еаеіе і аааіеі і іа іааі аіеі і ііапоу а аноаіі, оіау аі ааіа і ааіоє і аааеао іноаоуу а аеаіо! Аа «ііі іуе» аноаіі у ідіае ау. І ое А-м іаіе е аі оуі у і аем і ааеі у...

Я никогда не решался писать воспоминания о гетто, да и сейчас едва могу подступиться к этому. Хотелось бы изложить невероятную историю моего побега. Но без того, что ему предшествовало, трудно передать случившееся глубокой осенью 1943 года. И потому я не могу не коснуться событий, которые не оставляют меня с тех пор, как германские войска вошли в Даугавпилс.

Город пал на четвертый день войны. Население восприняло перемену по-разному: кто с нескрываемой радостью, кто с беспокойством. Немецкая администрация еще не успела обосноваться, а местная полиция возникла как из-под земли. Зачисленные в нее добровольцы расхаживали с винтовками и зелеными повязками на рукаве, а некоторые вырядились в давно припрятанную форму айзсаргов – членов латышской националистической организации. Полиция, впрочем, не очень заботилась о наведении порядка. Часть жителей, не таясь, грабила магазины, стоявшие с разбитыми витринами. На Рижской улице, одной из немногих уцелевших в центре, я видел людей, несущих всякую утварь и продукты питания в корзинах, кошелках и даже в охапках.

Вскоре афишные тумбы, заборы и стены домов были обклеены приказами префекта на немецком и латышском языках. Они относились только к евреям. И первый из них строжайше обязывал мужчин до 60 лет собраться в назначенное время на базарной площади. Другой приказ повелевал немедленно пришить желтые звезды к одежде – на груди, спине, а также на брючине. Нам запрещалось ходить по тротуарам, посещать какие-либо общественные места.

Тех, кто рискнул прийти на базарную площадь, погнали в тюрьму, где над ними несколько дней издевались. Потом большинство расстреляли в железнодорожном садике. Полицейские все чаще врываются в еврейские дома, забирали ценности, уводили людей или убивали их во дворах. На городских окраинах возникли массовые захоронения.

В семье нас было четверо. Мой отец, Илья Шпунгин, владел самой известной фотостудией в городе, на улице Райня. Мы имели фруктовый сад; во дворе водилась пернатая живность. Маму мою звали Яхной, или по-домашнему – Ялей. Она занималась хозяйством. Мне в начале войны было двенадцать лет, а моей сестре Рахели – Розочке – семь. Она еще не ходила в школу.

АЕАІАІІІІ ІАОЕА

Дом наш сгорел от зажигательной бомбы. Нас приютила бабушка Хава, жившая на мансарде по Аллейной улице. Но задержаться там удалось ненадолго. В июле 1941 года всем евреям было предписано переселиться в гетто. Когда мы наняли повозку и начали грузить в нее самые необходимые вещи, объявился нежданный надсмотрщик – один из соседей, казавшийся всегда тихим и покладистым. Он проверял каждый тюк и бойко указывал, что можно вывезти из квартиры и чего нельзя.

Гетто, находившееся на левобережье Даугавы, было в своем роде уникальным. Евреев заточили в предмостные укрепления с наружными окнами-бойницами. Каменный мешок, совершенно не приспособленный для жилья, представлял собой длинное двухэтажное строение с крепостными стенами. Оно растянулось дугой на несколько сотен метров и примыкало к реке. С внутренней стороны к нему прилегала дорога, ограждаемая высоким валом. На нем была площадь со сторожевыми будками. Подниматься туда запрещалось, за это полагался расстрел.

Женщин с детьми сразу отделили от мужчин. Так что папа оказался оторванным от нас – мамы, бабушки, меня и Розочки. Мы попали в палату № 24 – глубокую нишу без дверей, как и все прочие помещения. Теснота была неимоверная. Спали вплотную друг к другу на деревянном настиле. Отовсюду слышались потрескивающие звуки: обитатели палаты давили вшей. Помню старушку, не снимавшую с себя черное пальто. Оно выглядело почти белым от кишачи насекомых.

Из-за нехватки мест сотни семей расположились со своим скарбом на склоне вала под открытым небом. В гетто скопилось более 20 тысяч человек – евреев Даугавпилса, его ближних и дальних окрестностей, а также беженцев из Литвы. Скученность, невозможность соблюдения простейших требований санитарии грозили со дня на день вызвать эпидемии.

**À Î Î Î ÓÓÍ ÁÂÇÀÌ Ì Î ÇÃÕ ÁÈÈÀÑÛ ÎÁÍÀ È ÒÀ ÆÁ Î ÛÑËÛ:
«B ÍÁ ÔÎ × Ó ÓÍ ÁÐÁÛ!... B Î ÐÍ ÆÈÈ Í À ÑÃÒÁ ÆÑÃÁÎ ÁÃÁÎ ÁÃÕÀÛ
ËÁÒ... ÁÃÃÁ ÕÑËÛØÓ Í À ÈÀÛÛÑËÎ Î ÈÎ Î ÀÍ ÁÓ: «ÎÁÎ Î Û!», ÑÐÃÇÓ
ÓÏÁÃÓ È Î ÐÈÒÁÎ Ð-ÑÛ Î ÁÐÒÁÛ Î... ÒÎ ÈÛÈÎ ÁÛ ÕÑÍ ÁÛ...»
ÒÎ ÈÛÈÎ ÁÛ ÕÑÍ ÁÛ...»**

Но прошли две-три недели, и многие вздохнули с облегчением. Всех, кому за шестьдесят пять, известили, что их переводят «во второй лагерь», где условия будут гораздо лучше. Несколько тысяч пожилых людей, включая мою бабушку Хаву, сели в грузовики и отбыли под охраной в неизвестном направлении. Вскоре мы узнали, что телами этих стариков заполнились рвы возле дачного поселка Межциемс. Это была первая и самая «тихая» акция в нашем гетто.

За нею последовали другие. Но больше никто уже не поддавался обману. Все понимали, что означает «второй лагерь». Людей теперь выстраивали в колонну, и начиналась так называемая селекция. Ее проводили чины из полиции безопасности, Sicherheitspolizei, – со значками СС на петлицах. Им помогали полицейские и участники расстрельной команды в форме латвийской армии. Однажды во время селекции охваченная паникой девушка перебежала из одной группы в другую. Увидев это, один из карателей пытался ее найти, но упустил из виду. Тогда он извлек из колонны первых попавшихся – маму, меня и сестру. Каким-то образом я сумел оттащить своих назад, и нам удалось незаметно раствориться в толпе.

Мужчин и женщин по утрам уводили в город на работу: они обслуживали различные учреждения и воинские части. Пока это сохраняло жизнь каждому из них и его семье. Однако, уходя, многие прощались со своими близкими, не зная, встретятся ли они вновь. В гетто функционировали юденрат – собственная полиция, больница и даже детский сад. Но все это подобие быта сочеталось с лагерными порядками, всевозможными запретами и наказаниями.

Помимо массовых экзекуций, устраивались и показательные. В них обычно участвовал местный палач Совер из Sicherheitspolizei. Именно он накинул петлю на шею женщины по фамилии Гительсон, которая посмела появиться в городе без желтых звезд. Такой же публичной казни и за такое же «преступление» подверглась молоденькая девушка.

А женщину по фамилии Меерович расстреляли на виду у всех за попытку утаить буханку хлеба при возвращении с работы.

УЕҘАЕОӨЕЕ Ы Ы ДАҘАЙ ЕЕАЙ

Самые кровавые акции в гетто совпадали с советскими праздниками. Поздним вечером накануне 7 ноября 1941 года охранники вывели всех во двор, долго чего-то ждали, а потом отпустили. Но уже на рассвете прибыли гестаповцы и началась привычная сортировка. Первыми по списку были вызваны и поставлены отдельно семьи ремесленников, обслуживавших непосредственно Sicherheitspolizei. В сторону отвели также членов юденрата. Составлялись еще какие-то группы. Из работающих отобрали только мужчин и погнали их в город через массивные ворота. Всех остальных, тысячи людей, выстроили на валу.

Я прижался к маме, за ее руку ухватилась Розочка. Было предчувствие, скорее даже уверенность, что нас повезут в Межциемс – и никакой надежды на спасение. А когда находившаяся перед нами расстрельная команда вскинула винтовки, мне показалось, что расправа произойдет здесь же, на месте. Нет на моей памяти минут страшнее, чем эти. В помутненном мозгу билась одна и та же мысль: «Я не хочу умереть!.. Я прожил на свете всего двенадцать лет... Едва услышу на латышском команду “Огонь!”, сразу упаду и притворюсь мертвым... Только бы успеть... Только бы успеть...»

А выстрелов не было. Вероятно, убийцы пока лишь упражнялись. Мною овладел безумный порыв – сбежать или скатиться кубарем с вала, чтобы внизу укрыться где-нибудь в каменных казематах. Я уже ступил было на откос, но оглянулся на всякий случай... И, поняв, что меня не могли не заметить, юркнул обратно в притихшие ряды. В это же самое время внутри гетто шел повальный обыск. Полицейские рыскали по палатам, ворошили и простреливали тюки с вещами, постели, взбирались на чердаки, заглядывали во все темные закоулки.

Но где моя мама?! Я отчаянно искал ее, проталкиваясь между стоящими, кричал, звал по имени, но она не отзывалась. «Мама! Мамочка!» Полная тишина. Все застыли в оцепенении, ни на что не обращая внимания. Внезапно раздается команда:

– Медицинский персонал! Врачи, медицинские работники с семьями – пять шагов вперед!

Человек шестьдесят, может быть, восемьдесят быстро отделяются и образуют небольшой обособленный ряд. Ноги понесли меня вместе с ними. Но что теперь делать? Надо к кому-нибудь пристроиться. К кому?! Кто согласится выдать меня за сына? Я кидаюсь то к одному, то к другому, то к третьему, но каждый отворачивается от меня, отгоняет. Никто не хочет рисковать. Я уже почти обошел ряд, не обнаружив ни одного знакомого, как вдруг в самом конце увидел мадам Магид – нашего семейного зубного врача. Она, стоя со своей дочкой, моей сверстницей, поманила меня к себе:

– Сюда, Сема! Сюда! Я скажу, что оба вы мои дети...

Так и было. С проверкой нам повезло. И теперь мы стоим и обреченно смотрим, как длинную-длинную колонну уводят на расстрел. Увы, такая же судьба постигла впоследствии и мою спасительницу, и ее дочь.

Войдя в опустевшую палату, я как помешанный бросился к узлу с нашими вещами. Вот место, еще хранящее тепло моей мамы, а рядом – насиженный уголок моей маленькой сестры. Я воображал их лица, голоса и никак не мог осознать, что их нет и больше уже никогда не будет. Скорее всего в те минуты они еще были живы, еще находились в пути...

Не передать того, что творилось в гетто, когда мужчины, среди которых был и мой папа, вернулись с работы и не нашли своих жен и детей. Люди рвали на себе волосы, рыдали во весь голос. Их крики, наверное, были слышны на противоположном берегу Даугавы. Кое-кто из уводимых на расстрел все же сумел спрятаться и переждать акцию. Я видел, как вытаскивали из выгребной ямы человека, погрузившегося по горло в фекалии. Он еле дышал, на него невозможно было смотреть.

Через некоторое время в гетто объявили карантин. Сюда никого не пускали, отсюда не выпускали. Тех, кого гоняли в город, расселили по месту работы. Теперь я остался взаперти, без папы. А вскоре меня положили в больницу с брюшным тифом. Врачи, однако, скрывали диагноз под видом воспаления легких. Голод был невыносимый. Раввин, лежавший на соседней койке, рассказывал, как во сне ему «посчастливилось» съесть буханку хлеба! Нам давали его по 125 граммов в день, да еще два суп из гнилой капусты. Понемногу выздоравливая, я только и мечтал, как бы выбраться отсюда. Мой папа тогда был занят на черных работах в военной комендатуре железнодорожной станции Дюнабург (немецкое название Даугавпилса). Ему удалось упротить кого-то из начальства, чтобы и меня затребовали в то же ведомство. Так с отменой карантина я оказался в городе.

Минуло еще несколько месяцев. Последний день гетто наступил 1 мая 1942 года. Его ликвидировали с особой жестокостью. Убили всех без разбора. Спаслись каким-то чудом лишь два или три узника. В тот же день сняли охрану. Следы бойни долго не убирали. Тот, кто приходил сюда, содрогался от увиденного. Я перечитываю скупые строки из моих давних показаний, включенных в материалы Нюрнбергского процесса:

«Трудно описать трагедию 1 мая 1942 года. Гетто представляло ужаснейшую картину. На полу валялись изуродованные трупы детей, всюду была застывшая кровь... Тридцать человек, которые отказались направиться в грузовик, были расстреляны во дворе гетто».

Из более двадцати тысяч евреев, согнанных менее года назад в гетто, осталось всего около четырехсот человек. Наверное, и сегодня, в начале XXI века, кое-кто все еще задается вопросом: почему жертвы Холокоста безропотно шли на заклание? Вопрос не новый. Так может рассуждать вполне нормальный человек, который не был, слава Б-гу, на нашем месте. Сотни исторических, психологических и религиозных исследований написаны на эту тему. Если говорить конкретно о Даугавпилсе, то в отличие, например, от огромного Варшавского гетто у нас не было ни налаженных связей с внешним миром, ни оружия, ни боевых организаций. Мы находились в условиях замкнутой территории оборонительного сооружения. Не герои – обыкновенные люди, сломленные и ввергнутые в отчаяние, не способны были помышлять о каком-либо восстании. Рядом со своими близкими все ощущали себя заложниками.

«EḌĀĪ ṬNŌĪ ŪĀ» ĀĀDĀĒ

После ликвидации гетто горсточку бывших его обитателей, разбросанных по разным точкам, снова собрали вместе и переселили в городскую крепость, так называемую цитадель. Она располагалась на правом берегу Даугавы, почти напротив предместных укреплений, где раньше находилось гетто. В крепости были расквартированы воинские части. Нами распорядилось подразделение тыла. Сюда с восточного фронта поступали вагоны с ношеным обмундированием. Мы выгружали, сортировали и чинили эту одежду. В портняжной мастерской наряду с евреями работали и вольные жители Даугавпилса. Возглавляли все это хозяйство оберцалмайстер Лукенвалд и затем сменивший его Попе в том же чине.

Обстановка, в которой мы находились, была вполне сносной и не шла ни в какое сравнение с прежней – в предместных укреплениях. Правда, в мастерских следовало всегда

быть начеку. За работами присматривал веркмайстер Киевски, придирчивый чешский немец с наклонностями садиста. За малейшую «провинность» он избивал мужчин и женщин, валил наземь и нещадно пинал сапогами.

Наше мини-гетто представляло собой общежитие с двухъярусными нарами. Его не охраняли. Только у главных ворот крепости стояли часовые, но это не мешало выходить в город под всякими предлогами.

Как ни странно, ситуация долго не менялась. Забегая вперед, скажу, что несколько сот человек, переживших уничтожение гетто, нацисты не трогали целых полтора года – вплоть до конца октября сорок третьего. Какими соображениями было это вызвано, остается загадкой по сей день. О нас как бы «забыли». Даже несмотря на возмущение некоторых латышей, служивших в немецкой армии. Их семьи – утверждали они перед отправкой на фронт – в опасности, пока Даугавпилс полностью не очищен от евреев.

Мы не обольщались затянувшейся передышкой. Понимали, что с нас не спускает глаз Sicherheitspolizei и что каждый день нашего пребывания в крепости может оказаться последним.

Не впору ли разбежаться, пока еще не поздно? Многим приходила в голову такая мысль, но было очевидно, что это наивная мечта. Куда идти? В какую сторону? Меченый типичной внешностью и не менее типичным акцентом, еврей далеко не уйдет. Каждый, кому не лень, укажет на него пальцем. Правда, немецкие и латышские газеты порой писали о партизанах. Но где они воюют, где скрываются, как набрести на них, никто из нас не имел представления.

На исходе лета 1943 года произошло ЧП. На первом этаже дома, где находилось наше общежитие, содержали военнопленных. Через зарешеченные окна с ними общались некоторые наши девушки. Кончилось тем, что три из них, Соня Презма, Сарра Зив и Соня Левина, позволили себя уговорить «податься в партизаны». В ответ на их исчезновение немцы хотели взять в заложники и казнить каждого десятого еврея. Вышло иначе. Пленные попросту обманули своих «подруг». Брошенные в лесу, они не знали, куда деваться, бродили несколько дней без еды и, не видя иного выхода, возвратились в крепость. Их тут же расстреляли.

Осенью все чаще и чаще до нас доходили слухи о предстоящем удалении евреев из крепости. Что это означало, никому не надо было объяснять. На явные признаки приближающейся развязки люди реагировали по-разному. Одни – равнодушно: будь что будет! Другие, решив не отдаваться живыми в руки палачей, обзаводились ядом. Были и такие,

кто, припасая съестное, устраивал «малины» в городских развалинах и заброшенных домах. А часть нашей молодежи сумела к тому времени раздобыть оружие с намерением все-таки добраться до партизан.

Беспокойство особенно возросло во второй половине октября 1943 года. Тревога витала в воздухе. По ночам молодежь выставляла «разведчиков», дабы в случае чего всех разбудить, и тогда уж пусть каждый поступает по своему разумению.

На рассвете 28-го числа я спросонья услышал крики: «Евреи, вставайте! Скорее вставайте! Вставайте! За нами приехали!!!» Кто успел, спустился со второго этажа по деревянной лестнице. Но ее вскоре перекрыли, и люди прыгали из окон.

Еще до того, как полицейские приказали всем выйти во двор на построение, начались самоубийства. Доктор Гриша Гольдман принял цианистый калий и перерезал себе

вены. Таким же способом покончила с собой и его сестра Сима. Один из наших, Шура Апешкин, повесился. Особый случай произошел с Бенци Шафиром. Он заранее условился с женой – расстаться с жизнью всей семьей. В то утро они поднялись на чердак, взяв с собой малолетнего сына и еще какую-то девушку (по ее просьбе). Но Бенци сделал только три выстрела из пистолета, а четвертый, в самого себя, – не смог, рука не поднялась... Он спасся, пережил Катастрофу и, по слухам, после войны эмигрировал в Америку.

...В том, что 28 октября 1943 года проводилась окончательная акция – в однозначном понимании нацистами этого слова, – не было ни у кого даже тени сомнения. Однако действительные события никто не предвидел. Они стали полнейшей неожиданностью. Покинув крепость, колонна обреченно двинулась под конвоем в последний путь, но, когда она прибыла на место, люди с удивлением увидели железнодорожный состав наготове. Всех затолкали в вагоны для скота и повезли, как потом оказалось, в Ригу. А там – концлагерь Кайзервалд, в дальнейшем – Штуттгоф на территории Польши, Бухенвальд в Германии и прочие лагеря, в жернова которых попали уцелевшие евреи Даугавпилса. Но это – отдельная история.

Папу моего не увели из крепости. Ему удалось с несколькими знакомыми выйти в город и укрыться в одной из «малин». По рассказам свидетелей, он горевал по мне, предполагая, что я погиб. Группа довольно долго отсиживалась в своем убежище, пока ее не обнаружили и не отправили вслед за остальными евреями в Ригу. Больше о папе я ничего не слышал.

УТАААА ТЕЕОАА

О своем побеге со всеми его приключениями помню до мельчайших подробностей. Когда «разведчики» разбудили нас криками «Вставайте!», я мигом оделся и бросился с расстегнутыми пуговицами и в незашнурованных ботинках к деревянной лестнице. По ней навстречу уже поднимался один из полицейских, но я каким-то образом увернулся от него и ринулся во двор.

Я знал, что в соседнем пустующем доме окно на первом этаже не закрывалось изнутри, и залез в него, а затем выбрался на прилегающую улицу. Здесь уже находилось несколько парней, подходили другие. И когда кто-то предупредил, что нас окружает полиция, мы поспешили к ближайшим, западным воротам крепости. Но они были заперты. Нам пришлось карабкаться на крепостной вал и прыгать с наружной отвесной стены на дно защитного рва.

После удачного приземления мы первым делом спорили желтые звезды с одежды и выдернули остатки ниток. Потом все, кроме меня, разорвали на мелкие клочки немецкие шайны, – картонные карточки красного цвета с указанием фамилии, даты рождения и т. д. Я почему-то сохранил свое свидетельство, только оторвал в нем уголок со словами «der Jude» (еврей). Эта ошибка могла стоить мне жизни.

Парни постарше, имевшие при себе оружие, сочли меня и еще одного подростка, Носю Гельфанда, недостаточно взрослыми, чтобы уходить вместе с ними. Мне тогда было четырнадцать лет, а Носе – пятнадцать, может, даже чуть больше. «Вы, мальчики, будете нам в тягость, – сказали нам напрямик. – Надо вам отделиться, ничего не поделаешь...»

Оставшись вдвоем, мы стали думать, куда бы податься. Нося предложил – в Краславу, его родной город. Почему именно туда? Что нас там ожидает? А впрочем, не все ли равно? В Краславу так в Краславу – лишь бы поскорее да подальше отсюда.

Нам предстояло одолеть более сорока километров. Поначалу, чтобы не привлекать к себе внимания, вышли на берег Даугавы и продвигались вдоль нее вверх по течению. Но

река то и дело кружила, к тому же приходилось огибать всякие преграды, что утомляло и занимало много времени. Поэтому решили – была не была – идти большаком. Желая отвести от себя подозрения полицейских и немцев, мы при встречах с ними притворно шутили, смеялись или, наоборот, принимались спорить о чем-то, даже ругаться. Я при этом старался говорить погромче, поскольку у меня не было выраженного еврейского акцента.

Мы прошли уже больше двадцати пяти километров, когда увидели у дороги дом с почему-то открытыми настежь дверями. Нас потянуло посмотреть, что там, но, заглянув внутрь, мы отпрянули. На стене висел портрет Гитлера, а на вешалке – немецкая шинель. Отойдя подальше, мы начали обсуждать, стоит ли вообще продолжать путь в Краславу. Сомнения появились, во-первых, потому, что мы могли не успеть до наступления комендантского часа, а во-вторых, из опасения, что на подступах к городу расположены полицейские посты. Мы не придумали ничего лучше, чем... вернуться в Даугавпилс, чтобы переночевать где-нибудь в развалинах, ну а дальше – видно будет. И двинулись обратно тем же большаком.

У меня возникла проблема: натер ноги. Да так сильно, что я ковылял, преодолевая боль, и плелся позади Носи, а он часто останавливался, поджидая меня. Попробовал разуться, но идти босиком было совсем невозможно. На обеих ногах вздулись большие волдыри. С трудом удалось снова надеть ботинки.

Окраины Даугавпилса мы достигли уже в сумерках. В районе, называемом «Новые строения», было немало домов, сгоревших в начале войны. В одном из них отыскивали ход в неглубокое подполье и, спустившись в него, на ощупь нашли каменную плиту. Уселись, опираясь друг на друга. Нам очень хотелось спать. Но всю ночь, длившуюся бесконечно долго, мы дрожали от холода и сырости, зуб на зуб не попадал. Когда наконец настало утро, вышли, стряхивая гарь, на улицу. И опять перед нами встал вопрос: куда же теперь? Побрели к единственному пешеходному мосту через Даугаву. А там – проверка документов! Пошли, не оглядываясь. И с уже испытанной напускной веселостью благополучно миновали контроль. Никто нас не окликнул. Пронесло!

Второй день мы металась с места на место, меняли дороги, шли бесцельно, в никуда. Как и вчера, я, хромя на обе ноги, еле тащился за Носей. В двух-трех километрах от моста – поселок. Надеюсь утолить голод, стучимся в первый попавшийся дом. У женщины, которая открыла нам дверь, просим чем-нибудь накормить. В ответ на вопрос, кто мы такие, говорим наобум: «Беженцы из России». Эти слова, впервые произнесенные здесь, прочно прилипли ко мне отныне. Женщина дала по куску хлеба, сочувственно повздыхала и выпроводила нас.

**À ÍÀÌ ÒÛ ÓÆÁ ÐÁÍÌ, ÑËÛÓÍ Û ÈÕ ÁÍËÍÑÁ, Í ÕËÓÁÁ-ÒÌ ÁÍÍ Í ÑËÒÑÐ ÆËËÍ Í ÛË
Í ÐÁÐÛÁËÑÒÛË ÑÁËÑÒÌË.**

**Ð ÁÍÐ ÑÛ ÁÆÁ ÕÆËÍ ÕÍ ÓÛÑÐ. Í ÁÍ Ð ÈÛ ÓÒ, ÐÁÑÍ ÐÁ ÕËÁÐ Ò Í ÐÍ ÕÍ ÆËË, Í Í
Í ÈËÒÍ Í Á ÁÍÁÛÁÐ ÕÑÐ ÇÁÆËÍ ÓÛÁ ÓÁÍ ÐÍ ÓÐ.**

Нося нервничает, теряет самообладание. Он не может простить себе, что вчера так и не дошел до Краславы, сдался, струсил вместе со мною. Чем больше он рассуждает об этом, тем сильнее становится его желание снова идти туда! Я отчаянно отговариваю его, но он не слушает меня. И тогда я прибегаю к последнему доводу: «А как же мост? Ты уверен, что еще раз удастся его проскочить?» Наш спор прерывает оглушительный скрежет: по дороге проносится грузовик с солдатами. Непонятно, почему это вызывает оживление у моего товарища. Оказывается, машина – из крепости, с того склада, где Нося работал. Он убежден, что машина отправилась сейчас на погрузку и скоро поедет назад. А водят ее два шофера – немец или его сменщик, русский военнопленный. Если сегодня за рулем русский, то уж он наверняка поможет перебраться через мост...

В течение следующего часа возник еще один план. Неподалеку от нас возвышалась железнодорожная колея, на которой стоял товарный поезд. А вдруг он пойдет на фронт?

– Давай заберемся в какой-нибудь вагон! – предлагаю я.

Нося не возражает. Но как только мы поднялись на насыпь, раздался окрик «Halt!», и мы едва успели ретироваться. В одном из дворов поселка увидели стог соломы под навесом. Обоим хотелось в него зарыться, отдохнуть. Нас клонило ко сну.

Мы как раз пересекали дорогу, когда услышали скрежещущие звуки «нашего» грузовика. Вот он уже на виду, и Нося напряженно всматривается, кто там за ветровым стеклом. Грузовик неожиданно тормозит прямо перед нами. В кузове громоздится мебель, на ней – солдаты. А из кабины выскакивают два немца, один из которых, водитель, узнал Носю!

– Как вы, евреи, тут оказались? – орет он. – Вы удрали!

Нося бросился что было сил бежать вперед, по ходу движения машины, я – назад... Вернее, я шел, бежать не мог, и, оборачиваясь, видел, как оба немца погнались за Носей и схватили его. Так он исчез навсегда...

А немцы кричали мне, приказывая немедленно вернуться. До них было метров сто. Куда деваться? Почти у самой дороги я вдруг обратил внимание на забор, чуть приподнятый над землей, и ползком протиснулся под ним в чей-то двор. Все это было на виду у немцев. Хотя они, возможно, не видели, где я притаился. Меня прикрывал редкий кустарник. Солдаты, спрыгнувшие с кузова, кинулись в мою сторону. Но в те считанные секунды, пока они приближались, я успел юркнуть в дощатую уборную, стоявшую во дворе напротив небольшого дома, и заперся на крючок. Вспомнив, каким способом спасались некоторые узники гетто, я попытался пролезть в отверстие деревянного стульчака. Но ватные штаны не пускали меня (окажись я в выгребной яме, страшно подумать, что бы со мной было!).

А немцы уже рядом, слышны их голоса, откуда-то доносится длинный прерывистый свисток. Я боюсь шелохнуться. Меня ищут, спрашивают прохожих, но никто не догадывается заглянуть в уборную. Потом все стихает. Только скрежет удаляющегося грузовика оглашает окрестность. А я еще долго не смею двинуться с места и, когда решаюсь все же покинуть свое укрытие, нахожу другое: залегаю в канаве, присыпав себя опавшими листьями. Лишь пару часов спустя я поднялся и пошел...

Ранняя ночь на исходе осени, вторая после побега из крепости, застала меня в перелеске. Я сидел на подстилке из хвороста, прислонясь к дереву. Меня колотило от пронизывающего холода. Едва дотерпев до рассвета, я еще выждал, пока станет совсем светло, и только тогда вышел на новую, незнакомую дорогу. Крестьянин, ехавший на телеге, попутно меня немного подвез. От него я узнал о близко пролегающей границе с Литвой.

Ÿ Ÿ Ā Ī Ć Đ Ē Ō Ā Ē Ÿ Ī Ā Ć N Ī Ā N Ÿ Ē Đ Ī Ā Ā Ē

Мои скитания кончились у железнодорожной станции Курцумс. Я спросил человека, возившегося возле дома по хозяйству, как пройти к литовской границе. Он указал на дорогу, поднимающуюся в гору, назвал ориентир – усадьбу старосты, объяснил, куда повернуть за нею. Затем спокойно, как бы вскользь обронил:

– А известно ли тебе, что, встретив чужого в наших краях, мы должны сообщить о нем?.. Партизаны появились...

Впрочем, мой собеседник выглядел незлобивым. Он даже вынес мне горбушку хлеба на прощание...

Что-то в пути заставило меня оглянуться назад. Я увидел немецких солдат на велосипедах с несущимися рядом собаками. Несмотря на чувство опасности, я все же надеялся, что это не погоня за мной. Да мало ли зачем и куда они едут! Солдаты опередили меня, спешили и преградили дорогу, сдерживая на поводках собак. Я услышал одно только слово: «Dokumente!» Но оно прозвучало так неожиданно, что я, не успев опомниться, протянул припрятанный шайн – ту самую красную карточку из картона с оторванным уголком. И только теперь до меня дошло: что я наделал! Как это я не сообразил, насколько легко выяснить, кем и кому выдано свидетельство с отсутствующим словом «еврей»! Тем более что в нем записана моя настоящая фамилия.

Меня доставили в расположение части, завели в квартиру, начали допрашивать. Изъяснялся я на ломаном немецком, как принято было среди населения в годы оккупации. Выдал себя за беженца, отставшего от поезда. Немец в чине фельдфебеля велел мне лечь на кушетку, схватил полено, лежавшее возле печки, и занес его над моей головой. «Будешь говорить правду?!» Мелькнула мысль, что сейчас у меня – единственный шанс попытаться исправить свою роковую оплошность. И я ответил: «Скажу... Скажу всю правду, только не бейте...» А «правда» состояла в том, что предъявленное свидетельство якобы – вовсе не мое и найдено совершенно случайно. После короткого поверхностного допроса составили протокол, который, должно быть, отражал обстоятельства моего задержания.

Штаб пограничных частей, куда меня отправили с конвоиром, располагался в городке Земгале неподалеку от Курцумса. Солдат дал мне вести его велосипед, а сам следовал позади. В любом случае, думал я, меня разоблачили бы даже и без такой улики, как шайн. Сознывая полную безнадежность своего положения, я не мог с этим смириться. И мною овладел неудержимый порыв – бежать! Прямо сейчас! Теряя чувство реальности и контроль над собой, я лихорадочно выбирал момент... Мы шли по холмистой проселочной дороге. И когда оказались на очередном пригорке, я нажал ногой на педаль велосипеда и уже собирался перебросить вторую ногу через седло, как в тот же миг немец вцепился в багажник. Он даже рассмеялся:

– Я бы тебя за двести метров достал!

И, щелкнув затвором, дальше повел меня уже под ружьем. По дороге я вспомнил про мальчишеские сувениры в одном из моих карманов и незаметно избавился от красноармейской звездочки и зажима от пионерского галстука.

В штабе мне учинили основательный допрос с помощью переводчика. У меня, конечно, не было заготовленной легенды, кроме байки о беженце из России. Все придумывал на ходу. Вопросы задавал немецкий гауптман, а я отвечал почти без запинки. Говорил, что взбредет в голову. Счет шел на секунды. Фамилия? Островский. Имя? Иван. Постоянное местожительство? Город... Брянск. Национальность? Я едва справился с замешательством, но все же уверенно ответил: мать – русская, отец – татарин.

Необходимое пояснение. Мне было известно, что татары являются мусульманами, а те делают мальчикам обрезание. Но вот незадача: я в жизни не видел татар и понятия не имел об их внешности. Для того, чтобы как-то «оправдать» свои черные волосы и брови, я добавил на допросе, что бабушка моя была... цыганкой. Совершенно не ведая о том, что и цыгане преследуются нацистами!

В итоге я представился Иваном Островским, жителем Брянска, сыном русской матери и отца-татарина, а также внуком цыганки. Такое мог наворотить разве что подросток в моем тогдашнем состоянии. Но нужно было еще и хорошо запомнить все то, что я о себе

говорил и, значит, было зафиксировано в документах. Это обстоятельство еще сыграет со мною злую шутку...

Гауптман после допроса подошел ко мне и, хитро прищурившись, изрек:

– Also hast du drei Blüten Gemisch? Aber sag mal die Wahrheit: bist du kein Icik? (Так что же, у тебя смесь трех кровей? Но скажи-ка правду: ты не Ицик?).

Вскоре напугал меня другой случай. При штабе служили не только немцы, но и украинцы. Один из них обратился ко мне:

– Ты из Брянска, что ли?

Я подтвердил.

– Так твой земляк ищет тебя, – сказал он, – желает поговорить.

Мне только этого не хватало! Аж сердце оборвалось. Но тут меня позвали в медпункт перевязывать ноги. Со своим «земляком» я так и не встретился.

С вечера я находился под присмотром дежурного унтер-офицера в отдельной комнате. Сюда заходили и другие немцы. Из разговоров я уловил, что утренним поездом меня отвезут в Даугавпилс и передадут в Sicherheitspolizei, то есть в гестапо (а гестапо – составная часть полиции безопасности). О том, что меня ожидало, нетрудно было догадаться. Это – конец.

...Дежурный отпустил меня в туалет. В коридоре я кинулся к входной двери, а она – на замке. Как же так?! Еще недавно была открыта... Через какое-то время я опять симулировал расстройство желудка. Все повторилось в той же последовательности. Я и третий раз получил разрешение выйти. Но теперь, когда отчаянно рванул дверь, она отворилась и я... уткнулся в дуло винтовки. Так немцы «пошутили» надо мной. А унтер-офицер сказал своему сослуживцу, что я, безусловно, еврей, а евреи все очень хитрые!..

Дальше произошло нечто совсем уже непонятное. Оставшись со мной наедине, мой страж тихо произнес на... идише:

– Их вейс, ду бист а клюгер ингл (Я знаю, ты умный мальчик).

И отвернулся. Слова эти навсегда врезались в мою память, и я по сей день теряюсь в догадках, что скрывалось за ними. Я также не знаю, сыграл ли тот унтер-офицер какую-либо роль в моей дальнейшей судьбе.

À ÁÀÑÒÀÏ Î - Î ÎÀ ÁÁÔÏ В ÔÀÏ ÈÈÈÈÌ È

Поезд отошел от станции Земгале еще затемно. Меня конвоировал рослый молодой солдат. Хотя в пути были недолго, поездка запомнилась тем, что солдат пресек мою попытку выпрыгнуть из вагона на ходу. В Даугавпилс прибыли рано утром. От вокзала шли по пустынной Рижской улице. А когда дошли до Аллейной, я пустился наутек! Солдат не мог догнать меня и кричал: «Ich schiese!» («Стреляю!») Тогда я начал бежать зигзагом. Свернул с Аллейной улицы на Саулес и еще успел пробежать до конца квартала, но два немецких офицера, шедших навстречу, бросились мне наперерез. После поимки солдат не отпускал мою руку, сжав ее, как клещами.

Он доставил меня поначалу в СД – службу безопасности. Она размещалась в центре города, напротив сквера «Тарелочка». Здесь вскрыли конверт с сопроводительными документами. Эсэсовец, просматривавший бумаги, заметил, что в протоколе говорится о некоем шайне, изъятом у задержанного. Где же он, указанный шайн?! Почему его не

приложили?! Конвоир немедленно связался по телефону со своим штабом. Что ему там сказали, не знаю, но шайн так и не нашелся! Невозможно объяснить, как немцы с их педантичностью допустили такое. Для меня это было ниспосланным Б-гом чудом. Одним из многих чудес, спасавших меня всякий раз, когда моя жизнь висела на волоске.

При чтении сопроводительных документов неоднократно упоминалась фамилия Орлов. То ли я не расслышал, о чем шла речь, то ли не понял, но я растерялся. Меня охватило беспокойство: неужели перепутал фамилию? Вроде бы я назвал себя Островским?.. Или... может быть, все-таки Орловым? Никак не мог вспомнить. Сбился с толку. Но, преодолев колебания, решил, что раз в протоколе значится Орлов, то это и есть «моя» фамилия. В действительности же она принадлежала человеку, который вчера угостил меня горбушкой хлеба и тотчас донес на меня немцам у железнодорожной станции Курцумс. Но об этом я узнал гораздо позднее. А тогда, находясь в СД, стал зубрить в уме: Орлов, Орлов, Орлов... Брянск, Брянск, Брянск... Орлов, Орлов...

До Sicherheitspolizei, куда вскоре повел меня конвоир, было минут пять ходьбы. У дверей стоял на посту эсэсовец, рядом – мужчина в кожаном пальто. Так я оказался лицом к лицу с Совером, тем самым, чье появление наводило страх на обитателей даугавпилсского гетто. Конвоир передал ему конверт и предупредил, что я несколько раз пытался бежать. Совер улыбнулся в ответ:

– Haben Sie keine Angst, von unsere Haende kommt niemand weg! (Не бойтесь, из наших рук никто не уходит!). Внутри здания меня обыскали, вывернув все карманы. Потом завели в большую комнату и усадили среди многих пойманных беглецов-военнопленных. Они занимали длинные скамьи, расставленные вдоль стен. Любые разговоры пресекались окриком надзирателя: «Молчать!» Но когда он поворачивался спиной, все же можно было шепотом переброситься отдельными словами. Сосед спросил меня: «Откуда ты?»

Я ответил, что из Брянска. Он прошептал:

– Знаю, бывал там не раз.

Я – с мольбой попросил:

– Пожалуйста, расскажите мне хоть что-нибудь о Брянске!

Пленный взглянул на меня с удивлением и все понял. Ему удалось урывками сообщить мне, что Брянск стоит на Десне, что там имеется крупный вагоностроительный завод и что вокруг – сплошные леса. С тех пор, признаться, я больше ничего не знаю об этом городе.

Водворяя меня в подвальную камеру, эсэсовцы записали с моих слов фамилию – Орлов. Мог ли я предположить, какая в связи с этим возникнет забавная ситуация! В Sicherheitspolizei как бы исчез задержанный. Согласно документам, сюда был доставлен Островский, но ни в одной камере он не числится. Зато в журнале учета заключенных фигурирует невесть откуда взявшийся Орлов. Надо мной в который раз нависла угроза разоблачения.

Я оказался вторым в крохотной камере. Меня подселили к некоему железнодорожнику по фамилии Лейманис, арестованному в связи с аварией поезда. Усевшись на койке, я поспешил снять с себя кожаный ремень и булавкой нацарапал на нем два слова: «Орлов» и «Брянск».

– Что ты там пишешь? – заинтересовался железнодорожник.

– Фамилию, – сказал я, – чтобы пометить свои вещи, – ведь в тюрьму скоро отправят.

– Какая еще тебе тюрьма! Ты вылитый жид! Кокнут тебя, и все...

Через пару часов была проверка. Двое надзирателей сличили фамилии по журналу. Один из них, просто так, для порядка, с размаху ударил меня кулаком по голове. Я не удержался на ногах. В тот же день меня почему-то перевели в карцер – сырое, крошечное, темное помещение, но потом столь же неожиданно возвратили на прежнее место, к Лейманису.

Как-то утром я услышал в подвале голоса. Вызывали: «Островский! Островский!» Ко мне моментально вернулась память – это меня разыскивают! Когда фамилия прозвучала за нашей дверью, мой сокамерник откликнулся: «Нет у нас такого!» Но я закричал: «Есть! Есть! Я! Я Островский!» Железнодорожник аж рот открыл от недоумения...

И вот я снова на допросе. Мне приказывают снять шапку, надвинутую так, чтобы прикрыть «подозрительные» брови. Стараюсь вести себя непринужденно. Рассказываю «свою» биографию, обрастающую всякими подробностями. Мол, отец мой умер, когда я был ребенком, мать всегда работала прачкой и в последние годы стирала белье «для немецкой зенитной батареи». Говорю и о том, как нас эвакуировали, и про поезд с беженцами, от которого я отстал где-то в этих краях. Лишь один вопрос поставил меня в тупик – адрес проживания

в Брянске.

– У лесника Алехина! – выпалил я, не найдя лучшего ответа.

– Нет, адрес! Как называлась улица? Какой номер дома, квартиры? – допытывался человек в форме СС в присутствии другого чина полиции.

А я все твердил свое, прикидываясь не понимающим, чего от меня хотят, и даже стал описывать, как выглядит дом Алехина на опушке леса... Так и не добившись внятного ответа, следователь оставил меня в покое и сел печатать что-то на машинке. Он отдал бумагу одному из эсэсовцев, а тот велел мне идти с ним. Мы вышли в город, на свежий воздух. Было пасмурно, прохладно...

Как долго я находился в Sicherheits-polizei? Представление о времени, проведенном в подвале, стерлось начисто. Но у меня сохранились документы (о чем речь еще впереди). И по ним я определил точные даты. Оказывается, мое пребывание в полиции безопасности длилось ровно сутки. Всего-навсего...

Прибыв с эсэсовцем к месту назначения, я глазам своим не поверил. Мы переступили порог биржи труда (Arbeitsamt). Эсэсовец быстро уладил формальности и удалился.

В моих руках – официальное письмо от 2 ноября 1943 года. На бланке с надписью «Der Kommandeur der Sicherheitspolizei u. d. S.D. Lettland» («Командир полиции безопасности и СД Латвии») напечатано несколько строк. Вот перевод с сохранением стиля:

«Изначально – на биржу труда. Письмо направляется одновременно с препровождаемым Островским. Сведений о нем в полиции безопасности и СД до сих пор не было. Розыск не предстоит. Подпись: гауптшарфюрер СС Шеффер».

Случилось невероятное. Документ нежданно-негаданно легализовал мое положение! И какой парадокс: мне надо было попасть в гестапо, чтобы впервые обрести

надежду остаться в живых! Без «помощи» гестапо я пропал бы. Пути Б-га и впрямь неисповедимы.

ЇЇЇЇЇЇЇЇ x ОАААА

На бирже труда мне был задан вопрос: «Где ты хочешь работать – в городе или деревне?» Надо ли говорить, что я выбрал деревню.

– Тогда, может быть, поедешь на хутор к моему отцу? – спросил чиновник.

– Конечно, поеду! Я согласен!

– В таком случае будем знакомы: моя фамилия Маскалан.

Чиновник созвонился с отцом и выписал направление от биржи труда (так у меня появился второй официальный документ!). Ночевал я в его квартире на улице Виестурас. А на следующий день он купил мне билет и проводил к поезду. На станции Ваболе меня ожидала подвода...

Маскалан-старший, владевший довольно большими угодьями, имел уже двух работников и желал обзавестись еще одним. Но ему нужен был взрослый, крепкий мужчина. Поэтому он сразу уступил меня крестьянину Иерониму Лаздану из деревни Зелтенева. В его хозяйстве я помогал кормить скот, чистить хлев, трепать лен, носил воду из колодца, топил печи, ездил в лес за хворостом.

Через месяц меня вызвали в полицейский участок Калупской волости, чтобы получить специальное удостоверение с пометкой: «Только для военных беженцев с территорий СССР». И тут со мной произошел конфуз. Я не знал, что ответить на простой вопрос: к какой области относится Брянск? Сказал: «К Калининской», – лишь потому, что оттуда понаехало много беженцев. На мое счастье, в полиции не нашлось сведущих в географии. Мне выдали удостоверение № 3091 с моими отпечатками пальцев, в котором так и записано на латышском языке: «Место рождения – город Брянск Калининской области». Документ датирован 9 декабря 1943 года.

Мне пришлось сменить и второго хозяина. Из девяти месяцев моего существования под вымышленной фамилией я полгода провел в деревне Кейши – у Андрея Мукана. Он да жена и дочь с маленьким ребенком – вся его семья, если не считать сына, служившего в дивизии вафен-СС. Муканы были мною довольны. У них я прижился. Привык к тому, что звали меня то Иваном или Ваней, то на латышский манер – Янкой. Усердно занимаясь разными подсобными работами, я также старался примелькаться на людях, дабы никто не подумал, что я чего-то опасаюсь, отсиживаюсь на хуторе. Не избегал соседей, регистрировался в полиции, покупал продукты по карточкам и т. д.

Ї АЕЇ ОЇ ДУА НЇ ЕАА ОУ, Ї ДЇ ОЇ АВ Ї ЕЇ Ї, Ї Ї ЕА ОУ АА Р ОНБ НЇ НЇ А ОО: «Ї е, æyæoá æÆЕААЇ ЇЕ! Ї Ї ДА ОО! ОЇ ОЕЕЕ! АА ДАЕ x ЕЕ!..»

ОАЕЕЇ Е АУЕЕ Ї АВА ОА НЕТАА, ОНЕУ ОАЇ Ї ОА Ї Ї Ї Е Е С О Н О Ї НАЇ АЇ АЕ ОА ЕАЕ.

Но не все проходило так уж гладко. Иногда меня охватывал страх. Не зная, что я понимаю латышский, хозяева говорили при мне о чем угодно. У них закрались подозрения, когда они слышали, что я во сне разговариваю «не по-русски». Значит, могло быть – только на идише! Теперь, ложась в постель, я боялся заснуть. А бывали иные случаи. Так, однажды наварили пива, пригласили гостей. Один из них, полицейский, долго присматривался ко мне, пока не выдержал:

– А ну-ка скажи «кукуруза»!

Гость отстал от меня лишь после того, как я ублажил его слух отчетливым произнесением требуемого слова.

Быстро летели дни и месяцы. Наступила весна 1944 года. Я учился пахать землю, рыхлить ее бороной, сеять зерновые... А с приходом лета распространились слухи о стремительном приближении фронта к границам Латвии. Я затаив дыхание прислушивался к разговорам о поражениях гитлеровских войск. Вдруг на мое имя прибыла повестка от волостного старосты. В ней сообщалось, что я мобилизован на рытье окопов в Даугавпилсе. Двадцатого июня ровно в семь утра надлежало явиться к дому правления волости, взяв с собой постельные принадлежности. За неявку, предупреждала повестка, «грозит наказание по законам военного времени».

Казалось, рушились все надежды. В городе опасность подстерегала меня на каждом шагу.

– Раз есть приказ, Ваня, я не имею права держать тебя, – сказал хозяин...

Была у меня единственная зацепка – просить о помощи у Маскалана из биржи труда, пославшего меня работать к его отцу. Но я смекнул сперва пойти к врачу с жалобой на боль в руке. Он прописал мне какую-то мазь для втирания. Прихватив рецепт, я отправился в Даугавпилс искать знакомого чиновника.

По пути на одной из главных улиц города увидел вывеску «ГЕБИЕТСКОМИССАР». Не разберусь, что толкнуло меня на безрассудный поступок – войти в приемную высокопоставленного нациста. Но все обернулось сказкой. Вынув из кармана рецепт врача, я обратился к сидевшей за столом женщине. Она благосклонно выслушала меня и... напечатала ходатайство в Управление труда за своей подписью – референта гебитскомиссара. Больше я не хотел рисковать. На радостях позабыл про Маскалана, не отнес ходатайство по адресу, а вернулся в деревню Кейши. Хозяин мой, Андрей Мукан, по слогам прочитал бумажку и махнул рукой: «Ладно, оставайся».

Тем временем из армии дезертировал сын Муканов, Антон. Завидев немцев или полицейских, он с пистолетом и я заодно бежали прятаться на сеновал. А во второй половине июля уже доносились глухие отзвуки канонады. Поговаривали, что красные взяли городок Вишки километрах в двадцати от нас. Гул все нарастал, орудия ухали уже из соседнего леса.

И вот однажды в поле показались два советских конных разведчика. Потом стало необыкновенно тихо. Ни немцев вокруг, ни русских. Деревня Кейши могла еще не раз переходить из рук в руки, но я больше не в силах сдерживать себя и объявляю хозяевам, что я еврей, что никакой я не Иван Островский, что я вовсе не из Брянска, а из Даугавпилса и все такое прочее...

А 27 июля 1944 года я стою на обочине дороги, по которой нестройно шагает колонна советских пехотинцев, усталых, с заломленными пилотками, в пыльных, потрепанных гимнастерках. Они на войне. А я уже на свободе! Я вижу их своими глазами – и не могу насмотреться. Но к чувствам, которые переполняют меня, совсем некстати примешивается то ли обида, то ли удивление. Некоторые солдаты, проходя мимо, покатываются со смеху:

– Ой, смотрите, жиденок! Мордух! Шмулик! Еврейчик!..

Таковыми были первые слова, услышанные мной из уст освободителей. Что я могу сказать? Так было. Из песни слов не выкинешь...

Ἰἰἰἰ ὀἰἰἰ ἑ ἰἰἰἰ ἁἁἁἁ ἑδ Ἰ ἰἰ ἁἁ ἰἰἰἰ

ДРУГАЯ ЖИЗНЬ ХОЗЕНФЕЛЬДА

Ī ȲĒĀĪ ĒŅŌĀ Ē ĀĎŌĀĒŌ NĪ ĀNĀĪ Ī ŪŌ ĒĀĪ ĒŌĀĪ ĪĪ ĀĀĎĀŌŌĀ

Āāāū ēē Āāđēīāē:

Ī ȲĒĀĪ ĒŅŌ

НОКТЮРН СИ-БЕМОЛЬ

Перед второй мировой войной жил в Варшаве молодой пианист Владислав Шпильман. В начале тридцатых годов он изучал композицию в берлинской Академии искусств. В 1933-м, когда к власти в Германии пришли нацисты, музыкант вернулся в Варшаву и стал работать на польском радио. Довольно быстро Шпильман приобрел известность в своей стране. Он сочинял музыку для кинофильмов, написал немало популярных песен, выступал в концертах вместе с крупными музыкантами.

Его последнее выступление на радио состоялось 23 сентября 1939 года. Он играл шопеновский ноктюрн си-бемоль. Немецкие войска стояли у ворот Варшавы.

От грохота разрывов пианист порой не слышал своего инструмента, – концерт пришлось прервать. В тот же день вещание варшавского радио полностью прекратилось, а еще через четыре дня немцы вошли в польскую столицу.

Доиграть ноктюрн Шпильман смог только через долгие шесть лет. Но до этого ему все же пришлось один раз сесть за рояль. Правда, случилось это при очень необычных обстоятельствах.

DĪ BĒŪ Ī Ā ĄĀĎĪ ŌĀĪ Ī Ī Ē ĀĒĒĒĀ

Еврейское гетто появилось в Варшаве в 1940 году. Улица Слизка, на которой жили Шпильманы, оказалась в центре гетто. В июле 1942 года родителей, брата и двух сестер Владислава отправили в лагерь смерти Трешлинку, где все они погибли. Его самого спасла популярность: за несколько минут до отхода поезда полицейский узнал музыканта и вытолкнул из рядов обреченных.

Впрочем, самому Владиславу это освобождение казалось лишь временной отсрочкой от гибели: смерть ходила за ним по пятам. Весной 1943 года ему удалось бежать из гетто в польскую часть Варшавы. Буквально спустя несколько дней после его побега, 19 апреля, в гетто вспыхнул мятеж, продолжавшийся почти месяц, до 16 мая. Нацисты с помощью своих польских соратников жестоко расправились с повстанцами и всю территорию гетто сравняли с землей. Шпильман прятался в подвалах, на чердаках, одинаково опасаясь попасться на глаза как оккупантам, так и полякам.

Отряды польской национальной армии – Армии Крайовой под командованием генерала Бор-Комаровского 1 августа 1944 года подняли в Варшаве восстание против фашистских оккупантов. Советские войска стояли на другом берегу Вислы в нескольких десятках километров от города, их разведка все знала. Но они не помогли восставшим: Сталин преследовал свои цели – и делал все, чтобы освобожденная Польша оказалась под советским влиянием...

Варшавское восстание было подавлено 2 октября. Немцы начали планомерно уничтожать польскую столицу. Родной город Шпильмана на его глазах становился мертвым. Наступающие морозы оставляли мало шансов выжить бездомному человеку. Найти не только еду, но и надежное укрытие становилось все труднее. Затравленный пианист долго скитался по развалинам. В конце концов, отыскав какую-то заброшенную виллу, Владислав спрятался там на чердаке. Однажды он, ослабев от голода, спустился на кухню в надежде найти что-нибудь съестное, и в этот момент его кто-то громко окликнул. Обернувшись, Шпильман увидел у двери высокого немецкого офицера. Последние силы оставили музыканта, он опустился на стул и прошептал: «Делайте со мной что хотите».

Реакция офицера была неожиданной. Он сказал, что не хочет причинять незнакомцу зла, и поинтересовался, кто тот по профессии. Владислав ответил: пианист. И тогда немец попросил сыграть что-нибудь на рояле, который стоял в соседней комнате. Выбора не было, Шпильман понял, что сейчас от его игры зависит его жизнь. Когда он подошел к инструменту, руки дрожали. Он несколько лет не играл, пальцы были грязные, ногти давно не стрижены. Он выбрал тот же ноктюрн си-бемоль Шопена, который играл в осажденной Варшаве. Офицер слушал молча. Казалось, прошла вечность, пока он заговорил:

– Вам нельзя здесь оставаться, скоро сюда въедет немецкий штаб.

Шпильман ответил, что не может уйти.

– Вы – еврей? – догадался офицер. – Это, конечно, меняет дело.

ΝΟΒΑΪ Γ Ο Ε ΕΑΪ ΕΘΑΪ

Случайная встреча музыканта и капитана резерва, как официально назывался чин того офицера, оказалась для Шпильмана спасительной. Капитан попросил показать убежище на чердаке, внимательно все осмотрел. И – остался недовольным тем, что увидел: уж очень ненадежно! Тогда он предложил Шпильману новое укрытие, которое раньше тот и не видел: над чердаком, под самым коньком крыши, лежали доски так, что на них вполне мог уместиться человек. Снизу это место почти невозможно было заметить. Они разыскали в доме лестницу, которую можно было затаскивать с собой наверх.

Пообещав в следующий раз принести еды, капитан собрался уходить. Только тогда Шпильман осмелился спросить:

– Вы немец?

Казалось, вопрос рассердил офицера. Он покраснел и почти крикнул:

– Да, я немец! И мне стыдно за все, что происходит. – Резким движением он протянул музыканту руку и ушел.

Через три дня капитан появился снова. На сей раз он принес еду и теплые вещи, в том числе – зимнюю офицерскую шинель. Для Шпильмана потянулись томительные недели, которые он проводил в темноте своего убежища. Под ним жил своей жизнью немецкий штаб, здание охраняли часовые. Но никто, к счастью, его укрытия не замечал. Последний раз капитан пришел поздним вечером 12 декабря 1944 года. Он принес большой пакет с едой и теплое одеяло. Сказал, что вместе со своей частью покидает Варшаву, и пожелал музыканту еще немного терпения: русские войска уже близко, война должна закончиться не позже весны.

Они уже попрощались, когда Шпильман вдруг решился назвать себя. Раньше просто не было подходящего случая, ведь офицер не задавал лишних вопросов.

– Никто не знает, как сложатся наши судьбы, – сказал музыкант. – Может быть, я останусь живым и тогда снова буду работать на радио. Запомните мое имя: Шпильман, польское радио. Если я смогу чем-то вам помочь, рассчитывайте на меня.

Капитан ничего не ответил, но было заметно, что предложение ему приятно. Пожав пианисту руку, он ушел в ночь.

*ÇA ÊTÊP *ÂÉ Ĩ DĪÂĪÊĪÊĪÊ*

Сразу после войны Владислав Шпильман написал книгу воспоминаний, вышедшую в Польше в 1946 году. Она называлась «Смерть одного города». Власти долго не давали разрешения на издание, даже заставили назвать немецкого офицера австрийцем: в то время нельзя было говорить о «хороших немцах». Но и выйдя из печати, книга прожила недолго: очень скоро она была изъята из продажи и из библиотек и – фактически запрещена. Вновь воспоминания музыканта увидели свет только через пятьдесят лет: в Германии был опубликован немецкий перевод под названием «Чудесное избавление»^[1]. А сама история Владислава Шпильмана стала широко известной спустя более полувека после его скитаний и чудесного спасения – благодаря фильму Романа Поланского «Пианист», сценарий которого написан на основе этой книги. Фильм был удостоен «Золотой пальмовой ветви» на Каннском кинофестивале 2002 года и «Оскара» в 2003-м.

Когда Шпильман писал свои заметки, он не знал имени немецкого капитана, который помог ему найти убежище на заброшенной варшавской вилле. Спрашивать было опасно: попади Владислав в руки гестапо, он мог под пытками выдать своего спасителя. В эпилоге автор рассказывает о своем коллеге по польскому радио, скрипаче Зигмунте Ледницком. После отступления немцев Ледницкий вместе с другими беженцами возвращался в родную Варшаву, по пути они увидели временный лагерь для немецких военнопленных, охраняемый советскими солдатами. Оборванный и обросший немецкий офицер с трудом подошел к колючей проволоке и спросил у Ледницкого: не знает ли он пианиста Шпильмана с польского радио? И, услышав утвердительный ответ, прошептал:

– Я немец. Я помог Шпильману, когда он прятался в здании немецкого штаба в Варшаве. Скажите ему, что я здесь. Может быть, теперь он поможет мне.

В этот момент вмешалась охрана лагеря, офицера увели, и Ледницкий так и не услышал его имени. Шпильман узнал об этом всего через несколько дней, но было уже поздно: лагерь куда-то перевели. Тогда сведения о немецких пленниках считались военной тайной, и найти следы офицера так и не удалось.

СПИСОК ХОЗЕНФЕЛЬДА

Почти пять лет Владислав Шпильман ничего не слышал о таинственном офицере. В 1950 году из Польши в Австралию эмигрировал Леон Варм, один из тех евреев, которым Вильм Хозенфельд помог в годы войны избежать гибели. Тогда, в 1943 году, Леону удалось через дырку в полу вагона бежать из поезда, направлявшегося в лагерь смерти Трешлинку. Добравшись до Варшавы, он с помощью своих знакомых разыскал капитана Хозенфельда. И тот снабдил его фальшивыми документами. Но мало того! – еще и принял на работу в спортивный комплекс, которым тогда руководил. Это спасло Леону жизнь.

После войны Варм работал химиком в Варшаве, и собирался эмигрировать – открыть собственную фирму в Австралии. Перед отъездом он решил навестить семью своего спасителя, нашел адрес Хозенфельдов в Германии. И 14 ноября 1950 года постучал в дверь дома, где жила жена Вильма, Анна-Мария, с пятью детьми. От них Леон Варм узнал, что его Вильм – жив и находится в лагере для военнопленных. Оттуда он присылал жене и детям открытки. У Анны-Марии сохранились и другие письма, и дневники мужа²¹. Фрау Хозенфельд показала Леону открытку, отправленную из лагеря 15 июля 1946 года. Она содержала список поляков и евреев, которым ее муж помог спастись во время войны. Под номером четыре стояло имя Владислава Шпильмана, пианиста из Варшавы, работавшего на польском радио.

Вернувшись в Варшаву, Леон Варм разыскал музыканта и сообщил ему имя спасителя. О том, что произошло дальше, Шпильман почти полвека не рассказывал никому. Даже жене и сыну... В 1997 году известный немецкий поэт и бард Вольф Бирман, готовивший немецкое издание книги пианиста, попросил его все же рассказать о попытках что-то сделать для спасения капитана Вильма Хозенфельда.

Владислав Шпильман признался, что до сих пор испытывает боль и стыд за то, что не смог помочь этому человеку. Переборов страх и отвращение, он пришел на прием к самому Якубу Берману – главе польского аналога НКВД, одному из самых могущественных и страшных людей в послевоенной Варшаве. На совести Бермана были тысячи загубленных жизней, но именно в его руках находились судьбы многих людей. Выслушав рассказ музыканта, Берман пообещал помочь, но через три дня сообщил, что ничего сделать не в силах. Его советские коллеги убеждены, что Хозенфельд – опасный преступник, и ни о его освобождении, ни о переводе в Польшу не может быть и речи.

...Бывший капитан резерва Вильм Хозенфельд, кроме Шпильмана спасший еще несколько десятков поляков и евреев, умер в лагере для военнопленных под Сталинградом. Умер он за год до смерти Сталина, в 1952-м. Советские следователи допрашивали его «с пристрастием»: они не могли поверить, что немецкий офицер помогал евреям, и считали его истории прикрытием опытного шпиона. Военный суд в Минске в 1950 году приговорил Хозенфельда к 25 годам лагерей. Из-за побоев Вильм перенес несколько инсультов и в последние годы жизни был похож на запуганного ребенка, плохо понимающего, за что его избивают.

II. ΕΑΪ ΕΘΑΪ

КНИГА ЛЮБВИ

Анна-Мария Хозенфельд, вдова немецкого капитана, спасшего в далеком 1944 году пианиста Владислава Шпильмана на заброшенной варшавской вилле, умерла 18 июня 1971 года. Казалось, с ее смертью исчезла последняя надежда что-то узнать о Вильме Хозенфельде. О том капитане, которого Шпильман назвал «единственным добрым человеком в фашистском мундире».

Но жизнь иногда дарит чудесные неожиданности. В 1998 году дочь Анны-Марии обнаружила на чердаке своего дома большую коробку, в которой ее мать хранила бумаги мужа. Про них давно забыли: считалось, что Анна-Мария перед смертью уничтожила весь архив.

...В коробке было несколько сотен писем Вильма: около шестисот – жене, двести – детям. А еще – открытки из заключения (1946-1952), записные книжки, дневники, которые

Хозенфельд вел в разные годы, начиная еще со времен первой мировой войны. В отдельной папке лежали письма Анны-Марии мужу – более полутысячи за пять военных лет (последнее письмо датировано осенью 1944 года). В одном из писем Вильм называет эту папку «книгой любви», и говорит, что обращается к ней, когда чувствует себя особенно одиноко. Часть переписки опубликована в приложении к книге Шпильмана.

Всю свою совместную жизнь супруги Хозенфельды чувствовали потребность рассказывать друг другу о пережитом, делиться мыслями, наблюдениями и планами. Когда Вильм был далеко от дома, беседу заменяли подробные письма. Осенью 1944 года капитан Хозенфельд отослал домой всю имеющуюся у него переписку, дневники и записные книжки. Он отправил бумаги обычной полевой почтой. И остается загадкой: как его послания не попали в руки военной цензуры? Прочти цензоры в мундирах всего несколько записей из дневников Вильма Хозенфельда 1942-1944 годов, – и этого было бы достаточно, чтобы их автору оказаться в застенках гестапо.

Найденные на чердаке документы позволяют лучше понять, каким человеком был этот странный капитан.

«ОСТАТЬСЯ ЧИСТЫМ И СТАТЬ ЗРЕЛЫМ»

Вильм Хозенфельд родился 2 мая 1895 года в семье учителя в небольшом селе Макенцель в земле Гессен. И был седьмым ребенком, всего же в семье детей было девять. Он много перенял от своего отца, строгого католика: твердую веру, любовь к детям, профессию учителя. Царивший в семье культ доброты и чести сформировал характер будущего педагога.

Большое влияние на мальчика оказали идеи «Перелетных птиц». Это молодежное движение возникло в начале XX века в Берлине и быстро распространилось по всей Германии. Девизом движения стал призыв: «Остаться чистым и стать зрелым!» Называвшие себя «перелетными птицами» подростки и юноши ходили в походы, пели песни, мечтали быстрее повзрослеть, чтобы помогать Родине. Им всем было присуще чувство ответственности перед близкими, друзьями, страной. Они ощущали себя рыцарями, и многие сохранили это чувство до глубокой старости. Движение «Перелетных птиц» было запрещено нацистами, но после крушения третьего рейха обрело новую жизнь.

Не без влияния идей этой организации Вильм Хозенфельд в 1914 году, едва успев получить свидетельство школьного учителя, пошел добровольцем на войну. Что это такое – он хорошо понял, особенно после того как повоевал в 1914–1918 годах на трех фронтах: во Фландрии, в России и в Румынии. Трижды был ранен, в последний раз из-за ранения едва не потерял ногу... Хозенфельд демобилизовался в чине фельдфебеля в 1918 году.

И свою будущую жену он нашел среди «Перелетных птиц». Свадьба с Анной-Марией Круммахер состоялась в 1920 году. Во время первой мировой девушка потеряла своих близких и на всю жизнь возненавидела войну. Уже в 1933 году ее не оставлял страх, что Гитлер приведет Германию к новой бойне.

В период между двумя войнами Вильм работал учителем в деревенской школе. С учениками был добр, участлив и внимателен. Даже когда в школе еще были разрешены телесные наказания, он никогда не бил детей. Отправляясь на занятия, всегда держал в кармане запасной носовой платок – для своих учеников, на всякий случай. Образцом для себя считал великого швейцарского педагога, гуманиста и демократа Песталоцци.

Юношеским идеалам Вильм не изменил и в зрелые годы. Переписка супругов показывает, что он разделял пацифистские взгляды жены. Тем не менее, в 1939 году ответственность перед отечеством заставила уже немолодого учителя и отца пятерых детей вновь взяться за оружие. Когда осенью 1944 года стало ясно, что конец войны близок, польские друзья предлагали ему дезертировать и спрятаться. Однако Вильм не снял офицерского мундира до самого плена, добровольно выбрав путь уготованных ему страданий.

«B I U O A P N U I I I I x U E A E A I I O, E I I O I I A E I I I I I I x U»

В первые же месяцы новой войны Хозенфельд был поражен тем, с какой жестокостью немцы расправлялись с местным населением на захваченных территориях. Ничего подобного в первую мировую не было. Он все больше укреплялся во мнении, что за зверства, творимые военными и эсэсовцами, расплачиваться придется всему немецкому народу.

Один случай запомнился Вильму надолго. Стрелковый батальон, в котором он служил, зимой 1939–1940 годов был расквартирован в польском городке Вегрове, что восточнее Варшавы. Однажды на улице ему встретился эсэсовец, ведущий на расстрел мальчика, укравшего охапку сена, которое перед этим и сами фашисты фактически украли – конфисковали у польских крестьян. Вильм попытался заступиться. Тогда эсэсовец направил на него пистолет и сказал, что, если тот не уйдет, то будет лежать в яме вместе с этим подростком. Спустя несколько лет Хозенфельд рассказал старшему сыну, что он испытал тогда настоящий шок.

Но попыток помогать людям он не оставлял. А уж если представлялась такая возможность, то действовал решительно, без колебаний и сомнений. Владислав Шпильман – вовсе не единственный спасенный им человек. Три члена польской семьи Цециоров тоже обязаны немецкому офицеру Вильму Хозенфельду жизнью.

В Вегрове стрелковый полк Хозенфельда охранял лагерь для военнопленных. Среди тысяч жолнежей – солдат поверженной Польши – там находился раненый Станислав Цециора. Во время велосипедной прогулки Хозенфельд встретил незнакомую женщину, направлявшуюся к лагерю. Это была жена Цециоры, которая надеялась узнать что-нибудь о судьбе мужа и отца своего будущего ребенка. Поговорив с плачущей женщиной, Вильм обещал помочь. И слово свое сдержал: через три дня Станислав уже был дома!

Новая встреча с членами этой семьи произошла в Варшаве, где Хозенфельд руководил спортивным комплексом для солдат вермахта. Брату Станислава Цециоры, пастору Антону, которого разыскивали эсэсовцы, Вильм выдал фальшивые документы на имя Цихоцкого. А затем принял его на работу и еще – кроме того – дал укрытие.

Тогда же пастор Антон познакомил Хозенфельда со своим зятем по фамилии Кошель. В 1943 году на улице, где тот жил, был убит фашистский солдат. В подобных случаях немцы хватали прохожих и расстреливали их. В этот раз среди обреченных на смерть людей оказался и Кошель. Несчастных уже везли к месту расстрела, когда проходивший неподалеку капитан Хозенфельд заметил знакомое лицо в кузове грузовика. Он остановил машину и сказал эсэсовцу, сопровождавшему заложников, что ему нужен человек для срочной работы. Осмотрев обреченных на смерть, сидящих в машине, он будто бы совершенно случайно выбрал зятя Антона. Кошелю эсэсовцы разрешили покинуть грузовик, и так он остался в живых.

...Вильм Хозенфельд вел себя в Польше совсем нетипично для офицера-завоевателя. Он часто бывал в доме Цециоры, изучал польский язык. И даже нередко заходил со своими новыми друзьями в костел. В 1944 году пастор Антон Цециора, которого он укрывал от преследования гестапо, отмечал десятилетие посвящения в сан. В пять часов утра на тайную церковную мессу в подвале знакомого костела вместе с церковными служащими пришел помолиться и офицер вермахта. Происходившее там напоминало сцену театра абсурда: немецкий капитан на коленях принимает причастие из рук «славянского недочеловека».

В разгар восстания в польской столице, начавшегося 1 августа 1944 года, когда немцы по приказу фюрера методично уничтожали центр города, капитан Хозенфельд написал своему непосредственному начальнику очень откровенное послание. В нем были слова, которые могли бы служить девизом всей жизни Вильма Хозенфельда. Вот эти слова:

«Я пытаюсь помочь каждому, кому можно помочь».

Этому принципу Вильм Хозенфельд не изменил до конца своей жизни.

ĀĀĀĀ NŌĀĪĪ ĒNŌĪDĒĒ

Свое послесловие к книге Шпильмана Вольф Бирман завершает словами надежды. Он убежден: непременно должно наступить время, когда на Аллее Праведников мемориала Яд ва-Шем будет посажено дерево в честь Вильма Хозенфельда. Бирман не сомневался, что посадит его Владислав Шпильман, а помогать ему должен сын Андрей.

...Пианист не дожил до этого дня. Он умер в 2000 году в возрасте 86 лет, оставив в наследство людям свою музыку, мемуары. И непреодолимое желание: во что бы то ни стало воздать должное памяти своего спасителя. А Андрей Шпильман – сын спасенного фашистским офицером Вильмом Хозенфельдом – до сих пор не оставляет усилий, стремясь выполнить волю отца.

Праведником мира согласно израильскому закону 1953 года считается человек, который с риском для собственной жизни или жизни своих близких бескорыстно в годы Холокоста спас хотя бы одного еврея. На специальной медали, выдаваемой людям, отмеченным этим званием, отчеканена фраза из Талмуда: «Кто спасает одну жизнь, спасает весь мир».

Новые имена добавляются в список Праведников постоянно. Правда, год от года таких все меньше. В 2001 году появилось более восьмисот новых Праведников, в минувшем году – чуть меньше шестисот. На 1 января 2003 года было 19706 Праведников мира. Из них самое большое количество – 5733 – дала Польша. Немного меньше Праведников мира из Нидерландов – 4513. Франция дала их 2262, Украина – 1881, Бельгия – 1357. Из Германии в этом списке оказались 376 Праведников мира.

В минувшем году мог бы появиться еще один немецкий праведник. Однако комиссия Яд ва-Шема отклонила кандидатуру Вильма Хозенфельда, предложенную Андреем Шпильманом. По мнению комиссии, капитан резерва немецко-фашистского вермахта недостойн этого звания. Каков же основной мотив такого поразительного решения? Он неожиданно прост: Вильм Хозенфельд недостойн звания Праведника мира, так как был... осужден советским судом и закончил жизнь в лагере для военных преступников.

Получается, что приговор сталинского суда оказался весомее показаний свидетелей и дневниковых записей?! Андрей Шпильман не теряет надежды, что комиссия изменит свое мнение. Но каково бы ни было решение уважаемых людей, входящих в состав нынешней комиссии, окончательный приговор выносит все-таки история. И не последними аргументами для такого высшего суда будут слова самого Вильма Хозенфельда, школьного учителя и капитана резерва. Слова, записанные им самим – с отчаянным риском для жизни! – в самый разгар мировой бойни, в июне 1943 года:

«Я не понимаю, как мы оказались втянутыми в военные преступления против беззащитных граждан, против евреев. Я спрашиваю себя вновь и вновь и не нахожу ответа... Из-за этих ужасных массовых убийств мы проиграли войну, а на себя навлекли вечное проклятие за неискупимый грех. Мы не заслуживаем жалости, мы виноваты все».

Вильм Хозенфельд не ограничивался словами. Спасенные им люди сохранили о нем благодарную память. Напоследок – примечательный «сюжет из жизни», имеющий непосредственное отношение к героям этой истории. В 90-х годах прошлого века, через пятьдесят лет после окончания войны, сын Станислава Цециоры был консулом Польской республики в Германии, в Гамбурге. Он рассказал интересную вещь. Оказывается, его родители в течение нескольких лет посылали из голодной Польши семье Хозенфельдов, оставшейся без кормильца, посылки с колбасой и маслом. Подобные посылки шли в гитлеровскую Германию даже в военное время.

Перед судом истории ничто не будет забыто.

Ÿ Ĩ İ İÄİĖP Ėİ Ĩ ĖŃŃĖĖ, Ėİ ĖOÄĬ ĐÄÇÄĐÄÄ İÄİ ÄOĖĬ ÖÄÇĖŃŃŃĖĬÄĬ ÄÄĐİ ÄÖÖÄ İÄÄĬŃŃŃĖĬ YŃİÄĬ ÇÄĬĖĖ. ĖÄĖİÄ ÄÄ İŃİİÄĬĖ İ İŃŖÄ ÖÄĖİÄĬ İ ĨĐÄÇĖÖÄĖŪĬİÄĬ ĐÄÇÄĬĖĖ? İ Ĩ İÄĬĖĖÄÄİİİ İĐİŃŃŃ. ÄĖĖŪŪ ÖĬÇĬÄŃÄĖŪÄ İÄÄĬŃŃŃĖĬ ÇÄĬĖĖ İ ĐÄÄÄÄĬĖĖÄ İ ĖĐÄ, ÖÄĖ ĖÄĖ ÄŪĖ... İŃŃŖÄÄĬ ŃİÄÄŃŃĖĖİ ŃŃÄĬİ Ė ÇÄĖİĬ xĖĖ ĖĖÇİ Ū Ä ĖÄÄÄÄÄÄ ÄĖĖ ÄĬÄĬ İ ŪŃ İ ĐÄŃŃŃŃŃ İ ĖĖİÄ.

^[1] Szpilman Wladislaw. *Das wunderbare Überleben. Warschauer Erinnerungen 1939 – 1945*. München: Econ&List Taschenbuch Verlag 1999.

^[2] Wette Wolfram (Hsg.). *Retter in Uniform. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag 2002*.

МОЖНО ЛИ ВЕРИТЬ РЕЧИСТЫМ БЫЛИННИКАМ?

А. Еаддәі

Адоіт іт іадоаеіт іе поаоіе і Еііііе ади ее аіаіііе епоідее А.А. І іееади іа іаааааіо даіооадеае о:аі іа, іа оіеіеі оі аруаа і доіадоуі оаеоу, аіеаі оаауіаі аі епоеіу, і і е іоаі еаоу ео п оі-ее оаіеу е іадиіаеоеаі, е і іоае. Іааеаеоаеіт іуоіі о, оі аа аааі і деаеаеао ааіі а іі іоіау оеаоа і адоаеа Н.І. Аааі іа, п іаі іе поіоіу, аііаоіа «аіеіііеаі е да:епоіі е», а п адоае - поуааоаа іеаао еадіадепоа, іа іпоаі ааеааруааііу іе іадаі :аі даае аіпоеаіеу іаіае оае.

В статье «Другая сторона буденновской легенды» В. Поликарпов подробно рассказывает, как полковой наездник, безграмотный и невежественный, ловко устраняет конкурентов, действительно создававших первые конноармейские части, пользуясь покровительством Сталина и Ворошилова, присваивает себе чужие победы, добываясь репутации непогрешимого военачальника.

В конце концов, карьеризм – не столь уж крупная новация, чтобы ей изумляться. Но в ситуации, какая имеется в виду, соперники устранялись с помощью смертных приговоров, обвинявших их в измене и прочих чудовищных грехах.

Минуют десятилетия, приговоры эти объявят ошибочными. Давно уничтоженных честных, достойных людей посмертно реабилитируют. Однако на репутации клеветника это не отражалось, он привычно ходил в героях. «Былинники речистые» не слишком вникали в подлинные подробности жизни «братишки нашего», набиравшегося уму-разуму в школе наездников...

Не пытаясь пересказывать содержание глубокой, доказательной работы В. Поликарпова, ограничусь лишь одним ее направлением, имеющим, как видно, и для автора немалое значение. Речь об антисемитизме, признанном едва ли не нормой в Первой конной с тех пор, как ее возглавил С. Буденный. Будучи, по уверениям «былинников», «живой легендой», он специально не насаждал юдофобию, но и не противился ей.

За неудачи на польском фронте расплачивались местные евреи. По словам очевидцев, ни одна власть не учиняла таких погромов, как красные казаки из армии Буденного. Пришлось расформировать целую дивизию. Начдив и командиры 1-й и 2-й бригад пошли под суд, обвинения были предъявлены сотням бойцов, не считая тех, кто успел скрыться в лесу.

Разложение захватило часть командного состава и в других дивизиях.

Политуправление Реввоенсовета республики в отчете за июнь-октябрь 1920 года сообщало о бандитизме, антисемитизме, грабежах и пьянстве в Первой конной: «буденновцы, заменившие красноармейские части, ознаменовали свое прибытие на южный фронт погромами».

Новый начальник политотдела армии в июне 1920 года тоже пытался информировать вышестоящие инстанции о шовинизме, случаях грабежа и насилия. Однако сводку перехватили, а начальника политотдела отстранили от должности.

Такая же участь ждала и других командиров, проявлявших нетерпимость к погромам. Возросла враждебность к тем, кто пытался вынести сор из избы. Иногда же (например, в ноябре 1920 года) погромы, устроенные частью личного состава 6-й кавдивизии, оправдывались подстрекательством «контрреволюционных элементов».

14-я дивизия отметила погромом свое появление в местечке Рогачев, попутно пытаясь освободить уже арестованных участников прежних бесчинств.

Октябрьская революция одержала верх не в последнюю очередь благодаря своим девизам и обещаниям. Интернационализм, отказ от национальной дискриминации – среди подобных посулов. Но испытания показали, что лозунги могут существовать безотносительно к делам.

Для выхода стихийного недовольства, копившегося у обманутых, как нельзя лучше подходили еврейские погромы. Малограмотный «братишка наш» смотрел на них сквозь пальцы, догадываясь, что красноармейцы ценят его снисходительность к кому-то выгодным безобразиям и преступлениям.

Сталин прекрасно знал «слабости» Буденного. Но рекомендовал того в партию, всячески покровительствовал ему и его подручным. Он нуждался именно в таких, не отягощенных совестью и эрудицией союзниках.

Война рождала самородков, вроде Чапаева, выявлялись талантливые военачальники из вчерашних офицеров, поверивших в революцию (например, Тухачевский). Те и другие, в отличие от Буденного, не соответствовали представлениям, которые – это выяснится в дальнейшем – можно считать сталинскими. Несоответствие будет оплачиваться морями крови. И начнется это еще в гражданскую войну.

Утонув в реке, Чапаев спасся от расстрела. Противодействие Тухачевскому и его единомышленникам из среды бывшего генералитета, из среды одаренных краскомов растянется на годы. Сталин заручится поддержкой К. Ворошилова, С. Буденного, Е. Щаденко, тупо уверенных, что будущее принадлежит тачанке и ни в коем случае не мотору. Стоило ради этого «братишке» кончать Военную академию, а потом с неукоснительным упорством доказывать свою преданность Сталину и профессиональную непригодность для высоких постов, на которые тот его назначал, удаляя подлинных специалистов и знатоков.

Как и его вероучитель, С. Буденный полез с назиданиями в литературу. (Будучи «специалистом по национальному вопросу» и зная о «достижениях» буденновцев в этой сфере, Сталин, однако, предпочитал их не замечать. Не отреагировал он и на безобразную выходку своего подопечного, взбудоражившую литературный мир.)

В. Поликарпов напоминает о статье бывшего «братишки» и будущего маршала против И. Бабеля, опубликовавшего цикл новелл «Конармия» (1923 год). Статья, написанная с уверенностью в своем праве на хамство, называлась «Бабизм Бабеля из “Красной нови”».

На защиту Бабеля поднялся возмущенный Горький, заметив, что свои атаки Буденный ведет с «высоты коня». В том же духе рассуждал о «Конармии» видный тогда критик А. Воронский: «От художника можно требовать не только любви и горячей преданности Красной Армии, но и художественно-правдивого изображения ее».

«Буденный, – пишет В. Поликарпов, – мог заметить, что Бабель не затронул как раз самых темных сторон деятельности конармейцев, и не потому что не знал, например, о погромах, которые чинили бойцы во время перехода с Польского на Южный фронт, а потому, очевидно, что это не входило в его эпический замысел. Один из друзей Бабеля вспоминал: “Запомнился его рассказ... Когда Конармия откатывалась под давлением поляков к Киеву, казаки устраивали еврейские погромы в местечках... Бабель мог бы рассказать и о том, как был убит комиссар 6-й кавдивизии Шепелев, пытавшийся унять погромщиков”».

Насколько не по душе пришлась Буденному художественная правда И. Бабеля, настолько понравилась ему льстивая пьеса «Первая конная», вышедшая из-под пера очередного «былинника» – Вс. Вишневского, привычно повторившего многое из расхожей лжи Реввоенсовета Первой конной. Моральное же ее падение истолковывалось в духе легенды Ворошилова о белых офицерах, проникших в дивизию по заданию Деникина.

Вс. Вишневский, аттестовавший себя как пулеметчика и восхваляемый Буденным, расписывал лазутчиков – организаторов погрома и убийц комиссара. Хотя ко времени

событий, воспроизводимых пьесой, с Деникиным уже было покончено. Для драматурга любой белый офицер – исчадие ада. Хотя эта среда не отличалась однородностью и, как правило, в ней не культивировались погромные настроения. Еще меньше они были свойственны тем вчерашним офицерам, что призывались либо добровольно шли в Красную Армию, поверив в ее благие цели и становясь «военспецами», без которых фронтовые успехи были недостижимы. Да и сама Красная Армия, как правило, не страдала шовинизмом.

Только правило не обходилось без исключений.

Годы обладают способностью если не все, то многое расставлять по местам. Однако насколько, если вспомнить судьбу погибших в застенках И. Бабеля и А. Воронского? Если из книги, воспевающей С. Буденного, изданной в наши уже дни, запросто узнаешь, что «братишкин» гнев на Бабеля вполне справедлив? Особенно справедливо благородное требование «достойно наказать клеветника», написавшего «пародию на славный героический образ бойцов Первой конной».

Неужто автору неведома трагическая участь И. Бабеля? Неизвестно, что победа в Великой Отечественной войне менее всего ассоциируется с «братишкой нашим» и его побратимами? Они занимали достаточно высокие посты, но несколько не прославились, глядя назад и уповая на тачанку.

Судьба же «былинников» чаще всего складывалась успешно. Даже если их творения умирали вскоре после появления на свет.

Но сейчас разговор не о них и не о литературе. К литературе В. Поликарпов обращается в финальной части своей работы, закономерно приводящей его к теме антисемитизма, обострившегося в годы гражданской войны, – войны, поднимавшей со дна человеческих душ подчас отнюдь не самое лучшее, не самое светлое, как полагалось считать.

Своей работой В.Д. Поликарпов, помимо всего прочего, подтвердил: универсальная заманчивость антисемитизма в способности соблазнить легкостью преодоления любых трудностей и невзгод, отвлечь от насущных забот, указывая бесхитростный и бездумный выход из очередного тупика.

Крупнейший православный мыслитель Г.П. Федотов напоминал: «Антисемитизм в своей примитивности и действенности всегда был незаменим, всегда служил бесценной программой, которая могла быть принята без секундного размышления и способна была в любой ситуации и при всех условиях все решить».

Только решения такие ничего не давали и в конечном счете вели к новым трагедиям. Погромы времен гражданской войны, иногда сопровождавшиеся бессудными массовыми расстрелами, – одно из предвестий «великого перелома», сломавшего хребет деревне в двадцать девятом, предвестие репрессий тридцать седьмого, фронтовых поражений сорок первого, всевозможных депортаций. И так далее – вплоть до распада Советского Союза.

Ничего отдаленно подобного «былинники речистые», воспевавшие усатого конника, не предвидели.

*«Cairi i eeyi ai daitac.. Eiaa Eriadi ey to eao uaeani ia aaeateai iyeyeta e Eeaa
eacae aodaeae ae aaeitea itadi u a i aoda-eao.. Aaaeu i ia au daitacadu e i oti, eae aue aeo
eti einao e eaeaeae Oiaaia i uoaeeyi ayou itadi ueeta».*

«ДЕЛО МИХОЭЛСА»: НОВЫЙ ВЗГЛЯД

Ááí í ääèé Èíñò úð:áí èí

Àèñéòéèðý ñ Èíðáñí Ì äääääáí [Ц](#).

È íá òíèüèí ñ íèì

ВАСÍ ÍÁÍÈÍÑÈÒÀ Ì ÍÁÍÈÈ

Если исследователь не обременяет себя работой непосредственно с архивными документами, то волей-неволей он вынужден доверять тому, что публиковалось еще до него. При этом он лишен возможностью выверить по первоисточникам утверждения предшественников. Примерно в такой ситуации оказался и Ж.А. Медведев, имевший в своем распоряжении книги различных авторов, считающихся достаточно авторитетными, но зачастую совершенно по-разному интерпретирующих одни и те же события. На неизбежно возникающий вопрос «кому верить?» Медведев, естественно, отнюдь не всегда мог дать однозначный ответ и потому вынужден был, в основном, ограничиваться констатацией существующих точек зрения. Впрочем, это не помешало ему в главном: определить на их основе и свою собственную позицию. Конечно, такой метод хорош тем, что позволяет синтезировать результаты предшествующего анализа фактов, но он чреват и поверхностностью, и эклектической размытостью оценок и может привести к различного рода абберациям. Во всяком случае, отсутствие глубокой, на уровне первоисточников, критики давних публикаций исследовательского и мемуарного плана явно ощущается в книге. Особенно это очевидно, когда Медведев обращается к русской версии воспоминаний знаменитого разведчика П.А. Судоплатова «Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля» (М., 1996). Ведь в этой книге, несмотря на ее общую историографическую ценность, содержится немало ошибок и утверждений явно спекулятивного характера. Причем, значительная их часть как раз и приходится на главу, где сделана попытка реконструировать «еврейскую политику» Сталина, поскольку к ее выработке и проведению Судоплатов не был причастен. В лучшем случае, он мог судить о ней постфактум и лишь опосредованно – по толкам, циркулировавшим среди сослуживцев, по различным слухам.

Возьмем, к примеру, так называемые «спецоперации» (похищения и тайные убийства людей), проводившиеся по личному указанию Сталина внутри страны. К ним генерал-лейтенант Судоплатов, занятый по преимуществу внешней разведывательной деятельностью и террором за рубежом, не имел прямого касательства. Планирование и осуществление этих сверхсекретных акций (в них участвовал узкий круг особо доверенных лиц) находились исключительно в компетенции руководителя ведомства госбезопасности. В предвоенные годы – тогдашнего наркома внутренних дел Л.П. Берии, а в послевоенные – главы МГБ СССР В.С. Абакумова, несших личную ответственность перед Сталиным. Да и сам Судоплатов косвенно подтверждает существование такого порядка, когда рассказывает в мемуарах о ликвидации С.М. Михоэlsa в январе 1948 года. Он так и пишет: «К моему счастью, к этой операции я не имел никакого отношения. Подробности убийства мне стали известны лишь в апреле 1953 года»¹. Собственно, бывшему разведчику оставалось только повторить то, что уже было изложено в рассекреченной в 1992 году записке Берии Г.М. Маленкову от 2 апреля 1953 г. (частично опубликована в 1992 году в «Аргументах и фактах», № 19). Впрочем, он и те, кто ему помогал в подготовке мемуаров к печати, не ограничились простым пересказом содержания этого документа, а, с явной претензией на оригинальность, сделали от себя некое, в жанре исторического детектива, эффектное

дополнение: перед тем как Михоэлс и сопровождавший его В.И. Голубов-Потапов были раздавлены грузовиком на территории дачи министра госбезопасности Белоруссии Л.Ф. Цанавы, им «сделали смертельный укол»². Нереальность этой детали очевидна. По логике вещей, которая, как любил повторять Сталин, превышает человеческих желаний, убийцам совершенно ни к чему было прибегать к столь экзотической и к тому же, возможно, оставляющей следы (выявляемые при посмертном исследовании тела) «процедуре». К тому же она явно «не вписывается» в контекст буквально на ходу импровизировавшейся «спецоперации». Зачем, спрашивается, подручным Абакумова понадобилось бы связываться с ядом, что чревато дополнительными сложностями, когда, доставив свои жертвы в безлюдное место (на дачу Цанавы), они вполне могли обойтись одним «студебеккером», просто переехав несчастных?

Подобных прегрешений против исторической правды в воспоминаниях упомянутого советского супершпиона немало. Вместо того, чтобы максимально правдиво реконструировать прошлое, редакторы и издатели мемуаров прежде всего стремились, насытив текст впечатляющими сенсациями, получить в итоге бестселлер, гарантирующий коммерческий успех. Кстати, им вполне удалось этого добиться. Помню, как вскоре после краха коммунизма в СССР я, разыскивая материалы по истории советского еврейства в прежде секретных фондах бывшего Центрального партийного архива, встретил там своего рода продюсера судоплатовского бестселлера Джералда Шектера. Благодаря ему была осуществлена звукозапись воспоминаний советского разведчика, их литературная обработка и первая публикация (на английском языке) в Нью-Йорке в 1994 году. Она носила название «Special Tasks. Memoirs of an Unwanted Witness – A Soviet Spymaster» («Особые задания. Воспоминания нежелательного свидетеля – советского шпиона»).

Ὁπὲρ οὐδὲν ἀπετόνιστέ ἐ βούληται, ἀλλὰ αὐτὸς γαίῳ ἀνατίθη δαῖμα ἑαυτοῦ Ἴ εὐχρηῖα ἐ Ἄρεσίναι

Первым делом этот весьма импозантный джентельмен (темно-синяя элегантная тройка, старомодная массивная золотая цепь для часов поперек жилета) через сопровождавшего его переводчика Ф.А. Розенталя кратко, хотя и не без некоторого, почти неуловимого самолюбования, сообщил о себе то, что посчитал нужным: как еще в 1968 – 1970 годах возглавлял московское бюро журналов «Тайм» и «Лайф», организовал вывоз из страны рукописи мемуаров Н.С. Хрущева и издание их в США; как потом, при президенте Дж. Картере работал пресс-секретарем Совета национальной безопасности США... Поведал, что заканчивает работу над книгой о шпионском скандале века – деле Олега Пеньковского, советского полковника ГРУ, тайно сотрудничавшего с западными спецслужбами²¹. Перейдя затем плавно к цели своего визита в партийный архив, он заявил, что теперь занят новым издательским проектом, в связи с чем ему понадобятся, в частности, документы об отношении сталинского аппарата власти в 1940 – начале 1950-х годов к евреям и что в этом деле он рассчитывает на мою помощь. Я согласился на сотрудничество с Шектером и недели через две подготовил информационный обзор, где довольно подробно и со ссылками на архивные источники изложил содержание недавно обнаруженных мною наиболее важных документов по «еврейской политике» Сталина.

В этом обзоре было много нового, ранее не известного – в том числе цитировалось найденное мною знаменитое письмо С. Михоэлса и других еврейских лидеров советскому руководству с предложением создать еврейскую республику в Крыму. Однако из всего этого отнюдь не вытекало, что еврейский вопрос играл сколько-нибудь заметную роль в послевоенных советско-американских отношениях. Впоследствии, узнав, что полученную от меня информацию Шектер намеревался использовать при подготовке к изданию воспоминаний Судоплатова, я по выходе этой книги первым делом стал знакомиться с ее

«еврейскими сюжетами». И, к сожалению, обнаружил, что мой скромный фактографический обзор если и был использован создателями книги, то всего лишь как трамплин для их заоблачных фантазий. По ознакомлении с этим бестселлером в целом сложилось впечатление, что в технологии его создания был использован следующий расхожий и незамысловатый прием: брался уже известный по предшествующим публикациям фактографический остов того или иного события и далее в канву реальных фактов «вплетались» различные красочные, но в значительной мере только похожие на правду подробности, выдаваемые за весьма ценную информацию, сохранившуюся в памяти мемуариста. Убедиться в этом конкретно читатель сможет ниже.

А пока детально рассмотрим версию убийства Михоэлса, представленную в книге Ж. Медведева. Последний, хотя и склонен во всем доверять Судоплатову, но, видимо, почувствовав фальшь в его рассказе о том, что перед тем как в ход был пущен грузовик, артисту была сделана инъекция яда, не включил данный пассаж в свою книгу, хотя раньше и воспроизводил его в своих работах³. Данная предосторожность более чем обоснована. Ведь Судоплатов не имел никакого отношения к ликвидации Михоэлса и потому мог только предполагать, как это произошло. И, разумеется, в этих предположениях исходил прежде всего из собственного опыта участия в аналогичных политических убийствах, четыре из которых, по его собственному признанию, были осуществлены с применением яда.

В основу собственной версии Медведев положил широко известную сейчас записку Берии Маленкову от 2 апреля 1953 года с выдержками из показаний арестованных главных организаторов и исполнителей этой акции – В.С. Абакумова, С.И. Огольцова, Л.Ф. Цанавы, а также милицкий рапорт, направленный 11 февраля 1948 года замминистра внутренних дел И.А. Серову и сообщающий о предварительных результатах расследования. Кроме того, Жорес Александрович использовал менее известный документ – оперативную информацию министра внутренних дел СССР С.Н. Круглова, уведомявшую Сталина и других членов политбюро уже 14 января 1948 года, то есть на следующий день после обнаружения трупов Михоэлса и Голубова-Потапова, что смерть последних наступила «в результате наезда автомашины, которая ехала с превышающей скоростью и настигла их, следуя под крутым уклоном...»⁴ В этом чрезвычайно важном документе отмечено: «Около трупов имелось большое количество крови»; из показаний же Цанавы, приведенных в записке Берии, вроде бы следует, что Михоэлса и Голубова-Потапова вывезли с места убийства и подбросили на одну из окраинных улиц Минска только часа через два после их умерщвления. И Медведев, биолог, знающий, что зимой безжизненные тела кровоточат по времени куда меньше, чем летом, высказывает любопытное предположение: «Не исключено, что организаторы убийства, как профессионалы, позаботились о том, чтобы не только привезти на “глухую улицу” уже холодные трупы, но и обеспечить с помощью обилия крови правдоподобность случайного наезда»⁵.

В достоверности упомянутых официальных документов, а также Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 октября 1948 г. о награждении орденами «за успешное выполнение специального задания правительства» убийц Михоэлса Медведев, как и практически все историки-специалисты, не сомневается. Резко противоположного мнения придерживается разве что Ю.И. Мухин, редактор скандальной газеты «Дуэль», он же автор отпечатанного массовым тиражом «научно-исторического расследования» «Убийство Сталина и Берия». На страницах последнего с легкостью необыкновенной объявляются фальшивками все документы, так или иначе опровергающие настоящие на примитивной юдофобии нелепые домыслы этого историка-любителя о существовании некоего антисталинского «жидовского заговора»⁶.

И все же, поскольку Медведев имел дело в основном только с текстом записки Берии, документом, составленным из отдельных и местами противоречащих друг другу фрагментов показаний участников тайного преступления, ему не удалось избежать неверных выводов^[3]. К сожалению, Жоресу Александровичу, видимо, просто не попались на глаза не так давно опубликованные первичные показания некоторых главных убийц Михоэлса – Огольцова, Цанавы, Шубняка. Эти материалы, хотя в них и содержится очень важное признание Огольцова, касающееся подготовки и проведения «спецоперации» («документов никаких не составлялось, как положено в таких случаях»), тем не менее со значительно бо́льшей, чем раньше, точностью позволяют реконструировать обстоятельства гибели знаменитого артиста⁷.

Незнакомился Медведев, по всей видимости, и с другим недавно увидевшим свет важным свидетельством. В противном случае он не написал бы, что предпринятый милицией по горячим следам поиск грузовика, переехавшего Михоэлса и Голубова-Потапова, так и не дал «никаких результатов». Кое-какие результаты все-таки имелись. Вот что вспомнил не так давно генерал-полковник С.С. Бельченко, нарком (министр) внутренних дел Белоруссии в 1943 – 1953 гг.:

«Рано утром у разрушенного в годы войны стадиона "Динамо" оперативники моего ведомства обнаружили трупы Михоэлса и Голубова. Об этом мне доложил по телефону мой заместитель, комиссар милиции Красненко. Михоэлс находился в Минске по общественным делам. Это известие очень встревожило меня. Убийство было не рядовое.

Я сам лично выехал на место происшествия. Там всюду шли следственные действия. Был составлен протокол осмотра. На трупах и на дороге (был снег) отчетливо виднелись отпечатки протекторов шин автомобиля.

Приехав к себе, я вызвал всех своих заместителей и в жесткой форме потребовал в кратчайшие сроки найти машину, послужившую причиной смерти этих людей.

Уже во второй половине дня Красненко мне доложил, что оперативники МВД обнаружили разыскиваемый автомобиль. Когда же я стал его расспрашивать, как проходил поиск и где обнаружили машину, мой заместитель ответил, что автомобиль стоит в гараже МГБ республики. Я поинтересовался, не могло ли это быть ошибкой. Красненко сказал, что его люди тоже сомневаются, но им не дали провести более тщательную проверку сотрудники госбезопасности.

Заподозрив неладное, я позвонил министру внутренних дел СССР С.Н. Круглову и доложил об этом происшествии. Он был страшно удивлен и приказал мне активизировать розыск преступников. Мне ежечасно докладывали, как проводится розыск.

Меня вызвали в ЦК, и один из секретарей попросил принять все меры по розыску убийц. Встал вопрос об отправке трупов в Москву. Я поручил заниматься этим Красненко. Вскоре подъехал и Цанава. Я его хорошо знал, и поэтому его поведение меня удивило. Он был слишком любезен со мной. Цанава взял меня под руку, отвел в сторону и сказал: "Я знаю, что твои люди были у меня в министерстве в гараже. Это была не слишком хорошая идея. Я прошу тебя не производить больше каких-либо действий против моих людей. Население может нехорошо подумать о нас. Делом занимайся, убийц ищи, но не лезь ты, куда тебя не просят". Подозрения мои еще больше усилились.

Из министерства я снова позвонил Круглову и доложил о том, что в гараже МГБ Белоруссии была обнаружена машина, переехавшая Михоэлса и Голубова. Министр

выслушал меня и сказал, чтобы поиск преступников продолжали, но не особенно популяризируя это дело. Вообще голос у Круглова был какой-то вялый, и я удивился, что начальник не стал, как это бывает в таких случаях, "рвать и метать", чтобы ему быстрее представили результат. Тем более меня удивил конец нашей беседы. "Вы, в общем, не особо там копайте", – сказал министр и положил трубку телефона.

Ἀλλοτεῖ ἐὸν «Ἀεὶδούμ» (ἴσῳ «Ναεῖτ-ῖ»), ἐς ἐπὶ οὐδὲ ἰ ἐὸν ὑεῖ ὁσᾶ, ὀίῳ ἰ ἄ ἄδῖ ὁσῖν.

Сопоставив разговоры с Цанавой и Кругловым и не зная, естественно, подоплеку этого дела, я занял выжидающую позицию. Розыск велся, но подчиненных своих я не подстегивал...»8

Как видим, «спецоперация» по устранению Михоэlsa носила до такой степени секретный характер, что даже высшему милицейскому и партийному руководству Белоруссии оставалось только догадываться об истинной подоплеке трагедии.

Но продолжим анализ версии Медведева. Жорес Александрович, сомневаясь в показаниях бывшего министра госбезопасности, включенных Берией в свою записку, пишет: «Маловероятно, что Сталин дал Абакумову столь срочное задание, на подготовку которого отводилось лишь два-три дня. Существует немалое число признаков того, что "ликвидация" Михоэlsa готовилась заблаговременно и что сама поездка в Минск по командировке Комитета по Сталинским премиям, решение о которой было принято 2 января 1948 года, была частью сценария. ... Для Сталина не было характерным слишком спешить с ликвидацией своих политических противников и даже личных врагов»9. Этот вывод близок к истине, однако, не нов. Такая гипотеза выдвигалась ранее рядом исследователей, в том числе и писателем А.М. Борщаговским¹⁰. Мыслит Медведев оригинально там, где говорит, что кроме Абакумова главным организатором убийства Михоэlsa был Цанава, и характеризует его как «связника» Берии в этом деле.

«Лично я уверен, – читаем мы дальше, – что Михоэlsa убили в Минске потому, что министром государственной безопасности Белоруссии был Лаврентий Цанава, которого называли в республике "Лаврентий Второй". В Минске именно он имел максимальную власть...»11

В этом предположении бесспорно, по-моему, только одно: министр госбезопасности Белоруссии Цанава в самом деле играл весьма важную роль в практической организации убийства Михоэlsa: он обеспечил, может быть, самое главное для такой «спецоперации» – полную секретность. Не зря же потом его вклад в выполнение «специального задания Правительства» был оценен особенно высоко: врученный ему, а также С.И. Огольцову орден Красного Знамени по статусу был высшей государственной наградой среди врученных участникам тайной акции.

Слабое звено в приведенном рассуждении Медведева – намек на то, что с Михоэлсом расправился не столько Сталин, сколько другие, что Михоэлс стал жертвой перманентных номенклатурных разборок в ближайшем окружении вождя. При этом Медведев не приводит фактов, обосновывающих его предположение. Он вынужден домысливать детали, утверждая, что в собственноручных показаниях Цанавы могло и не быть ссылки на личное указание Сталина уничтожить знаменитого актера (существовали-де неписанные правила кремлевской конспирации, табуировавшие в иных ситуациях имя вождя). Что ссылка на Сталина была внесена Берией потом, в процессе подготовки записки от 2 апреля 1953 года. Что на подлог Берию якобы подвигло намерение лишней раз продемонстрировать свою непричастность к сталинским репрессиям и получить

возможность «шантажировать» и «запугивать» «других членов Президиума ЦК КПСС», как бы давая им понять, что их имена тоже могут быть в случае необходимости вписаны, в какой-нибудь компрометирующий документ¹².

С таким умозаключением, слишком изощренным, чтобы походить на правду, трудно согласиться. Берии, стремившемуся дискредитировать С.Д. Игнатьева и других бывших руководителей госбезопасности, не нужно было специально фабриковать на них компромат: они, почти ежедневно преступавшие закон, в изобилии создавали его сами.

Всех этих заблуждений Медведеву, повторяю, наверняка удалось бы избежать, располагай он доступными теперь документальными данными об убийстве Михоэлса.

НІАЊОАІ І АБ ААДЊЕВ І ДАЊОІ ЕАІ ЕВ

С начала 1944 года в сталинском руководстве понемногу стало складываться мнение, что созданный в годы войны и возглавлявшийся Михоэлсом Еврейский антифашистский комитет уже самим фактом своего существования подспудно способствует усилению еврейского национализма в стране. Со временем «мнение» превратилось в твердую убежденность, вследствие чего вскоре по окончании войны «кураторы» ЕАК в ЦК ВКП (б) начали делать попытки его распустить. Тем не менее, благодаря покровительству В.М. Молотова, пока что сохранявшего влияние на Сталина, Михоэлсу удалось тогда сохранить свое детище. Однако в конце 1947 года над самим Михоэлсом нависла новая, еще более грозная опасность. 10 декабря по распоряжению Сталина (видимо, для того он и вызывал в Кремль Абакумова накануне поздно вечером) МГБ арестовало родственницу Сталина Е.А. Аллилуеву, обвиненную в распространении «гнусной клеветы в отношении главы советского правительства». 16 декабря Е.А. Аллилуева, кстати, подозревавшаяся Сталиным и в отравлении своего первого мужа, П.С. Аллилуева (умер в 1938 году), неожиданно показала на допросе, что знакомый ей И.И. Гольдштейн, работавший в институте экономики, подробно расспрашивал ее о Сталине и его дочери Светлане, о браке последней с Григорием Морозовым, о том, как складывались отношения между этими молодыми людьми после развода в мае 1947 года. Разумеется, о показаниях Аллилуевой немедленно стало известно Сталину, потому что в ночь на 19 декабря был арестован и сам Гольдштейн. В тот же день Абакумов опять приезжал в Кремль к Сталину, но пробыл всего пять минут, наверное, только отчитаться перед «хозяином», что и это его задание (арест Гольдштейна) успешно выполнено.

Из нового обитателя лубянского ада, подавленного и обескураженного неожиданным арестом, видимо, очень скоро, буквально в течение нескольких дней угрозами и побоями удалось выдать первые показания о «преступных» замыслах. Так что к следующему своему визиту в Кремль к Сталину, который пришелся на вечер 23-го числа, Абакумов, скорей всего, уже имел на руках «признание» Гольдштейна. Поскольку тогда же у Сталина находились Молотов, Маленков, Берия, Жданов, Кузнецов, Вознесенский, Косыгин, министр внутренних дел Круглов и министр финансов Зверев, все они могли услышать, что сообщил вождю Абакумов¹³. А он, по всей видимости, доложил, что Гольдштейн «сознался» в том, в чем ранее его уличала Е.А. Аллилуева. Однако простое подтверждение факта сбора информации о его персоне уже не устраивало диктатора, который стал настаивать на том, что «Гольдштейн интересовался личной жизнью руководителя Советского правительства и его семьи не по собственной инициативе, а что за его спиной стоит иностранная разведка...» Об этом, по более позднему свидетельству бывшего заместителя начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР В.И. Комарова, поведал потом своим подчиненным сам шеф госбезопасности, инструктируя их, как вести следствие по вновь заведенному делу. И хотя, как говорит Комаров, «никаких материалов у нас на этот счет («на

счет» американской разведки. – Г.К.) не было, Гольдштейна стали допрашивать в этом направлении». Причем допрашивать с применением «острых методов», то есть попросту бить «смертным боем», пока тот не «признался», что «втерся в доверие к Аллилуевым по заданию З.Г. Гринберга», ближайшего помощника Михоэлса в ЕАК по работе с еврейской научной интеллигенцией, якобы утверждавшего, что сведения от родственников Сталина «нужны американцам». Но самое главное другое. Гольдштейн, по словам истязавшего его следователя Г.А. Сорокина, «показал о шпионской деятельности Михоэлса и о том, что он проявлял повышенный интерес к личной жизни главы Советского правительства в Кремле», чем «интересовались американские евреи»¹⁴.

Этот нужный «хозяину» результат был озвучен в Кремле, скорей всего, 27 декабря, когда Абакумов снова предстал перед Сталиным, на сей раз в сопровождении своего заместителя С.И. Огольцова. В обычно многолюдном кабинете Сталина тогда присутствовали только эти трое. И на то была причина. Впоследствии, 18 марта 1953 года, в своем письменном объяснении Берии Огольцов сделает чрезвычайно важное сообщение о главном результате той встречи: «Во время беседы... товарищем Сталиным была названа фамилия Михоэлса и в конце беседы было им дано указание Абакумову о необходимости проведения специального мероприятия в отношении Михоэлса...»¹⁵ Именно тогда и была решена судьба еврейского артиста. Смерть его стала вопросом времени.

По свидетельству хорошо знавшей Михоэлса и Аллилуевых историка театра Л.А. Шатуновской, случайно встретившей утром того же дня руководителя ГОСЕТа на Тверском бульваре, тот выглядел встревоженным и даже подавленным. При прощании он многозначительно произнес: «Это начало конца». По мнению Шатуновской, приступ тоски у Михоэлса объяснялся вполне конкретным фактом. В газете, опубликовавшей его выступление в Политехническом музее на вечере памяти классика еврейской литературы Менделе Мойхер-Сфорима, были опущены произнесенные им слова одобрения по поводу предстоящего создания государства Израиль¹⁶. Нечто аналогичное написано и в мемуарах дочери артиста, Натальи Вовси-Михоэлс, которая, правда, датирует выступление своего отца в Политехническом музее не 27, а 28 декабря 1947 года и называет иную причину его беспокойства: речь Михоэлса, подготовленная для радиоэфира, неожиданно оказалась размагниченной¹⁷.

Чтобы определить, кто из двух мемуаристок ближе к истине, пришлось поднять старую подшивку «Литературной газеты». В номере за 3 января 1948 года там напечатана заметка «Памяти еврейского классика» с кратким описанием упомянутого вечера. Поскольку этот материал не появился в предыдущем номере «ЛГ», вышедшем 30 декабря 1947 года, можно заключить, что чествование Мойхер-Сфорима состоялось не раньше 29 декабря, то есть через два дня после принятия Сталиным решения о ликвидации Михоэлса. И, значит, сказанное им в Политехническом музее уже не могло ничего изменить в его судьбе. Кстати, заметка в «Литературке» информировала читателей, что председательствовавший на вечере драматург Всеволод Вишневский и выступавшие писатели Д. Бергельсон, И. Добрушин и другие, а также народный артист СССР С. Михоэлс «отметили... в своих речах близкую связь Менделе Мойхер-Сфорима с идеями шестидесятников и огромное влияние на его творчество таких писателей, как Чернышевский, Некрасов, Добролюбов и, в особенности, Салтыков-Щедрин».

Í tãirẽmã eã íãdãulã eý é ããdãý ãããã ì eãã, 1941. Ñeãýò (íãããã íãí ðããí): Ñãì óeé Í ãdããé, Íãããó Í ãdããe, Ìãããã Ìãããããããã, Èeýý Ýdãíãããã ñõíýò: Bẽíã Óeããã, Ìãããã Í eíò ðãã, Èíããé Í ãíeí íã Ñíeíí íí Í eóíýeñ Bẽíã Çãé, Ìãí eãì eí Çããeéí, Ìeãããã ãð Óúóeãã

Вот, собственно, и все, что известно наверняка. Выказывал ли на этом вечере Михоэлс себя сторонником образования государства Израиль и если да, то каким образом, – остается только догадываться. Впрочем, даже если и выказывал, это вряд ли могло быть воспринято властями как нечто крамольное. Тем более трудно согласиться с утверждением, что выступление в Политехническом музее было «последней каплей в “деле Михоэлса”»¹⁸. Ведь сталинское руководство официально поддерживало в ООН идею создания самостоятельного еврейского государства; проявлять враждебность к Израилю и сионизму оно начнет только спустя месяцев девять – десять. Кроме того, в начале 1948 года в том же Политехническом музее мидовец Б.Е. Штейн и другие лекторы выступали со специальными докладами по «палестинской проблеме», в которых отнюдь не опасались признавать справедливым право евреев на собственное государство. Из всего этого явствует, что решение Сталина о тайной расправе с Михоэлсом не могло быть следствием ничем не доказанных просионистских симпатий последнего. Куда реальнее другая причина – паранойя вождя, усугубленная в последние годы жизни быстро прогрессирующей юдофобией.

Но возвратимся к этапам подготовки убийства Михоэлса. Вечером 27 декабря 1947 года вместе с мужем, биофизиком Л.А. Тумерманом, будет арестована Л. Шатуновская. В ночь на 28 декабря взяли под стражу и упомянутого Гринберга. Как и Гольдштейн, он был арестован без санкции прокурора, но наверняка по личному указанию Сталина. Видимо, эти аресты особенно угнетающе подействовали на Михоэлса; он не мог не чувствовать, как невидимая удавка все туже затягивается у него на шее. Возможно, он заметил и установленное за ним «оперативное наблюдение» («наружку»). Ведь Огольцов потом говорил Цанаве, что первоначально «“боевая группа МГБ СССР” предпринимала меры к убийству Михоэлса еще в Москве, но сделать это не удалось, так как Михоэлс ходил по Москве в окружении многих женщин»¹⁹.

Именно это обстоятельство, очевидно, и навело Абакумова на мысль избрать местом проведения «спецоперации» не шумную столицу, а малолюдную провинцию с еще не устоявшейся после военного лихолетья жизнью. Там при необходимости легче было списать внезапную гибель человека на какую-нибудь «случайность». Вот почему еще не оправившемуся после нацистской оккупации Минску отнюдь не по воле слепого рока, а в результате умысла людей с Лубянки и суждено было стать местом гибели Михоэлса.

На то, что все было именно так, указывают несколько обстоятельств. Во-первых, Михоэлс должен был сначала, как член комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства, выехать в Ленинград и там отобрать несколько театральных спектаклей, достойных соискания высокой награды. Однако, по свидетельству художника А.Г. Тышлера, поддавшись уговорам В.И. Голубова-Потапова, как известно, негласного агента МГБ, он решил с той же миссией отправиться в Минск²⁰. Во-вторых, в недавно опубликованной книге А.И. Ваксберга, вообще-то весьма спорной, изобилующей пристрастными оценками, зачастую противоречащей фактам, имеется подробное и, судя по всему, достоверное описание одного документа. Это – командировочное удостоверение, выписанное Михоэлсу 2 января 1948 года для поездки в Минск И.В. Нежным, помощником А.А. Фадеева по комитету по Сталинским премиям в области литературы и искусства (последний был его главой)²¹. И еще одному агенту «органов», оперативный псевдоним которого «Чайковский» расшифрован в моей книге «В плену у красного фараона» (1994)²².

Пятого января Михоэлс в последний раз участвовал в заседании комитета по Сталинским премиям. Седьмого вечером вместе с Голубовым-Потаповым они поездом уехали в Минск. Одновременно по тому же маршруту на двух автомашинах отправилась и «группа оперативных работников МГБ СССР» во главе с замминистра государственной безопасности Огольцовым. Помимо него в эту так называемую «бригаду» были включены

следующие лица: руководящий работник второго главного (контрразведывательного) управления МГБ СССР полковник Ф.Г. Шубняков, сотрудники возглавлявшегося П.А. Судоплатовым²³ отдела «ДР» полковник В.Е. Лебедев и старший лейтенант Б.А. Круглов, секретарь Огольцова майор А.Х. Косырев. Кроме того, известно (по изданному потом наградному указу), что в «спецоперации» был задействован и некий майор Н.Ф. Повзун. Впоследствии ни Огольцов, ни Шубняков в своих показаниях не назвали этого человека среди тех, кто вместе с ними в январе 1948 года отправился из Москвы в Минск. Думаю, то был сотрудник белорусских «органов», которого в силу каких-то обстоятельств Цанава привлек к «спецоперации» на одном из последних ее этапов.

За день до отъезда в Минск Абакумов собрал в своем кабинете участников «спецоперации» для инструктажа. Перед этим по ВЧ он позвонил в Минск министру госбезопасности Белоруссии Цанаве. И хотя разговор велся по линии засекреченной связи, Абакумов был предельно осторожен. Только убедившись, что его собеседник в комнате один, он решился на главный, хотя, в общем-то, формальный вопрос (положительный ответ как бы уже заранее подразумевался): «Имеются ли в МГБ Белорусской ССР возможности для выполнения... важного решения правительства и личного указания Сталина?» И вот теперь, по окончании инструктажа, Абакумов вновь связался с Цанавой. На сей раз он выражался более определенно и сообщил своему подчиненному, что тот будет руководить «операцией» на месте вкуче с Огольцовым, выезжающим в Белоруссию с группой оперативных работников. Впрочем, министр и на сей раз не решился по телефону произнести слова, раскрывающие суть «спецзадания» Сталина. Только когда бригада Огольцова прибыла в Минск, или, точнее, на загородную дачу Цанавы в поселке Слепянка, последний узнал, что специальные «решение правительства» и «указание Сталина» заключаются в «ликвидации Михоэлса»²⁴.

Сверхсекретный характер убийства, невозможность заранее отработать все детали этой акции привели к тому, что Сталин и Абакумов предварительно могли наметить лишь ее основные контуры. Что это означало? Во-первых, для обеспечения максимальной конфиденциальности московским оперативникам следовало, не заезжая в республиканское МГБ, сразу прибыть на загородную дачу Цанавы. Во-вторых, убийство должно было выглядеть как несчастный случай, как результат автомобильной катастрофы (вот почему в «спецгруппе» оказались Лебедев и Круглов – особого рода «транспортники» из вверенного Судоплатову подразделения). Все конкретные решения предполагалось принимать на месте, но реализовывать – только по согласованию с центром.

«Аї аїаї ґ аїаїаї... оїаадеїаї Ноаеїїї аїїа іааїаї аїї еееґ І еоїґїа е а еїїа аїаїаї аїїаї еї аїї і аааїаїаї Аааеї іао і іаїаоїаї іїоє і оїааїаї еґ ії ааеаеїї іаї і аїїїдеїдеї а іоїїаїаїе І еоїґїа...»

В противоположность тому, что утверждают Ж. Медведев и А. Борщаговский (инициатива в устранении Михоэлса исходила-де от Абакумова, а Сталин лишь дал «лицензию на отстрел»)²⁵, именно кремлевский «хозяин» играл в этом деле первую скрипку. Полагать так заставляют не только общие соображения о механизме принятия важных решений в годы сталинской диктатуры. Никак нельзя сбрасывать со счетов и показания Огольцова, свидетельствовавшего, что, вызвав его и Абакумова, «глава Советского правительства» дал им 27 декабря 1947 года не только указание о проведении «специального мероприятия в отношении Михоэлса», но и уточнил при этом, что имеет в виду автомобильную катастрофу²⁶.

...Первые три дня по прибытии в Минск Лебедев, Круглов и Шубняков, как потом признался последний, «вели наблюдение за Михоэлсом, выясняли обстановку и условия для организации автомобильной катастрофы». «Рекогносцировка» показала: «Михоэлса всегда

окружала большая группа местной интеллигенции, он часто пользовался автомашиной Совмина Белоруссии, и его сопровождали работники аппарата Комитета по делам искусств». «Таким образом, – вспоминал Шубняков, – полностью исключалась возможность организации автомобильной катастрофы, если только не создать условий для секретного изъятия Михоэлса». После того как эти аргументы были доложены Огольцовым Абакумову, тот, требуя от своих подчиненных «во что бы то ни стало осуществить операцию», все-таки кое с чем согласился и приказал задействовать в операции сопровождавшего Михоэлса «агента 2 Главного управления МГБ СССР»²⁷. Эта неизвестная ранее деталь позволяет предположить, что поездка Голубова-Потапова в Минск не была спланирована госбезопасностью заранее. И то, что агент оказался там вместе с Михоэлсом, могло быть, вопреки намекам некоторых авторов на заинтересованность в этом Лубянки, только случайным стечением обстоятельств²⁸. Соображение это имеет под собой довольно веское основание. Однако оно не исключает и того, что спецслужбы могли, не раскрывая Голубову-Потапову своего замысла, «втемную» использовать его еще в Москве, скажем, для того, чтобы уговорить Михоэлса поехать именно в Минск. Правда, такая вероятность в свете процитированных показаний Шубнякова представляется не вполне реальной.

Ответственным за «секретное изъятие» Михоэлса был назначен Шубняков. Увидевшись на «явке» с Голубовым-Потаповым, он приказал ему: «в частной обстановке встретиться с Михоэлсом», для чего пригласить последнего к некоему «личному другу, проживающему в Минске». Ничего не подозревавший Голубов-Потапов без особого труда уговорил Михоэлса, любившего дружеские застолья, почтить своим присутствием то ли свадьбу, то ли какое-то еще семейное торжество у своего «старого знакомого, инженера Сергеева». По поводу этого загадочного «Сергеева» существует много предположений. Получила, например, широкое распространение легенда, что перед смертью Михоэлс был в гостях у своего друга генерал-полковника Сергея Георгиевича Трофименко, командующего войсками Белорусского военного округа²⁹. И для того чтобы по каким-то соображением скрыть от своих белорусских коллег, к кому именно он направляется, Михоэлс зашифровал Трофименко именем «инженера Сергеева». Теперь ясно, что «Сергеев» – выдумка не Михоэлса, а госбезопасности. Но почему именно такое имя? После войны в Малом театре шла пьеса «Инженер Сергеев», автором ее был В.Н. Меркулов, тогдашний нарком госбезопасности, подвизавшийся на литературной ниве под псевдонимом Всеволод Росс. Разумеется, спектакль пользовался у чекистов особой популярностью, не исключено, что именно из-за этого Шубнякову и пришла в голову идея назвать «личного друга» «инженером Сергеевым».

... И вот 12 января примерно в восемь вечера двое столичных командированных вышли из гостиницы и направились к месту встречи с «инженером». Тот должен был подъехать на автомобиле и отвезти «гостей» к себе домой. Шубняков показал позже, что где-то около девяти к нему и сидевшему за рулем автомашины Круглову подошли Голубов-Потапов и Михоэлс. Михоэлсу он был представлен как «Сергеев». Потом «все отправились ко мне (Шубнякову. – Г.К.) “на квартиру”, т.е. на дачу т. Цанавы»³⁰.

Можно с большой долей уверенности предположить, что ни Михоэлс, ни Голубов-Потапов до самого последнего момента, то есть до тех пор, пока «примерно в 10 часов вечера» (слова Цанавы в записке Берии. – Г.К.) они не въехали во двор загородного дома министра госбезопасности Белоруссии и поджидавшие там оперативники не стали грубо выволакивать их из машины, и не догадывались, что оказались в западне. Поэтому появляющиеся до сих пор в печати драматические сцены насильственного похищения (с нападением и борьбой) двух столичных театральных деятелей есть всего-навсего плоды чьей-то фантазии. Вызывает сомнение и приведенное в записке Берии утверждение Цанавы: «Они (Михоэлс и Голубов-Потапов. – Г.К.) немедленно с машины были сняты и раздавлены

грузовой автомашиной»³¹. Вряд ли события на злополучной даче развивались столь стремительно (это потом они спрессовались в памяти некоторых участников «спецоперации»), хотя, несомненно, детальный сценарий убийства был уже составлен и подготовлено орудие убийства – «студебеккер». Согласно более детальному описанию Шубнякова, после того как он «доложил т. Огольцову, что Михоэлс и агент доставлены на дачу», тот, связавшись в очередной раз с Абакумовым по ВЧ, поспешил сообщить ему эти сведения, а также свои соображения относительно дальнейших действий. Министр госбезопасности «погнал зайца» дальше. «Не кладя трубки», он по АТС Кремля доложил обо всем «в Инстанцию». Проще говоря, Абакумов позвонил Сталину, который, скорей всего, еще находился на своей Ближней даче, так как в тот день он приехал в Кремль только к половине двенадцатого, когда там началось заседание политбюро³².

Очевидно, что Сталин, зарезервировавший санкцию на уничтожение ненавистного артиста, дал ее в последний момент, подтвердив ранее принятое решение имитировать случайный инцидент на дороге. Произошло это, вернее всего, после того как Абакумов, доложил последние данные о ходе «спецоперации» и предложил покончить с Михоэлсом с помощью грузовика. Как именно реагировал Сталин, поведала впоследствии всему миру в своих мемуарах его дочь Светлана, находившаяся в тот момент рядом: «Ему что-то докладывали, а он слушал. Потом как резюме он сказал: “Ну, автомобильная катастрофа”. Я отлично помню эту интонацию – это был не вопрос, а утверждение, ответ. Он не спрашивал, а предлагал эту автомобильную катастрофу»³³.

В ходе того же телефонного разговора Абакумова со Сталиным, наверное, определилась и судьба Голубова-Потапова, которого решено было убрать вместе с Михоэлсом, поскольку он «был в курсе всех агентурных мероприятий, проводившихся по Михоэлсу», «доверием у органов... не пользовался» и, самое главное, оказался в положении «невольного и опасного свидетеля смерти Михоэлса»³⁴.

После этого «спецоперация» вступила в завершающую стадию, которая следующим образом описана в показаниях Шубнякова: «С тем чтобы создать впечатление, что Михоэлс и агент попали под автомашину в пьяном виде, их заставили выпить по стакану водки³⁵. Затем они по одному (вначале агент, а затем Михоэлс) были умерщвлены – раздавлены грузовой автомашиной. ... Убедившись, что Михоэлс и агент мертвы, наша группа вывезла их тела в город и выбросила их на дорогу одной из улиц, расположенных недалеко от гостиницы. Причем их трупы были расположены так, что создавалось впечатление, что Михоэлс и агент были сбиты автомашиной, которая переехала их передними и задними скатами. ... Рано утром трупы Михоэлса и агента были обнаружены случайным прохожим, и на место происшествия прибыли сотрудники милиции, составившие акт осмотра места происшествия. В тот же день судебно-медицинская комиссия подвергла патологоанатомическому вскрытию трупы Михоэлса и агента и установила, что их смерть наступила от удара грузовой автомашиной, которой они были раздавлены...»³⁶

Как видим, убийцы Михоэлса, чтобы замести следы преступления, прибегли к алкоголю, а не к яду, который вообще не упоминается в документах «дела», и на котором, как помним, настаивал Судоплатов.

І АЕІ ОІ ДУА І ДААІ І ЕІ ААІ ЕВ

Конечно, изложенное – версия, но такая, которая в наибольшей степени соответствует известным на сегодня документам и свидетельствам. Она в значительной мере объясняет смысловые нестыковки, имеющиеся в показаниях участников «спецоперации», зафиксированных в начале 1953 года. Хотя, конечно, полностью устранить эти противоречия

вряд ли удастся: они ведь обусловлены абберацией человеческой памяти. Показания давались по прошествии пяти с лишним лет после убийства Михоэлса, когда многое уже позабылось... Едва ли реально разгадать и те тайны, что возникли уже после гибели Михоэлса. Скажем, сегодня нельзя дать точный ответ на вопрос, о чем велась речь на заседании политбюро, начавшемся на исходе недоброй памяти 12 января 1948 года. Оно шло под председательством Сталина с участием В.М. Молотова, А.А. Жданова, Л.П. Берии, А.И. Микояна, Г.М. Маленкова, Н.А. Вознесенского, А.Н. Косыгина, Н.А. Булганина и Л.М. Кагановича³⁷. В таких случаях историкам остается только гадать, но не на кофейной гуще, а апеллируя к косвенным доказательствам.

Возможно, во время этого ночного бдения, закончившегося в 1 час 40 минут, Сталин под большим секретом поведал своим ближайшим соратникам о «преступлении и наказании» Михоэлса или, по крайней мере, прозрачно намекнул на истинную подоплеку трагедии, только что произошедшей в Минске. С помощью этого предположения, в свою очередь, можно сделать логический вывод о том, зачем Сталину еще 10 января, то есть тогда, когда он не только был убежден в виновности Михоэлса, но уже приказал его умертвить, потребовался первый официально оформленный («обобщенный») и доставленный Абакумовым протокол допроса И.И. Гольдштейна, содержавший убийственное для Михоэлса «признание»: «Михоэлс дал мне задание сблизиться с Аллилуевой, добиться личного знакомства с Григорием Морозовым. “Надо подмечать все мелочи, – говорил Михоэлс, – не упускать из виду всех деталей взаимоотношений Светланы и Григория. На основе вашей информации мы сможем разработать правильный план действий и информировать наших друзей в США, поскольку они интересуются этими вопросами”»³⁸.

И поскольку 11 января Сталин в своем служебном кабинете никого не принимал, а объявился в Кремле только на следующий день, точнее – следующей ночью (ночью убийства Михоэлса), мысль о том, что этот протокол понадобился вождю лишь для того, чтобы с его помощью на срочно собравшемся заседании политбюро обосновать необходимость немедленного выполнения минской «спецоперации», представляется вполне разумной. Циничный прагматик Сталин, всегда старавшийся подвести под свои преступления более или менее легитимную, в духе «революционной целесообразности» базу, как бы постфактум огласил заочный смертный приговор Михоэлсу. Примерно так же Сталин поступал в годы «большого террора» 1936–1938 годов, знакомя одного за другим высших партийно-государственных сановников с саморазоблачениями Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева, Н.И. Бухарина и других обреченных им на казнь людей. По этой же методе он действовал и незадолго до своей смерти, когда, тыча в физиономии обескураженных своих соратников доставленные с Лубянки «признания» «врачей-вредителей», пенял им: «Вы слепцы, котята, что же будет без меня? Погибнет страна, потому что вы не можете распознать врагов»³⁹. Дальнейшее развитие этой версии позволяет объяснить, почему Полина Жемчужина, жена присутствовавшего на заседании политбюро Молотова, уже на похоронах Михоэлса не прямо, но давала понять, что его гибель – результат не несчастного случая, как объявили официально, а преднамеренного убийства. И наконец, если допустить, что Сталин в ночь на 13 января 1948 года раскрыл в узком кругу приближенных тайну смерти Михоэлса, становится ясным, что у тирана, помимо прочего, появился веский резон впоследствии арестовать Жемчужину и подвергнуть опале самого Молотова, обвиненного в разглашении (устаи жены) важнейших государственных секретов⁴⁰.

...Более 55 лет назад в Минске было совершено убийство, которое без преувеличения можно назвать преступлением века. Его «заказчик» никак не ответил за это свое злодеяние. Избежали наказания и В.Е. Лебедев, и Б.А. Круглов, и Ф.Г. Шубняков – «непосредственные исполнители» (слова С.И. Огольцова. – Г.К.)⁴¹ подлой акции, обagrившие свои руки кровью невинных жертв. Всех троих Сталин наградил боевыми

орденами Отечественной войны первой степени. Правда, в 1951 году Шубнякова арестовали, но за решеткой он очутился по делу впавшего в немилость у Сталина Абакумова. По горькой иронии истории в 1953 году, то есть уже после того, как был вскрыт преступный характер минской «спецоперации», организованной Сталиным, Шубнякова освободили. Много лет спустя, в сентябре 1995 года, выступая в качестве свидетеля защиты на процессе «Е.П. Питовранов против В.К. Молчанова», он лгал, что сам никого не убивал и что его задачей являлось лишь «установление контактов с Голубовым в целях получения информации о настроениях и планах Михоэлса и передача ее Огольцову и министру ГБ БССР Цанаве»⁴². В 1998 году на 82-м году жизни Шубняков умер, так и не раскаявшись в совершенном преступлении.

Главный разоблачитель убийц Михоэлса Берия, решившийся на расследование минской трагедии, достоин уподобления той закоснелой грешнице, которой, по Достоевскому, было даровано царствие небесное лишь за то, что она однажды в качестве милостыни подала луковицу нуждавшемуся. Хотя, конечно, Берия, арестовавший за участие в убийстве великого актера и Цанаву, и Огольцова, отнюдь не боролся за торжество справедливости, а лишь воспользовался благоприятным случаем, чтобы расправиться со своими личными врагами во власти и поднять среди интеллигенции свой, выражаясь современным языком, общественный рейтинг. После ареста Берии Огольцова выпустили на свободу «полностью реабилитированным» по делу об убийстве Михоэлса. Правда, после падения его покровителя Маленкова Огольцова за другие «грубые нарушения социалистической законности» исключат из партии, лишат генеральского звания и правительственных наград. Цанаве же больше вообще не доведется насладиться свободой: в 1955 году он то ли умер, то ли покончил с собой в заключении.

ÆÁÐÒÀÀ Í ÎËËÒËËË ËËË ÇÀÁÎÁÎÐÀ?

По тому, какие главные побудительные причины современные исследователи усматривают в действиях власти, успешно завершившей «дело Михоэлса», их можно условно разделить на несколько групп. Большинство авторов объединяет приверженность так называемой теории заговора, в рамках которой они мотивируют ликвидацию еврейского артиста по-разному. А.М. Борщаговский, например, считает это политическое убийство «личным заказом» министра госбезопасности Абакумова. Якобы именно он, движимый патологической ненавистью к евреям и их неформальному лидеру, «не позднее сентября 1947 года» замыслил этот заговор и с тех пор ожидал лишь удобного случая, чтобы получить «добро» от Сталина на реализацию своей «злодейской фантазии»⁴³. Аналогичной точки зрения придерживается и Ж.А. Медведев, не исключая, что, распорядившись провести «спецоперацию» в Минске, Сталин попросту пошел навстречу Абакумову. Он даже намекает, что Абакумов ради получения санкции от Сталина на устранение Михоэлса мог специально инспирировать «дело Аллилуевых»⁴⁴.

Медведев также полагает вероятным, что, в конечном счете, Михоэлс пал жертвой борьбы за власть, не утихавшей в партийных верхах. По его мнению, в 1947 году сформировался политический союз Берии и Маленкова. Оба мечтали о захвате власти после смерти Сталина и потому принялись активно интриговать против основного конкурента – Молотова, поддерживаемого членами политбюро Микояном, Кагановичем, Андреевым и номенклатурными работниками еврейского происхождения. Медведев так и пишет: «Заговор против Молотова был спланирован очень умело, но и очень жестоко. Он предусматривал убийство Михоэлса, аресты и расстрелы членов ЕАК, включая Лозовского, и арест Полины Жемчужиной». Чтобы подкрепить это общее и, прямо скажем, во многом спорное утверждение хотя бы какими-то реальными доказательствами, Медведев из-за отсутствия в его распоряжении подлинных фактов вынужден домысливать: «Нельзя исключить и того,

что "Лаврентий Второй" (Цанав. – Г.К.) получил по поводу этой "спецоперации" какие-то секретные инструкции от "Лаврентия Первого" (Берии. – Г.К.)»⁴⁵.

Помимо перечисленных внутривластных факторов, лежащих в основе «дела Михоэlsa», Жорес Александрович называет и внешнеполитические, причем высказывается по этому поводу так же неопределенно и загадочно: «Можно пока только предположить, что уникальные особенности всего этого дела были каким-то образом связаны с более высоким уровнем политики этого периода». Впрочем далее, выстраивая в том же гипотетическом ключе события 1947 – 1948 годов на Ближнем Востоке, он поясняет: в советской номенклатурной верхушке существовало в скрытой форме «лоббирование интересов Израиля сначала как идеи, а затем как государства». Среди главных субъектов подспудного влияния на советские верхи в этом смысле были Михоэлс и Полина Жемчужина, за что они, как дается понять читателю, и пострадали.

Вообще же, в представлении Медведева, послевоенное советское еврейство было как бы «разделено на две основные группы: националистическую и ассимилированную»⁴⁶. Причем, как можно понять из рассуждений автора, всплеск национально-общественной активности советских евреев был во многом вызван Холокостом и историческими событиями на Ближнем Востоке, увенчавшимися образованием государства Израиль. Отсюда и соответствующая интерпретация тогдашней «еврейской политики» Сталина, которая, хотя и квалифицируется как латентный государственный антисемитизм, но вместе с тем во многом являет собой вынужденный ответ режима на брошенный ему вызов. Медведев полагает: «Антисемитизм Сталина... не был ни религиозным, ни этническим, ни бытовым. Он был политическим и проявлялся в форме антисионизма, а не юдофобии... Антисионизм Сталина наиболее заметно проявился после войны, когда “еврейский вопрос” стал острой международной проблемой... Государственный антисемитизм был скрытым и маскировался как борьба с космополитизмом. Он возник как неизбежная реакция властей на рост еврейского национализма, возникшего в результате нацистского геноцида евреев». И главное: действия Сталина «не были попыткой ликвидации евреев по примеру гитлеровского геноцида. Это была серия превентивных репрессивных мер в ответ на появившиеся и в СССР “эмиграционные” настроения, которые стимулировались и поощрялись политикой нового еврейского государства и его спонсорами»⁴⁷.

Правда, говоря о сионистских симпатиях советских евреев и о том, что осенью 1948 года они обрели характер массовых стихийных демонстраций во время посещений первым посланцем Израиля Г. Меир Московской хоральной синагоги и еврейского театра, Медведев тут же, словно в пику самому себе, пытается доказать, что эти бурные проявления национального самосознания были отнюдь не спонтанными, а, скорей всего, инспирированными властями, искавшими «убедительного повода» для расправы с ЕАК⁴⁸.

С этим умозаключением тоже нелегко согласиться. Ведь в те месяцы массовыми были и другие формы солидарности советских евреев с Израилем: в ЕАК поступило множество просьб об эмиграции, поступили и предложения сформировать целые дивизии добровольцев, готовых сражаться за независимость исторической родины. Известны сотни случаев моральной поддержки Израиля в этой борьбе. Вряд ли симитировать все это было под силу даже могущественной советской номенклатуре. И потом, по воле ее демиурга Сталина 21 сентября 1948 года в «Правде» появилась специальная статья И.Г. Эренбурга, отнюдь не провоцировавшая, а, напротив, предостерегавшая советских евреев, подавшихся магии сионизма.

Такое представление Медведевым глубинных причин антагонизма между Сталиным и евреями, на первый взгляд, вроде бы переключается с позиции известного

идеолога неопочвенничества В.В. Кожина, довольно успешно занимавшегося в последние годы жизни исторической публицистикой и рассматривавшего «еврейскую политику» Сталина исключительно как производную от послевоенной ситуации на Ближнем Востоке. Однако, по сути, эти авторы – антиподы. Если Медведев, как мы успели убедиться, так или иначе признает существование сталинского официального антисемитизма, то Кожин, напротив, его решительно отрицает. «Нет реальных оснований, – утверждает он, – усматривать антисемитизм как таковой в поведении власти и в ее верховном носителе Сталине»⁴⁹. Для Кожина расправа над руководством ЕАК – всего лишь случайное следствие «решительного поворота Израиля в сторону США... к концу 1948 года», когда в СССР стали искать виновных за прежний, оказавшийся тупиковым курс на сотрудничество с сионистами. То есть в трактовке Кожина сталинские гонения на евреев выглядят на сто процентов спровоцированными чисто внешней причиной – переходом Израиля под военно-политическую эгиду США и никоим образом не обусловленными внутренней ситуацией в стране.

Однако такое объяснение поверхностно и не исчерпывает сути проблемы. Не ясно, скажем, почему Сталин не довольствовался расправой над руководителями ЕАК, которых, как полагает Кожин, считал повинными в дезинформации советского правительства относительно благоприятных перспектив сотрудничества с Израилем. Почему пошел значительно дальше – разгромил еврейскую культуру, а потом начал тотальную антиеврейскую чистку в управленческих структурах. Вместе с тем, существуют документы (в том числе докладная записка Абакумова Сталину и другим членам политбюро от 26 марта 1948 г.), свидетельствующие, что власти в СССР даже до образования Израиля и последующего всплеска национальных эмоций в советском еврействе вынашивали репрессивные антисемитские планы⁵⁰.

Не решаясь полностью отринуть этот более чем убедительный аргумент, Кожин стремится хотя бы принизить его значимость, утверждая, будто «нет оснований полагать, что тот или иной “компромат” на деятелей ЕАК представлял для них реальную (курсив Кожина. – Г.К.) угрозу до конца 1948 года; перед нами своего рода рутинное занятие органов НКГБ – МГБ, а также ЦК ВКП (б)». Но поскольку данное утверждение явно противоречит такому важному и самоочевидному факту, как тайное устранение Михоэlsa госбезопасностью (кстати, оно тоже осуществлено до создания государства Израиль), нашему неопочвеннику не оставалось ничего другого, кроме как, по крайности, бросить тень сомнения на эту, по его слову, «версию» смерти великого трагика. С его точки зрения, она «не обладает стопроцентной достоверностью», поскольку «единственный подтверждающий ее документ (записка Берии Маленкову от 2 апреля 1953 года. – Г.К.) имеет весьма сомнительный характер»⁵¹. Между тем, эта записка – далеко не «единственное» прямое доказательство в пользу оспариваемой В. Кожинным «версии». Существует, по крайней мере, еще одно доказательство, о котором литератор, конечно, не мог не знать: широко обсуждавшиеся в СМИ свидетельские показания Ф.Г. Шубняка на упоминавшемся судебном процессе 1995 года, где тот публично признал факт тайного убийства Михоэlsa, совершенного сотрудниками МГБ по приказу из Кремля⁵².

Очень жаль, что почвенническая идейность и явная апологетика Сталина, бьющие ключом в книге Кожина, в значительной мере свели в ней на нет несомненно присущую этому автору оригинальность в выборе нестандартных исследовательских подходов.

В отличие от Кожина Медведева трудно заподозрить в намеренном препарировании фактов по идеологическим соображениям. Если он в чем-то и грешит против истины, то не потому, что отработывает некий социальный заказ, а просто в силу

незастрахованности каждого автора от ошибки. То же самое можно сказать и о его приверженности «теории заговора», кстати, достаточно умеренной.

Если кого и можно назвать настоящими мастерами «заговорщического» жанра, так это упоминавшихся уже Судоплатова и скандально известного Мухина, выступающего с махрово-шовинистической позиции. Мухин противоречит не только очевидным фактам, но и элементарному здравому смыслу (отрицает какую-либо причастность Сталина к гибели Михоэлса).

Ì ÍÀÈÈÚÍ ÚÈ ÈÀÌ ÁÍ ÛÑÍÈÍÌ ÍÍÁ Ì ÈÕÍÝÈÑÀ, Ñ ÍÁÁÍ ÈÑÚÏ ÍÀ ÐÕÑÑÈÍÌ È ÈÁÈÐÁ

Автор же этих строк считает, что главной причиной и тайной расправы над Михоэлсом, и последовавших спустя год арестов деятелей ЕАК, и уничтожения еврейской культуры, а также развернувшихся следом чисток (по «пятому пункту») управленческого аппарата, стало послевоенное усиление государственного антисемитизма в стране, вызванное обострением холодной войны и личной юдофобией Сталина. Что касается национализма евреев, то, будучи далеко не поголовным, он тоже нарастал в тот период и не только под влиянием «ближневосточного чуда» (создания государства Израиль), но и под влиянием народной памяти о трагедии Холокоста, а также из-за усиления шовинизма в советской пропаганде и в повседневной жизни. Но эта национальная ажитация была не причиной, а лишь катализатором антиеврейских гонений, запрограммированных поздним сталинизмом как репрессивной системой власти, пораженной ксенофобией.

В целом же в книге Медведева отчетливо просматривается тенденция несколько приуменьшить роль Сталина в принятии властных решений вообще и в реализации «еврейской политики» в частности. В этом мы уже успели убедиться на примере глав о «деле Михоэлса». Приблизительно под тем же соусом подаются и обстоятельства тайного роспуска ЕАК. Полагая, что «...комментарий Костырченко о том, что “судьбой ЕАК единолично распорядился сам вождь”, вряд ли можно считать бесспорным», Медведев особо отмечает тот факт, что 20 ноября 1948 года, в день выхода соответствующего постановления политбюро ЦК ВКП (б), Сталина не было в Москве; он находился на отдыхе в Закавказье. Отсюда предположение: диктатор, скорее всего, лишь заочно одобрил подготовленное аппаратом (Маленковым) решение, в котором «профессионально» было заинтересовано главным образом МГБ. В подкрепление этого вывода приводится выдержка из выступления Н.С. Хрущева на июльском, 1953 года, пленуме ЦК КПСС, где тот бичевал практику фальсификации «органами» политических дел⁵³, а также довольно пространное рассуждение по поводу, в общем-то, малозначимой в данном случае и носящей технический характер детали – присутствия под упомянутым постановлением вместо «живой» подписи Сталина так называемого «факсимиле».

Подобную аргументацию нельзя признать убедительной. Ведь известно, что Сталин вплоть до последних дней жизни решительно пресекал всякие попытки бюрократии манипулировать им, грозя «проклятой касте» жестокими карами, если та попытается сделать из него, как он, между прочим, выражался, «факсимиле». Что касается упомянутой речи Хрущева, произнесенной, кстати, сразу после ареста Берии, то она носила кампанейский пропагандистский характер. Подобные инвективы всегда звучали из уст советских партийно-государственных лидеров, когда олицетворявшемуся ими политическому режиму требовалось в очередной раз переложить ответственность за совершенные преступления с политического руководства и «безгрешного» партаппарата (несущей конструкции этого режима) на очередного козла отпущения.

Конечно, если разбираться конкретно, то с конца 1947 года МГБ настойчивей, чем аппарат ЦК ВКП (б), добивалось применения радикальных мер в отношении ЕАК. Но эта силовая структура давно была приучена вождем работать в основном именно такими методами – при том, что главную роль все равно играл Сталин. Возможно, лично он и не подписывал ликвидировавшего ЕАК постановления политбюро, но безусловно инициировал его и даже готовил, привнеся в формулировки этого документа только ему присущий, характерный стиль.

Такое смещение акцентов, обусловившее явную переоценку Медведевым роли органов госбезопасности в убийстве Михоэлса и «деле ЕАК», не могло не сказаться на авторском отношении к личности тогдашнего шефа МГБ Абакумова. Последний представлен «малообразованным и жестоким человеком», обладавшим «большой физической силой» и лично избивавшим заключенных, «добиваясь нужных показаний»⁵⁴. Формально в таком описании все вроде бы соответствует действительности. И Солженицын («В круге первом») изображает Абакумова так же. Вместе с тем в этой характеристике, содержащей типичные для выходца из диссидентского лагеря оценки, чувствуются огорчительная банальность, недодуманность. Эта же историческая фигура предстанет не в одном только мрачном свете, если попытаться пристальней взглянуть на нее сквозь призму открывшихся в последние годы фактов. Тогда в нарисованном литераторами и историками зловещем образе станут заметными и трагические черты.

Уже одно то, что Абакумов в отличие, скажем, от Ежова или Берии не был партфункционером, а, значит, и политиканом, – фактор сам по себе примечательный, сыгравший немаловажную роль в формировании личности этого человека. По отзывам углубленно изучавших биографию Абакумова известных писателей В.О. Богомолова (автора почти культового романа «В августе сорок четвертого») и К.А. Столярова, впервые на основе ранее засекреченных архивов осветившего в документальной повести «Голгофа» теневую сторону послевоенной деятельности советской госбезопасности, этот человек хотя и был интеллектуально примитивен, груб и не отличался изысканностью манер, но вместе с тем обладал живым природным умом, здравым смыслом, а также в известной мере чувством собственного достоинства. Возглавляя в годы войны армейскую контрразведку «Смерш», он имел дело с реальным, достаточно серьезным противником и был, в отличие от Сталина, уже тогда непосредственно руководившего им, психологически устойчив. Абакумов и после войны выказывал больше рвения в борьбе с врагом настоящим, открытым – вооруженными отрядами националистов-сепаратистов в Прибалтике и на Западной Украине, – нежели с, так сказать, умозрительным, сотворенным больным воображением Сталина. Ему были присущи безусловная сила характера, личная храбрость и даже относительная самостоятельность позиции в связи с крупными политическими делами, которые ему пришлось фабриковать по воле того же Сталина. Будучи искренне убежден: «Мы солдаты, что прикажут, то и должны делать»⁵⁵, Абакумов, тем не менее, не давал хода «делу врачей», отрицал наличие «террористических намерений» у арестованных в начале 1951 года молодых евреев, входивших в так называемый «Союз борьбы за дело революции», спустил на тормозах «дело ЕАК». Показателен и такой малоизвестный факт. Когда в феврале 1949 года тогдашний глава агитпропа ЦК Д.Т. Шепилов, которого Борщаговский, изобразил в своих «Записках баловня судьбы» чуть ли не как благородного защитника травимых в то время «космополитов», официально попросил Абакумова «разобраться» со «сборищами» «глубоко враждебной... антипатриотической группы... театральных критиков в московском ресторане “Арагви”»⁴, то оставил этот донос без последствий⁵⁶.

Другими словами, Абакумов был хоть и преданным псом кремлевского «хозяина», но таким, который отнюдь не всегда угождал его капризам. Диктатор не мог этого не почувствовать и с годами все больше не доверял Абакумову. В феврале 1950-го в качестве

альтернативы следственному изолятору МГБ Сталин распорядился создать для содержания и допросов наиболее опасных в его глазах политических преступников «особую тюрьму» на Матросской Тишине, руководство которой поручил Маленкову и Шкирятову.

Ну и, конечно, Борщаговский сильно погорячился, написав применительно к Абакумову об «отравленном сознании махрового юдофоба, для которого само звучание еврейских имен, “запах крови”» были «гарантией преступности»⁵⁷. Реальная действительность опровергает писателя. Уличенного в «обмане партии» Абакумова в июле 1951 года сняли по приказу Сталина с поста министра госбезопасности и арестовали, обвинив в покровительстве еврейским националистам в МГБ. Так стараниями печально известного подполковника М.Д. Рюмина возникло «дело Абакумова-Шварцмана». Характеризуя Абакумова в тот период его жизни, Борщаговский уже не столько осуждает, сколько симпатизирует: «Личная доблесть, хотя и извращенная злодейством, была присуща ему самому. Никакие пытки и издевательства над ним Рюмина не сломили Абакумова до самой казни...»⁵⁸ В декабре 1954 года Абакумова с явной поспешностью расстреляли. Видимо, потому, что он слишком много знал о темных сторонах прошлого бывших соратников Сталина, наследовавших власть в СССР.

1 Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М.: ТОО «Гей», 1996. С. 350.

2 Там же.

3 Медведев Ж.А. Сталин и «дело врачей». Новые материалы// Вопросы истории. 2003. № 1. С. 82.

4 Медведев Ж.А. Сталин и еврейская проблема. Новый анализ. М.: Права человека, 2003. С. 17.

5 Там же. С. 17,18.

6 Мухин Ю.И. Убийство Сталина и Берия. М.: Крымский мост - 9Д, Форум, 2002. С. 663-673.

7 Левашов В.В. Убийство Михоэlsa. М.: Олимп, 2003. С. 400-408.

8 Попов А.Ю. 15 встреч с генералом КГБ Бельченко. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 274,275.

9 Медведев Ж.А. Сталин и еврейская проблема. Новый анализ. С. 23, 24, 55.

10 Борщаговский А.М. Обвиняется кровь. М.: Прогресс-Культура, 1994. С. 11.

11 Медведев Ж.А. Указ. соч. С. 57, 58.

12 Там же. С. 25.

13 Исторический архив. 1996. № 5-6. С. 23.

14 Центральный архив ФСБ РФ. Показания арестованного В.И. Комарова от 15-22 июля 1953 г.

15 Левашов. Указ. соч. С. 400.

16 Шатуновская Л. Жизнь в Кремле. N.Y.: Chalidze Publication, 1982. С. 272.

- 17 Вовси-Михоэлс Н. Мой отец Соломон Михоэлс. Воспоминания о жизни и гибели. М.: Возвращение, 1997. С. 191.
- 18 Там же. С. 192.
- 19 Левашов В.В. Указ. соч. С. 405.
- 20 Михоэлс Соломон Михайлович. Статьи, беседы, речи. Воспоминания о Михоэлсе / Под ред. К.Л. Рудницкого. М.: Искусство, 1964, С. 504.
- 21 Ваксберг А.И. Из ада в рай и обратно. Еврейский вопрос по Ленину, Сталину и Солженицыну. М.: Олимп, 2003. С. 301, 302.
- 22 Костырченко Г.В. В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. М.: Международные отношения, 1994. С. 346.
- 23 Как показал С.И. Огольцов, Судоплатов лично не был информирован о «спецоперации» (Левашов В.В. Указ. соч. С. 400).
- 24 Левашов В.В. Указ. соч. С. 404, 405.
- 25 Медведев Ж.А. Указ. соч. С. 58; Борщаговский А.М. Указ. соч. С. 80.
- 26 Левашов В.В. Указ. соч. С. 400.
- 27 Там же. С. 407.
- 28 Борщаговский А.М. Обвиняется кровь. С. 3; Гейзер М.М. Михоэлс: жизнь и смерть. М.: Гласность, 1998. С. 270
- 29 Борщаговский А.М. Записки баловня судьбы. М.: Советский писатель, 1991. С. 152,153.
- 30 Левашов В.В. Указ. соч. С. 407.
- 31 Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы /В. Наумов, Ю. Сигачев. М.: МФ «Демократия», 1999. С. 27.
- 32 Об этом свидетельствует первая и единственная за 12 января 1948 г. запись в журнале регистрации посетителей кремлевского кабинета Сталина (Исторический архив. 1996. № 5-6. С. 25).
- 33 Аллилуева С.И. Только один год. М.: Книга, 1990. С. 134.
- 34 Левашов В.В. Указ. соч. С. 401, 407.
- 35 Ж.А. Медведев почему-то пишет, не ссылаясь при этом на какие-либо источники, что «экспертиза не установила наличие алкоголя в крови умерших» (указ. соч. С. 19).
- 36 Левашов В.В. Указ. соч. С. 407.
- 37 Исторический архив. 1996. № 5-6. С. 25.
- 38 Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М.: Международные отношения, 2003. С. 384.
- 39 Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 155.

- À àfòù èè á yòfí íááàíàèí ìfòù? Áááú Áíòùááààééé á ìíííááíáé éíéá («Çàíéíéé ááéíáí y ñáááú». - Á.É.) Íá yòèò ìáúòèyò áñ óéá ðáííéáçàé è áíáíéúí òí-íí.

- Èçàéíéòá, Áí èòðéé Òðíòéí íáé-, íí á ìíííááíáá áñáí y á áúáòáí Òáíòðáéúííí ìáðòééíí áðòéáá áúé ðáííéðá-áí òyá ááéíúò áíéòí áíòíá éíòíòùá áíííyò ì ííá ííáá á òí, í -áí íáíéíáé Áíòùááààééé á 1991 ááá. Í íáéé áú áí íçíáéíí èòúíy ñyòéí è ì áòáðéáéáí è ì òíéíí ì áíòéòíááòúéò?

È òòò á ðáçááíðá íáñòóíééá íááíéúòá y íáçà Íá òíí éííòá ìðíááá ì íé ìáááííééé, ááíðéáòéé áí yòíá á áíáðíáéááòáéúíí-ìéíííáéòáéúííí òííá, áéáéí í, ìááááðéáéé ðíéúòáíííá Áíéíðá íí çáááíðééé áííáí, íí íò áá áéááááòéy íá ìíòáéíííí è ñéááá Á áéííá ìííéúòáéíy ì áòáéé, áúðááíòáííúé áááí è áúéíá íáðòééíí-áíííááòíòááíííá íá-áéúíòáíáíéy:

- Éáééá áúá òáí áíéóí áíòú áí íáíáðúéééé?

Ñíðííéé íí ñòðíá, íí ííòíí, áéáéí í, óíyá íááíéúíúé áíáá, ñòíí áíáááéé:

- È ìíáéáéíéç, y íá ì íáò ñ ááí è áíòðáòéòúíy, òáé éáé á áééáééòáá áñáí y éíáéííí á áíéúéòá Ííçáíéòáí íáííòíí.

Éíááá -áðá: Íáíéíéúéí ì áíyòáá y ííyòú íáðáòééíy è Òáíééíáó è áííáí ííéò-éé íòéáç, òí íííyé, -òí ì íy íáááéáá íá áíòðá-ó íáðáéúí á.

ФИГУРА ТРАГИЧЕСКАЯ

Ááí ääèèò Ñáðí îá

Как я уже говорил, моя литгазетская статья про Евтушенко и Вознесенского печаталась в двух номерах: первая ее часть в одном номере, а окончание должно было появиться в следующем. Но в следующем оно не появилось, потому что в промежутке между этими двумя номерами как раз и разразился скандал.

Раздался звонок из ЦК – от «дяди Мити», как все мы тогда называли курировавшего нас и литрами пившего из нас кровь Д.А. Поликарпова – того самого, которому Сталин некогда сказал свою знаменитую фразу: «В настоящий момент у меня нет для тебя других писателей: хочешь работать – работай с этими».

«Дядя Митя» был человек неординар

ный. Когда он умирал (от рака), он сказал жене, что если умрет после 15го числа, пусть она – так и быть! – возьмет «кремлевку» (полагающийся ему кремлевский паек) за этот месяц. А если он отдаст концы до 15го, чтобы ни в коем случае не смела его брать: обманывать партию он ей не разрешил.

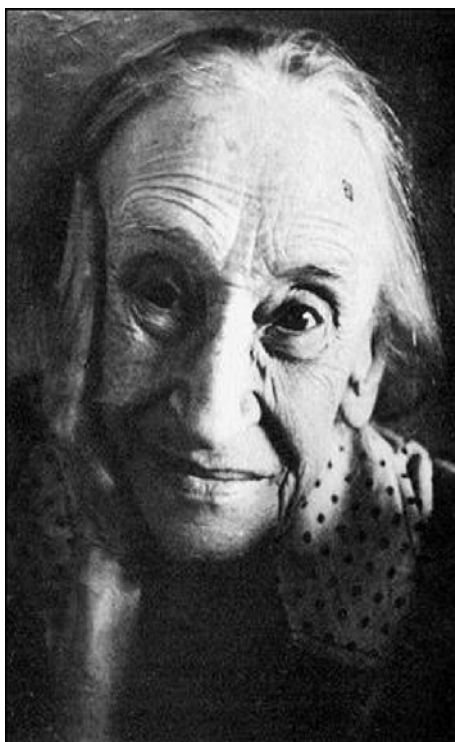
В то время, я думаю, уже не много осталось цековских чиновников, которые проявляли бы такую суровую щепетильность в своих отношениях с «партийной кормушкой».

Но неординарность, я бы даже сказал, уникальность «дяди Мити» проявлялась не только в этом.

В отличие от подавляющего большинства тогдашних партийных бонз он был идейным. Он был последышем тех «неистовых ревнителей», которые исполняли свои партийные обязанности, как выразился однажды Маяковский, «не по службе, а по душе».

Нам (не только нам, а всем, кого «дядя Митя» курировал, за кем следил своим бдительным оком) от этого было только хуже. Но к «Литгазете» он относился с особой, повышенной бдительностью.

– Вашу газету, – сказал он однажды Михаилу Матвеевичу Кузнецову, который был у нас тогда заместителем главного редактора, – я читаю с карандашом в руке.

Самый первый ее номер ОЕ ЕІ НН Аі е о д е е А е а е т т а е - І т е е а д і т а а н е - а е і а е і а і д а е і а д і н е.

Именно вот так, с карандашом в руке, наверно, прочел он и мою несчастную статью. То есть – первую ее часть.

О том, что происходило в промежутке между публикацией первой и второй частей моей статьи (вторая ее часть, хоть и с опозданием, тоже была напечатана), я еще расскажу. А пока – о скандале, разразившемся после появления первой ее части.

Главного редактора газеты вызвали в ЦК – «на ковер», как это тогда называлось. Грубую ошибку газеты предлагалось немедленно исправить, а политически вредную статью дезавуировать.

Выполнить эту роль – загодя, еще до того, как решился вопрос с публикацией второй части, – поручили Александру Львовичу Дымшицу, всегда готовому к услугам такого рода. За эту готовность его прозвали «Председателем еврейской секции Союза русского народа». И ходила тогда о нем такая эпиграмма:

Оаі і а і а а а і і і о о а і д а е а о

Н е а а і і а а е а а і і і о с а д а е.

Оаі А а і е о і а е і д і о е о і і а е а о -

І і а і і а а а е а і о і е а і а е.

Как видите, репутация у Александра Львовича в то время была уже вполне определенная.

Отдел литературы «Литературной газеты» был расположен на шестом этаже большого литгазетского здания. Но наши кабинеты располагались только по одну – правую – сторону коридора. А напротив, на левой его стороне, располагалась редакция газеты

«Литература и жизнь» – «ЛИЖИ», как все ее называли. Дымшиц работал в «ЛИЖИ», он был там заместителем главного редактора. И мы постоянно сталкивались с ним в этом нашем длинном коридоре.

Идя мне навстречу, он, бывало, еще издали протягивал вперед свою коротенькую ручку и с какой-то особенной, подчеркнутой настойчивостью пожимал протянутую в ответ мою. Когда я выразил кому-то свое удивление по этому поводу (мы ведь, в сущности, были едва знакомы, к тому же встречались ежедневно, так что вполне можно было ограничиться и простым кивком), мне со смехом ответили, что в Ленинграде, откуда Александр Львович недавно перебрался в Москву, ему уже давно никто руки не подает, поэтому, мол, он и рад каждому представившемуся случаю обменяться с кем-нибудь рукопожатием.

И вот настал и мой час не подать ему руки. В тот день, когда появилась его статья, избличающая меня во всех смертных грехах, мы, как обычно, столкнулись с ним в коридоре, и он, как обычно – нет, даже с особой, более чем обычно подчеркнутой доброжелательностью протянул мне свою коротенькую ручку (дело, мол, делом, но на наших личных отношениях это никак не должно отразиться), я сделал вид, что этой протянутой руки не заметил, и с высоко поднятой головой прошел мимо.

Это был, вероятно, не самый лучший поступок в моей жизни. Ведь раньше я с ним здоровался. А статьи, которые он – во множестве – писал раньше, наверняка были не лучше той, героем которой стал я. Но мне тогда казалось, что эта его статья была какой-то уж особенно гадкой, что на этот раз Александр Львович далеко превзошел все прежние свои неpotребства.

Сейчас, вспоминая об этом, я не зря написал «казалось». Подумал, что это, быть может, и в самом деле мне только показалось. Знаете, как это бывает, – одно дело, когда бьют по чужой заднице, и совсем другое, когда – по твоей.

На всякий случай я решил себя проверить: отыскал ту старую статью Дымшица и перечитал ее.

Перечитывая, вспомнил, что особенно меня тогда возмутило ее заглавие: «Надо доругаться!» Мало того, что подлец Дымшиц больно хлестнул меня фразой моего любимого Маяковского: это ведь была не простая фраза, а последняя реплика предсмертного письма Владимира Владимировича, обращенная к ненавидимому мною Ермилову. Выходило, что я – заодно с подлецом Ермиловым, а он, Дымшиц – с Маяковским.

Но заглавие – это только цветочки.

Опуская пронизывающую всю его статью фальшивую советскую риторику («Мы – в походе. И мы обязаны оберегать ритм нашего исторического марша»), я приведу здесь всего один, особенно тогда возмущивший меня абзац, почти сплошь состоящий из перечня имен поэтов, якобы активно работавших и создававших свои шедевры в то самое время, о котором я писал как о времени застоя и упадка. На самом деле, уверял Дымшиц своего (и моего) читателя, и тогда, в мрачные годы культа личности, советская поэзия была на очередном историческом подъеме.

«Не хочется прибегать к перечням, чтобы опровергать ими Б. Сарнова. Но трудно обойтись без них. Самое беглое обращение к литературной хронике послевоенных лет разбивает в пух и прах странные домыслы критика. Разве “цельнометаллического” героя воспевали тогда наши старейшие мастера – Н. Тихонов, Н. Асеев, А. Прокофьев, И.

Сельвинский, В. Луговской, В. Инбер, С. Маршак, М. Исаковский, С. Щипачев, М. Светлов, А. Сурков? Разве не в ту пору были созданы Александром Твардовским его “послевоенные стихи” и возник у поэта широкий замысел “За далью – даль”? Разве блистательная книга Константина Симонова “Друзья и враги” не представила нам большой духовной красоты и силы революционного лирического героя? Разве не писали в то время и не создавали прекрасных произведений М. Алигер и Я. Смеляков, С. Кирсанов и Н. Рыленков, С. Смирнов и В. Рождественский, Е. Долматовский и О. Берггольц, Н. Заболоцкий и Л. Ошанин, С. Наровчатов и А. Софронов, П. Антокольский и С. Васильев, В. Шефнер и Н. Ушаков? Разве не в ту пору читатели накрепко полюбили поэзию Н. Грибачева, С. Орлова, М. Дудина, М. Луконина, А. Межирова? Разве не именно тогда так ярко засветилась (рано погашенная смертью) деятельность С. Гудзенко, А. Недогонова, П. Комарова?.. Наконец, разве можно “забыть” об огромных успехах поэтов братских народов – украинских, белорусских и многих, многих других? Ведь “забыть” о них – это как раз и значит забыть про “часовую стрелку”».

Ложь этого длинного перечня состояла даже не в том, что на «семь пар чистых» у Александра Львовича тут пришлось семьдесят семь «пар нечистых». И даже не в том, что «чистые» и «нечистые» выступали у него в одной паре (Заболоцкий – в паре с Ошаниным, Антокольский – с Сергеем Васильевым, Наровчатов – с Софроновым). Особая подлость этого благостного списка заключалась в том, что в то время Анатолий Софронов воспевал казачий «ремянный батожок»:

Í ðèí èì àé-èà, ì íé äðæíé,

Ñæé ðàì ýííúé ààòíæíé..

Áíëé íááí - íí çàúòèò,

Áíëé íááí - çàúí-àò...

Áæé, ðàì ýííúé ààòíæíé,

Í í ñúæàì, íí æàçàì,

Í í çúàì è íí óúàì,

Áæé íí ì í ðàà äàðàýíííé!

× òí ííííðèèóí- í á áááá,

Áæé, ðíæèì úé, áæé, ðàì ýííúé,

Çàíéàòáííúé á òðè ðýáá..

Í íé òíáàðèù, ì íé äðæíé,

Áæé, ðàì ýííúé ààòíæíé!

Где-то в Антисе «Е-о-о-у-и-и-е...»

И не только воспевал, но и, размахивая этим «ременным батожком», нещадно лупил им (вместе с Сергеем Васильевым, автором знаменитой поэмы «Без кого на Руси жить хорошо») «безродных космополитов». А Павел Григорьевич Антокольский, выступающий у Дымшица в паре с автором той юдофобской поэмы, как раз и был тогда вот этим самым «безродным космополитом» и получал вот этим самым «ременным батожком» и «по сусалам, и по глазам», и по прочим чувствительным местам.

В том Дымшицевом списке не было, конечно, ни Ахматовой, ни Пастернака, ни даже на десять лет выброшенного из советской поэзии Мартынова (после статьи Веры Инбер «Нам с вами не по пути, Леонид Мартынов!»). Но кое-какие громкие имена там все-таки были, и читателя, не вникшего в существо спора, список этот мог, пожалуй, и обмануть.

Но читателю, более или менее ясно представлявшему, какая реальность стояла за каждым таким именем, запудрить мозги было все-таки трудно.

Вот, например, Тихонов. Первыми своими стихотворными сборниками («Орда» и «Брага») сразу поставивший себя в ряд с самыми знаменитыми тогдашними русскими поэтами (помните, у Багрицкого «А в походной сумке – спички и табак, Тихонов, Сельвинский, Пастернак?»). Но в 40-х и 50-х он превратился в безликого, жалкого и убогого графомана.

В то самое время, о котором я сейчас вспоминаю, был у меня разговор на эту тему с Николаем Николаевичем Асеевым.

Я выразил изумление по поводу того, что Тихонов, начинавший так талантливо и ярко, начисто утратил не только какие-либо признаки поэтического дара, но даже и остатки простого умения более или менее грамотно укладывать слова в стихотворные строки.

Причина этой катастрофы была мне более или менее ясна. Но Николай Николаевич пролил на эту загадку дополнительный свет, рассказав мне такую историю.

Сидели как-то они с Тихоновым в ложе во время какого-то торжественного собрания. Возможно даже, это было на первом писательском съезде. Сидели и разговаривали о чем-то, как казалось Асееву, одинаково важном и интересном для обоих.

– И вот я замечаю, – рассказывал Николай Николаевич, – что он меня не слушает. Покраснел весь, напрягся...

Оказалось, что с трибуны зачитывали список лиц, предлагавшихся в президиум высокого собрания. И Тихонова в этот момент больше всего на свете интересовало: будет или не будет сейчас упомянута и его фамилия. Ясное дело, что тут уж ему было не до Асеева, и не до какого-то отвлеченного их разговора о каких-то там высоких материях.

Рассказав эту историю, Николай Николаевич махнул рукой и – заключил:

– Тут я понял: говно!

А о себе Николай Николаевич рассказал мне однажды, как орал на него и топал ногами Щербаков, распекая за «политически вредное» стихотворение «Надежда».

Стихотворение было такое:

*Í àñèëüá ðí àèò í àñèëüá,
È èí àeü öí í í àè ààò èí àeü
Èí àüà àüü ááðò çà ã ðèí -
Áñò àñò ááí í í àçüò üñý çà í í àe.
Í í í í àe í àçü ààò üñý ò ú í àe
è, àñý àü àáýñí á èáç àe á
í à- àò ü í àðí àe ò ü í ò í ú í á
èè öü á í àí í ò ðà àe áí ü à ñá á -
í àò, ý ò í à ÿ í á ññ áþ,
è ý ò í à ÿ í á ññ í àë
í ò ý ðñ ò è í í àí áþ,
í í á ý ðñ ò è í á ññ èáñ!
Ó àñò óàèá- áí í ú ò áí àí
í àá àe àà àe è áàò á è þ áí í :
í ú ðèè í ò è ðñ àe í ò í í àí*

è àúçí ñ èèòà î ò ðèääááí ...

Стихотворение это, – рассказывал Николай Николаевич, – написалось у него в 41-м, под впечатлением жуткой картины, которой он сам был свидетелем. После разгрома немцев под Москвой он с Фадеевым отправился в прифронтовую зону, в места, только что освобожденные от врага. И там, в одной из освобожденных деревень он увидел местных деревенских ребятишек, которые лихо скатывались с обрыва на обледеневших немецких трупах – как на салазках.

Макабрическое зрелище это привело старого поэта (впрочем, он был тогда не таким уж и старым) в ужас, и своими мыслями по этому поводу он поделился с Фадеевым. Фадеев на него наорал, обозвал абстрактным гуманистом и жалким интеллигентиком, не способным разделить чувство священной ненависти к врагу, которым охвачен весь советский народ, включая малых детей. В ответ на эту фадеевскую отповедь Асеев и написал тот стишок, прочитав который его вызвал «на ковер» всесильный секретарь ЦК ВКП(б).

Щербаков школил его как классный наставник проштрафившегося гимназиста. А ведь Асеев был – классик, лауреат самой первой, только что учрежденной незадолго до войны Сталинской премии.

Да что Асеев (классик там или не классик, а все-таки – чужой), если даже своему в доску Алексею Суркову вlepили большого партийного дрозда за его недостаточно оптимистичную «Землянку». Ну а Заболоцкий, Смеляков и Ольга Берггольц – так они в те незабвенные времена, когда «читатели накрепко полюбили поэзию Н. Грибачева», и вовсе пребывали в местах отдаленных.

Все это (и еще многое другое) А.Л. Дымшиц знал, конечно, не хуже меня. Но, как любил говорить в таких случаях мой друг Иосиф Самойлович Шкловский, поганому виду немае стыду.

Нет, пожалуй, я все-таки не зря не подал тогда ему руки. И не зря решил, что той своей статьей он побил все тогдашние – даже свои собственные – рекорды подлости и наглости, беззастенчивой лжи.

Тут, кстати, надо сказать, что так думал тогда не я один. Все – даже не слишком близкие – мои литературные знакомые (и даже полужнакомые), с кем мне тогда доводилось встречаться, сразу заговаривали со мной об этой Дымшицевой статье, спешили выразить свое сочувствие и солидарность и – в один голос – повторяли:

– Не понимаю, что случилось с Дымшицем! Я помню его по Германии. Он так замечательно вел себя там в тогдашней своей должности!

Сразу после капитуляции Германии майор Дымшиц был назначен ответственным за немецкую культуру. В составе советских оккупационных войск он был чем-то вроде министра. Он организовывал какие-то пайки голодавшим немецким писателям, актерам, художникам. Роль его в послевоенной Германии была огромной. Сам он, смеясь, говорил, что был тогда в должности Геббельса. (Он, конечно, говорил, – анти-Геббельса.) О майоре Дымшице, который стал тогда их спасителем, много лет спустя с придыханием вспоминали Эрнст Буш и Елена Вайгель – блистательная актриса, вдова Брехта.

Такова была легенда, сомневаться в истинности которой у меня не было никаких оснований. И поэтому, когда все, кто заговаривал со мной на эту тему, в один голос повторяли: «Не понимаю, что стало с Дымшицем!», я только кивал и разводил руками.

Помню, и Константин Михайлович Симонов, к которому я приезжал тогда по каким-то литгазетским делам, тоже произнес эту сакраментальную фразу: «Не понимаю, что стало с Дымшицем! Он так хорошо вел себя в Германии!»

И только один Эренбург, когда я в ответ на какие-то его брезгливые слова о Дымшице повторил, как попугай, эту расхожую формулу, отреагировал иначе.

– Да помню я, – сказал он, – прекрасно помню, как он вел себя в Германии. Анна Зегерс хотела пойти к нему по каким-то своим делам, а я сказал ей: «Зачем ты к нему пойдешь? Ты что, фашистов в своей жизни мало видела?»

И надо было видеть брезгливое выражение его лица, когда он произносил эту уничтожающую реплику.

В то время антифашистов у нас было великое множество. Были даже профессиональные антифашисты – писатели, журналисты, политические комментаторы, превратившие борьбу с фашизмом чуть ли не в профессию, во всяком случае, в главное свое занятие. Но это все были антифашисты, так сказать, узкого профиля. Они боролись только с германским фашизмом, разоблачали исключительно немецких нацистов и неонацистов. (Один такой писатель даже проник в самое логово врага, поехал в Германию, познакомился там с одним довольно видным – разумеется, в прошлом – деятелем гитлеровского рейха, подружился с ним и принял приглашение на некоторое время у него поселиться. А поселившись и основательно попользовавшись его гостеприимством, написал потом книгу, разоблачающую своего хлебосольного хозяина.)

Эренбургу, конечно, тоже случалось (и не раз) клеймить и разоблачать немецких неонацистов. Но он при этом никогда не забывал, что фашистом может быть не только немец, носивший в недавнем прошлом мундир обергруппенфюрера, но и свой брат, соотечественник (в том числе даже и еврей), носивший мундир майора советской армии.

В отличие от многих, а может быть даже и от всех своих коллег (увы, увы, они были все-таки коллегами), он был настоящим антифашистом – «не по службе, а по душе».

– Как это? – слышу я недоверчивую и даже язвительную, а может быть даже и негодующую реплику читателя. – Настоящий антифашист на службе у фашистского режима?

Что верно – то верно. Сталинский, да и послесталинский советский режим с полным основанием можно назвать фашистским. Мы это понимали уже и тогда: недаром же глумливо именовали профессиональных разоблачителей немецких неонацистов – антифашистами узкого профиля.

В том, что Эренбург верой и правдой служил этому режиму, у меня тоже (уже тогда) не было ни малейших сомнений. Даже не просто служил, а состоял на службе: получал задания, выполнял кое-какие щекотливые поручения, в исполнении которых потом отчитывался перед группенфюрерами различного ранга, а порой и перед самим фюрером.

Как же, зная и понимая все это, решился я назвать его настоящим антифашистом?

Был у меня однажды разговор на эту тему с Надеждой Яковлевной Мандельштам.

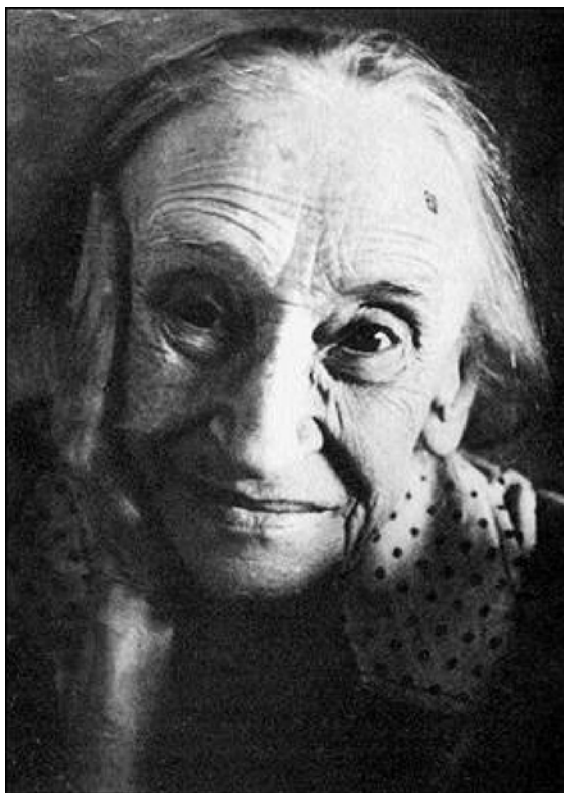
Познакомился я с ней уже после смерти Ильи Григорьевича, хотя и вскоре после его смерти.

Знакомясь, испытал, конечно, некоторый трепет: не только знал, КТО ОНА, но уже читал (в самиздатской рукописи, конечно) первую книгу ее воспоминаний.

Не скрою, однако, что при более тесном общении она показалась мне довольно вздорной старухой. И это мое впечатление сложилось задолго до того, как в том же самиздате получила распространение ее ВТОРАЯ КНИГА, вызвавшая множество резких критических откликов, самый страстный и негодующий из которых (он принадлежал В. Каверину) заключался фразой, подобной удару хлыста: «Тень, на место!»

Позвонил я ей как-то – скорее из вежливости, чем по делу: поздравить с днем рождения Осипа Эмильевича. Но ограничивать разговор несколькими вежливыми фразами показалось мне неудобно и, чтобы создать видимость острой заинтересованности в более длительной беседе, я задал ей вопрос, в ответе на который, в сущности, не нуждался.

– Надежда Яковлевна, – непринужденно начал я. – Вот, кстати, давно уже собирался у вас спросить... У Осипа Эмильевича в его статье «Девятнадцатый век» напечатано (речь, разумеется, шла об американском издании, других у нас тогда не было) – «Европеизировать, гуманизировать двадцатое столетие, согреть его теологическим теплом...» По смыслу тут, конечно, должно быть не «теологическим», а – «телеологическим»...

Í àäíæää ßéí äëääí à Í áí ääüüòàì.

Ἰαεῖτι ὑπὸ ἡ ἰαε, ὕ ἐμὴ ὑοὐαῖε ἰαεῖτο ἰοῦε ὀδῶ ἰο.

Все это я ей выложил как бы в форме вопроса. Как почтительный ученик, хоть и уверенный в том, что решил задачку правильно, но все-таки не решающийся считать это решение окончательным без санкции учителя.

На самом деле, как я уже сказал, в ее ответе я не нуждался, но на всякий случай приготовил какие-то аргументы в защиту своей версии и уже совсем было собрался все эти аргументы ей выложить. Но Надежда Яковлевна не дала мне договорить.

– Очень может быть, – прервала она меня на полуслове. – Все свои статьи Оська диктовал мне. А я тогда, конечно, понятия не имела, с чем ее едят, эту самую телеологию, и чем она отличается от теологии...

Все это было сказано вполне добродушно. И вдруг – словно какая-то муха ее укусила. Внезапно тон ее резко изменился, стал недоброжелательным:

– А впрочем – нет. Конечно, «теология»... Да, да... Я совершенно в этом уверена. Именно «теология»...

– Почему? – удивился я не столько самому этому неожиданному утверждению, сколько внезапной перемене тона.

– А потому, – совсем уже неприязненно, даже как-то зло ответила она, – что у Осипа Эмильевича было другое отношение к теологии. Не такое, как у вас...

Этой внезапной вспышкой неприязни я, по правде сказать, был слегка обескуражен и сперва не мог придумать для нее никакого другого объяснения, кроме того, которое целиком укладывалось в уже известную читателю формулу «вздорная старуха». Но потом все-таки я нашел и другое объяснение, более разумное.

Как мне было известно, Надежда Яковлевна в ту пору ударилась в православие. Со слов моего друга Левы Левицкого я знал, что у нее постоянно собираются на свои религиозные радения наши новообращенные христиане. Об этом Лева с изумлением и некоторой даже оторопью рассказывал Александр Константинович Гладков.

Заглянул он как-то к Надежде Яковлевне, а там – целый клир: сидят и вдохновенно, с упоением поют псалмы.

– И притом, – смущенно добавил он, – извините, Лева, вы ведь знаете, я не антисемит, – одни евреи.

Надежда Яковлевна вполне могла – и не без некоторых к тому оснований – предположить, что к этой ее игре в православие я отношусь с достаточной долей иронии. Отсюда, быть может, и этот ее никак мною не спровоцированный выпад насчет того, что Осип Эмильевич относился к теологии совсем не так, как я.

Тут надо сказать, что ни эта короткая перестрелка вокруг теологии и телеологии, ни другие такие же мелкие эпизоды, укрепившие в моем сознании образ «вздорной старухи», ни в малейшей степени не поколебали моего пиетета по отношению к ней. Пиетет этот (глупое слово, но другого не подберу) основывался не столько даже на том, что она была вдова злодейски замученного гениального поэта, сколько на знании той жизни, которую она

прожила. Если попытаться как-то суммировать это мое отношение к ней, оно, пожалуй, сведется к убеждению, что, прожив такую жизнь, она имеет право быть не только «вздорной», то есть капризной, раздраженной, обидно несправедливой, но и вообще – какой угодно. Какой ей заблагорассудится.

Не могу не вспомнить тут историю, которую – уже после смерти Ильи Григорьевича – рассказала мне его вдова – Любовь Михайловна.

Любовь Михайловна и Надежда Яковлевна дружили чуть ли не с детства. Во всяком случае, с ранней юности.

– Я знала, – рассказывала Любовь Михайловна, – что Ося влюблен в Надю, что у них все уже давно сговорено. Но Надя томилась в Киеве, а он болтался то в Москве, то в Питере и делать решительный шаг не спешил.

И вот, страдая за подругу, Любовь Михайловна однажды не выдержала и сказала ему:

– Ося, по-моему, вам надо поехать в Киев за Надей и привезти ее сюда.

Осип Эмильевич послушался. Поехал и привез.

– А совсем недавно, – закончила свой рассказ Любовь Михайловна, – вспомнив про это, я сказала Наде: «Ты должна проклинать меня. Ведь это я обрекла тебя на эту твою ужасную, кошмарную жизнь!»

– И что она вам на это сказала? – спросил я.

– Она сказала: «За всю жизнь у меня не было ни одного дня, когда я пожалела бы об этом».

А теперь, после этого затянувшегося вступления, наконец – к тому нашему разговору об Эренбурге.

Начался он не с Эренбурга, а с Маяковского. Эренбург там возник совершенно неожиданно и, как мне сперва показалось, совершенно случайно.

Почему мы в тот раз заговорили о Маяковском, признаться, уже не помню. Помню только, как она отреагировала на мое, как я полагал, бесспорное и даже вполне банальное утверждение, что Маяковский – фигура трагическая.

– Маяковский? Трагическая? – недоуменно и даже как-то пренебрежительно сказала она. – А в чем его трагедия? В том, что застрелился, что ли?

– Не в том, что застрелился, – ответил я, – а в том, из-за чего застрелился.

И долго что-то такое еще говорил о том, что не случайно застрелился он именно в 1930 году, что этот год – и этот его выстрел – обозначил некий исторический рубеж.

Она слушала меня без особого интереса. А потом сказала:

– Это, пожалуй, верно. Но это еще не дает нам основания считать его трагической фигурой.

И тут, к величайшему моему изумлению, добавила:

– Вот кто действительно трагическая фигура, так это – Эренбург.

Громадная фигура Маяковского и гораздо более скромная Эренбурга были для меня настолько несопоставимы, что это ее заявление меня просто ошеломило. Ошеломило настолько, что все, что она говорила потом, продолжая и развивая эту свою мысль, осталось для меня, как в тумане.

Хорошо запомнилась мне только одна ее фраза.

– Эренбург, – сказала она, – наводил мосты. А это самое трудное.

Какие именно мосты наводил Эренбург и почему это самое трудное, я понять еще мог. А вот, почему она считает, что Эренбург – фигура трагическая, тогда так и не понял. Понял позже, когда, читая в очередной раз книгу ее воспоминаний (уже книгу, а не рукопись), прочел:

«Беспомощный, как все, он все же пытался что-то делать для людей... Толпы пришли на его похороны, и я обратила внимание, что в толпе – хорошие человеческие лица. Это была антифашистская толпа, и стукачи, которых массами нагнали на похороны, резко в ней выделялись. Значит, Эренбург сделал свое дело, а дело это трудное и неблагодарное».

Я тоже был на тех похоронах и, читая воспоминания Надежды Яковлевны, задним числом оценил точность этого ее наблюдения. Да, это была антифашистская толпа: точнее не скажешь.

Но в тот момент, когда я глядел на ту толпу, эта простая мысль мне в голову не пришла. По разным причинам. Но, быть может, еще и потому, что первое, что бросилось мне в глаза, когда я приблизился к той толпе, был мой друг Эмка Мандель с огромным венком, который он держал перед собой обеими руками. На траурной ленте, украшавшей венок, было начертано: «ОТ ЦК КПСС».

Я давно уже привык к мысли, что иные реалии нашей советской действительности могут затмить наиабсурднейший из всех театров абсурда. Но ничего более фантастического, чем фигура Манделя с этим венком, я в своей жизни не видел. Да, это был истинный театр абсурда. И несмотря на всю неуместность такой реакции в такой момент, увидав Манделя с этим венком как попавшим к нему венком от ЦК КПСС, я рассмеялся. Даже сейчас, вспоминая эту картину, я не могу удержаться от смеха.

Но сейчас картина эта представилась мне не только комичной, и не только абсурдной, но в чем-то и символической.

И «диссидент» Мандель с перевернутым лицом, и вся антифашистская (по меткому слову Надежды Яковлевны) толпа людей, пришедших на похороны, – все это было Эренбургом заслужено.

Но и этот венок от ЦК КПСС, так нелепо выглядевший в этой толпе, да еще в руках у Манделя, тоже был тут удивительно уместен. Абсурдность этой ситуации как бы

высветила на миг истинную роль Эренбурга, истинное его место в нашей жизни. (Вот так же надпись «Устрицы» на вагоне, в котором привезли мертвого Чехова, показалась символической тем, кто пришел хоронить Антона Павловича.)

Да, «вздорная старуха» была права. Роль антифашиста в фашистской стране не могла не быть трагической.

Вернусь, однако, к живому Эренбургу. К тому ужасному моменту его жизни, когда Гроссман в лицо назвал его фашистским писакой. И к моему разговору с ним об Александре Львовиче Дымшице, про которого он сказал Анне Зегерс: «Ты что, мало фашистов видела в своей жизни?»

Допущение, что майор советской армии может быть фашистом, его, стало быть, не шокировало. Констатация этого факта, судя по его тону и выражению лица, представлялась ему даже вполне банальной. Но тут фашистом – «фашистским писакой» – назвали его самого! Одно дело – назвать фашистом нерукопожатного подлеца Дымшица, игравшего в Германии роль советского Геббельса, и совсем другое – его, Эренбурга!

И назвал-то его так не кто-нибудь, а Гроссман, высоко ценимый им Василий Гроссман, вместе с которым он создавал свою антифашистскую «Черную книгу».

– Неужели он так прямо и сказал? – не веря, спросил я тогда Липкина.

– Так и сказал, – подтвердил Семен Израилевич.

– И что же Эренбург? – спросил я. – Как он на это отреагировал?

– Плохо... Очень плохо, – сказал Семен Израилевич. – Он побледнел, у него задрожали губы... Казалось, он вот-вот расплачется...

Ὁ ἀθάνατος Ἰωάννης ἀ Οὐρανίου ἀπὸ τῆς ἀποστολῆς τοῦ ἀποστόλου Παύλου πρὸς τὸν Τιμόθεον

Продолжения этого липкинского рассказа я не помню, а выдумывать не хочу. Помню только, что в этом его рассказе как-то так выходило, что Эренбург, в сущности, и не мог ничего ответить на эту ужасную фразу Гроссмана. Не мог, потому что понимал: Гроссман прав. Не настолько же был он наивен, чтобы этого не знать!

В самом деле, трудно представить, чтобы Эренбург – с этой его вечной скептической усмешкой на губах, Эренбург, которого называли «Ильей пророком», наконец, Эренбург, в молодости написавший «Хулио Хуренито», – чтобы этот Эренбург не сознавал, не понимал того, что уже так ясно было видно тогда Василию Семеновичу. И тем не менее он этого не понимал.

И смертельно обиделся он тогда на Гроссмана, быть может, не столько даже за себя, сколько «за державу». Не то, что его называли «фашистским писакой», было для него ужаснее всего в том яростном гроссмановском монологе, а то, что Сталина Гроссман посмел уподобить Гитлеру, а Советский Союз приравнять к фашистской Германии.

Многое, конечно, он понимал. Но к таким обобщениям был не готов. И совсем не потому, что был глупее – или, скажу мягче, – наивнее Гроссмана. Причина этой его слепоты была другая.

В тот же вечер, когда я услышал от Эренбурга приведенную выше его фразу о Дымщице, был у меня с ним еще один хорошо мне запомнившийся разговор.

Возник он в связи с той же злополучной моей статьей, из-за которой разразился скандал, завершившийся статьей Дымщица. Статья эта, как я уже говорил, на мою беду, печаталась в двух номерах: первая часть в одном номере, а окончание должно было появиться в следующем.

Но в следующем номере оно не появилось, потому что в промежутке между этими двумя номерами как раз и разразился скандал. И прежде всего встал вопрос: что делать со второй частью? Не напечатать ее было нельзя. То есть можно, конечно. У нас все можно. Но – нежелательно, поскольку в конце первой части было сказано: «Окончание в следующем номере».

В следующем номере окончание все-таки не появилось. Оно появилось через номер. А в промежутке мне крутили руки. Применяя, впрочем, политику то кнута, то пряника. То давая понять, что «будет хуже», то – давая на чувства: нельзя быть эгоистом, думать только о себе, надо спасти любимую газету: если «дядя Митя» рассерчает еще больше, разгонят не только весь наш отдел, но могут снять и Главного: вы что же, хотите, чтобы газета опять попала в лапы Кочетова и его банды? Все это происходило на специально созванной по этому случаю редколлегии.

Замечания членов редколлегии, как выразился один мой знакомый поэт, как артиллерийские снаряды, никогда не попадают в одну точку. Один требовал, чтобы я не упоминал Цветаеву. Другой – чтобы что-то смягчил, говоря о Вознесенском. Третий – чтобы, напротив, ужесточил мои претензии к Евтушенко. Четвертый, чтобы непременно упомянул Твардовского (хотя это было в той статье – ни к селу, ни к городу). А один из членов

редколлегии – Леонтьев (Борис Леонтьевич, кажется: в отчестве не уверен, но в имени не сомневаюсь, потому что помню, мы между собой называли его «Блеонтьев»), курировавший в газете самый политизированный, а потому самый гнусный – международный отдел, произнес примерно такую речь:

– Все, о чем мы здесь сейчас говорим, в сущности, не имеет никакого значения. Представьте себе, что в наш отдел поступила статья, автор которой придерживался бы взглядов Милюкова. А мы просили бы его убрать все цитаты из Милюкова. Что бы это изменило? Да ничего! Ведь концепция милюковская все равно бы осталась... Товарищ Сарнов (кивок в мою сторону) придерживается взглядов Эренбурга. Вся концепция его статьи – насквозь эренбурговская. И поэтому, какие бы купюры мы ни уговорили его сделать, суть дела от этого не изменится...

В общем, он клонил к тому, что окончания статьи печатать ни в коем случае нельзя.

В конце концов решили все-таки печатать, изрядно меня пощипав. Но рассказываю я все это не из-за себя, а из-за Эренбурга.

Слушая этот монолог «Блеонтьева», я подумал, что непременно надо будет при случае рассказать о нем Илье Григорьевичу: позабавить старика.

Вообще-то мне даже казалось, что сравнение с Милюковым должно ему польстить. Но Илья Григорьевич, когда я все это ему изложил (в «тоне юмора», конечно), отреагировал на мой рассказ совершенно для меня неожиданно.

Сравнение с Милюковым не только не польстило ему, но даже и не позабавило: оно его оскорбило.

– Ну, пусть только он мне попадется, – побелев от гнева, несколько раз повторил он. – Я ему руки не подам. Милюков, скажу, вам руки не подаст!

Не помню, дрожали ли у него при этом губы, но видно было, что сравнением с Милюковым он был оскорблен до глубины души. Быть может, даже не меньше, чем репликой Гроссмана, назвавшего его фашистским писакой.

Объяснение с Гроссманом – это в конце концов была интимная, домашняя ссора. Спор, так сказать, славян между собою. К тому же он, может быть, догадывался, что в гроссмановской озлобленности немалую роль сыграл французский коньяк – не в смысле количества выпитого, а в том смысле, что Гроссману с Липкиным подали простую водку, а его, главного гостя, потчевали по другому разряду.

А «Блеонтьев» был – лицо официальное, с которым он встречался (о чем я даже и не подозревал) в разных официальных присутственных местах. И оскорбление он ему нанес в официальной обстановке – на заседании редколлегии «Литературной газеты», в присутствии главного редактора и разных других официальных лиц.

Все это я понимал. И тем не менее эта его задетость, эта искренняя его обида на реплику «Блеонтьева» меня прямо-таки потрясла.

Кто он, в конце концов, такой – этот «Блеонтьев»? Такой же фашист, как Дымшиц. Может быть, даже хуже Дымшица.

По моим тогдашним представлениям эта – не первая и не последняя – стрела из стана врагов должна была вызвать у него что-то вроде насмешливого удовлетворения.

А тут я вдруг понял, почувствовал, что «Блеонтьев» вовсе не был для него врагом. И обиделся он на его реплику именно потому, что «Блеонтьев» – хорош там он или плох, фашист или не фашист, – был для него свой. А вот Милюков, с которым «Блеонтьев» поставил его рядом, вот он-то как раз и был из стана врагов.

Конечно, он знал цену всем этим «блеонтьевым» и «дымшицам». Но он был с ними в одном лагере, в одной команде. А Милюков – настоящую цену которому он тоже, наверно, знал, – был из другой команды, другого, враждебного лагеря. И обвинить его в единомыслии, в идейном родстве с Милюковым, значило обвинить его в предательстве.

Рассказывали (скорее всего, это легенда – одна из многих, связанных с его именем), что когда клеймили космополитов, Шолохов спросил у Эренбурга, какой родины он патриот.

И Эренбург будто бы ответил:

– Я патриот той родины, которую предал казак Власов.

Находчивый этот ответ, помню, мне нравился. И даже казался не только достойным, но и исчерпывающе правильным.

Но разговор о Милюкове у нас был не в 49-м, а в начале 60-х. Время было уже другое. И я был искренне изумлен, что для Эренбурга мир по-прежнему – как для Симонова в известных его стихах из цикла «Друзья и враги» – «неделим на черных, смуглых, желтых, а лишь на красных – нас, и белых – их». Милюков для него был белым. А «Блеонтьев» с Дымшицем, какие бы они там ни были, – красные.

Сейчас, вспоминая это тогдашнее мое изумление, я задаю себе вопрос: а почему, собственно, эта реакция Эренбурга так меня удивила? Какие были у меня основания предполагать, что он воспримет слова Леонтьева так, как воспринял их я?

Ну, во-первых, – «Хулио Хуренито», которого Эренбург при всяком удобном и неудобном случае подчеркнуто называл своей лучшей книгой. Но – не только это.

В середине 60-х началась в нашей стране эпоха так называемого «подписанства». Писатели (не только писатели, конечно, но я больше знаю эту среду, поэтому говорю именно о ней) подписывали коллективные письма в защиту преследуемых диссидентов.

Сначала начальство просто игнорировало это поветрие, а потом слегка взволновалось и решило принять кое-какие меры. Поначалу – довольно мягкие. «Подписантов» стали вызывать на разные собеседования, увещевать, воспитывать, осторожно намекая в то же время, что если они будут упрямиться, могут последовать и наказания.

Ἐεαῦ Ἐτοιαία ἡ ὁμιλία: «Ἰὶ-αὶ ὁ ἔραε, εἰοἰοία ἰ αὶ ἡ ἰά-ἀοἶο, ὡ ἄτεαί ἡ ἡ-εὐὸ-ἀοῦ ἡἡεὶ ἡ ἀοἶαὶ ἡ, ἡ ὁαῖ, εὐὶ ἡ ἡἡἡἡἡ ἀαεά οἱ ἡ εἰ ἀοῦ ἡ ἡ-ἀοὲ ἡ ἡ εὶ ὡ, – ἀδοῦἡ ἡ?»

Вызвали на такое собеседование и Лидию Корнеевну Чуковскую. Беседовал с ней один из многочисленных тогдашних секретарей Московского отделения Союза писателей – Виктор Тельпугов. Огорченно сообщив ей, что письмо, которое она подписала, злорадно подхватили и транслировали по радио «вражеские голоса», он сказал:

– Как же вы могли, Лидия Корнеевна, обратиться за помощью или даже просто за сочувствием – к врагам?

– Не понимаю, – пожала плечами Лидия Корнеевна, – почему людей, которые меня печатают, я должна считать своими врагами, а тех, кто запрещает даже упоминать в печати мое имя – друзьями?

В начале 60-х, когда я беседовал с Ильей Григорьевичем о «Блеонтьеве», до такого ясного и простого понимания сути дела я еще не дорос. Но – с детства привыкший делить мир на красных и белых – к этому времени от такого деления давно уже вынужден был отказаться. А ведь Эренбург был не только гораздо старше, но и (так, во всяком случае, мне тогда казалось) гораздо умнее меня...

Были еще и другие, дополнительные обстоятельства, заставлявшие меня заблуждаться на его счет.

В то самое время мой друг Борис Биргер, у которого, как я уже говорил, отношения с Эренбургом были более короткие, чем у меня, под большим секретом пересказал мне рассказ Эренбурга о том, как он ездил уговаривать Пикассо, чтобы тот принял присужденную ему Международную Ленинскую (в это время она уже была Ленинская, а не Сталинская) премию «За укрепление мира между народами».

Эренбург не один раз пытался организовать присуждение этой премии Пикассо на комитете. Его поддерживали Луи Арагон и Пабло Неруда. Но до поры из этих его попыток ничего не получалось. И вот, в 1962-м, наконец удалось.

Советский посол в торжественной обстановке должен был вручить художнику диплом и медаль. Но тут Пикассо неожиданно заартачился. Кое-что про нашу страну он к тому времени уже понял. А тут еще разразился учиненный Хрущевым погром выставки в Манеже. (Когда Эренбург приехал к своему другу Пабло, он увидел у него на столе пачку

газет – не только французских, но и русских, из которых можно было узнать все подробности этого скандала.)

Напрасно французские коммунисты (Пабло был членом их партии) уговаривали его принять премию. После долгих пререканий, обзлившись, он сказал, что если они не перестанут к нему приставать с этой чепухой, он просто-напросто выйдет из партии.

И вот в дело была пущена тяжелая артиллерия: Эренбург.

Ἰάαεῖρ Ἰεεάηη. Ἰῖδὸδῖο Ὑδαί ἁδῖῖ

Тут надо сказать, что Эренбург уговаривал друга Пабло принять премию не по долгу, а по душе. Не только потому, что для него это было вопросом чести. Ведь он так долго и упорно пробивал для него эту премию не только потому, что считал его великим художником. Он искренне верил, что Ленинская премия авангардисту Пикассо станет чем-то вроде крыши для наших, советских авангардистов, защитит их от нападков критиков ортодоксов.

После долгих разговоров и уговоров Пикассо наконец сказал:

– Скажи, Илья! Тебе, вот лично тебе очень нужно, чтобы я навесил эту медаль?

Θάδε Ἰ ἐέανῆ, ἀιά ἱί ἐσίάδαçēē Ὑδαί ἀόδαῖ ἐ ἱιάυ.

Ὑδαί ἀόδαί ἀçúääē ἀῖ «:ἀδò ἱì», ἀἱò ἱἱ ἐ ἰδῶῖῖò ἀάē ἱιάύ ἁ ἱάδαçá ÷ ἀδò ἁ

Эренбург сказал, что да, нужно. Он думает, что это поневоле вынудит наше начальство не так тупо травить всех художников, работы которых не укладываются в их представления о соцреализме. Имя Пикассо станет защитой для молодых художников, творческие искания которых не умещаются в советский канон.

Пикассо сказал:

– Ну хорошо. Ладно. Давай ее сюда. Можешь сообщить там своим, что я ее принял.

Ὑδαί ἀόδαῖ Ἰ ἐέανῆ.

Ἴἱèἱ ἱē ἱῖῖῖῖ ἁ òἱò ἱῖῖ ἱé ἁἁἁ ἱῖῖῖῖ Ἐῖῖῖ Ἀῖῖῖῖῖῖῖῖ: ἁἱῖ-èè-òἁèè ἁῖῖῖ Ἰ ἁῖῖῖ ἱῖῖῖῖῖῖ ἱ ἁῖῖῖῖῖ ἱῖῖῖῖῖῖῖῖ ἱῖῖ Ἐῖῖ ἱῖῖῖῖ.

Ἦ ἀποδέχεται ἰσόθεα, ἐπὶ δὲ τὰ μὴ ἴσθαι ἀνιτέροῦ ἑεοῖ, ἐδὴ ἂ ἴσθ, ἀνιτέα ἴ.

Проделав все необходимые формальности (а может быть, обошлось даже и без формальностей), они на радостях (Эренбург, конечно, радовался больше, но и Пикассо был рад, что с неприятным делом покончено) довольно крепко выпили. И дойдя уже до определенного градуса, поддатый Пикассо взял эту самую золотую медаль с отчеканенным на ней ленинским профилем, прицепил ее к штанам (в самом, конечно, непотребном месте) и в таком виде промаршировал перед Эренбургом, вопрошая:

– Ну как? Теперь ты доволен?

Оба смеялись. И рассказывал Эренбург об этом Биргеру, тоже посмеиваясь. Веселое кощунство друга Пабло ничуть его не возмутило.

Смешно, конечно, доказывать, что Эренбург был бесконечно далек от официальной советской ортодоксии. Смолоду и до конца дней он был еретиком, диссидентом, изгоем. И этим своим изгойством очень дорожил. Вот как написал он об этом однажды подруге своей юности Елизавете Полонской:

«Не отдавай еретичества. Без него людям нашей породы (а порода у нас одна) и дня нельзя прожить... Не отказывайся от этого. Слышишь, даже голос мой взволнован от одной мысли.

Мы евреи. Мы глотнули парижского неба. Мы поэты. Мы умеем насмехаться. Мы... Но разве этих четырех обстоятельств мало для того, чтоб не сдаваться?» (Борис Фрезинский. Судьбы Серапионов. СПб., 2003, с. 320.)

Это, правда, было написано в незапамятные времена – в 1923-м. Много воды утекло с той поры, многое изменилось в его жизни. И оставаясь по сути все таким же еретиком и диссидентом, он теперь – не только формально, но и внутренне, психологически, – был диссидентом внутри системы. И едва ли не всегда (во всяком случае, с середины 30х) вся эта его диссидентская фронда была ему начальством расчетливо дозволена.

В этой команде он был незаурядным, пожалуй, даже уникальным игроком. Но – всегда в команде. И даже весело глумясь с другом Пабло над главной советской святыней, он оставался человеком команды. Как бы там ни было, пусть даже такой ценой, а игра была выиграна. Сложное, щекотливое поручение, которое не смог бы выполнить никто, кроме него, было им выполнено.

Загадка одного портрета, или Встреча с Бертой Паппенхайм

אֲדֹנָי אֱלֹהֵינוּ

*חַעֲוֹלוֹתַי «עֵבֶרֶי אֵל», יִתְּוֶ-עֵשׂוֹעֵא לֹו אַעֲוִי אֵעֵא יִדְּעֹוֹנִי וְעֵ יִיִאֲוִיעֵ - אִיִּי לִי עֵי אִיעֵ אֵבֶרֶעֵ
עַף אֵאִי אֵעִי אֵ «דִּאִיִּיעַף לֹו יִאֲוִיִּי אֵעֵוֹ», אֲוִוֹוֹ לִאִי אֵעִי אֵעֵעֵעֵאִי אֵ, אֲוִיִּי אֵ-וִי לֹא אֵוִיִּי, מִיִּדְּוִיִּי אֵעֵעֵעֵ
יִוִּעֵעֵעֵוֶעֶר, מִאִיִּי אֲוִוִּי אֵעִי אֵעֵיִא*

Признаюсь, я сама была в недоумении, когда год назад, увидев в одном из залов Еврейского музея в Берлине портрет Глюкели, прочла, что в богатом женском наряде еврейки XVII века представлена не она, а ее далекий потомок – Берта Паппенхайм, родившаяся в ортодоксальной, но при этом достаточно ассимилированной еврейской семье в 1859 году в императорской Вене.

Привлек пронизательный, взыскующий взгляд ее умных глаз. Что-то было в лице, говорящее о неординарности этой уже немолодой женщины. В нем читались сильная воля и... затаенная печаль. Дала себе слово по возвращении в Кельн покопаться в анналах и выяснить, кто такая Берта и с чем связано ее перевоплощение.

Берта Паппенхайм и впрямь оказалась личностью незаурядной: настоящим борцом, выдающейся правозащитницей своего времени, лидером движения за права женщин и детей. Филантроп, основатель Союза еврейских женщин Германии (1904), в котором состояло пятьдесят тысяч членов, создатель многочисленных клубов для девушек, она была в первых рядах выступавших против «белого рабства» – проституции. Участник Всемирных конгрессов женщин в Лейпциге, Лондоне, Мадриде и Торонто, она отважно сражалась за права обездоленных, в первую очередь матерей-одиночек и внебрачных детей.

Переехав вместе с матерью из родной Вены во Франкфурт, где жили богатые родственники по материнской линии, которые впоследствии будут материально поддерживать ее социальные и педагогические проекты, Берта стала работать в приюте для сирот. К этому времени молодая женщина, сызмальства, как и подобает барышне из высшего общества, обученная музыке, иностранным языкам и хорошим манерам, окончила в Карлсруэ краткосрочные курсы по уходу за больными. Первая книга, которую она опубликовала анонимно, носила название «Рассказы для маленьких детей» (1888). С 1895 года Берта руководит еврейским сиротским приютом для девочек. В 1907 году создает Дом призрения Еврейского женского союза под Франкфуртом, в Нойе-Изенбурге.

Óðáí éóóðò. Ááðáéíáú óééóá á ðó áðíí áðíáá

Берта часто выступала с публицистическими статьями. Она, несомненно, была литературно одарена, много писала, переводила. Сохранилось далеко не все из ею написанного. Она сама разработала программы воспитания и обучения девочек для Дома призрения в Нойе-Изенбурге, где было место и религии, и эстетике, и подготовке к ведению домашнего хозяйства, к семейной жизни. В 1914 году к этому детскому дому прибавился Дом для беременных и кормящих матерей. Спустя четыре года комплекс насчитывал уже четыре здания.

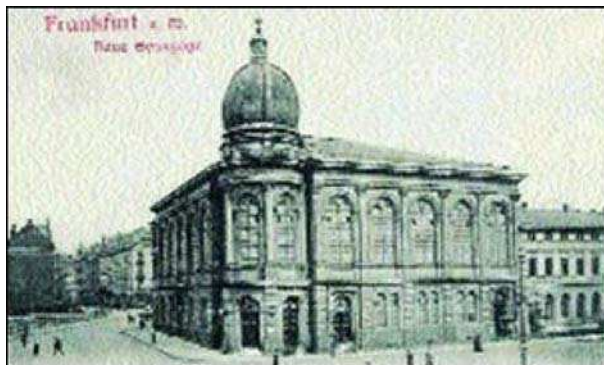

Á. Íáííáí óáéí.

С просьбой о материальной поддержке Берта стучалась во многие двери и добивалась понимания и отклика. Среди ее знакомцев и корреспондентов – Ротшильды и Стефан Цвейг, Бетти Гуггенхайм и Мартин Бубер, сын художника Морица Оппенгейма Йозеф, сам тоже художник, философ и писательница Маргарета Зусман.

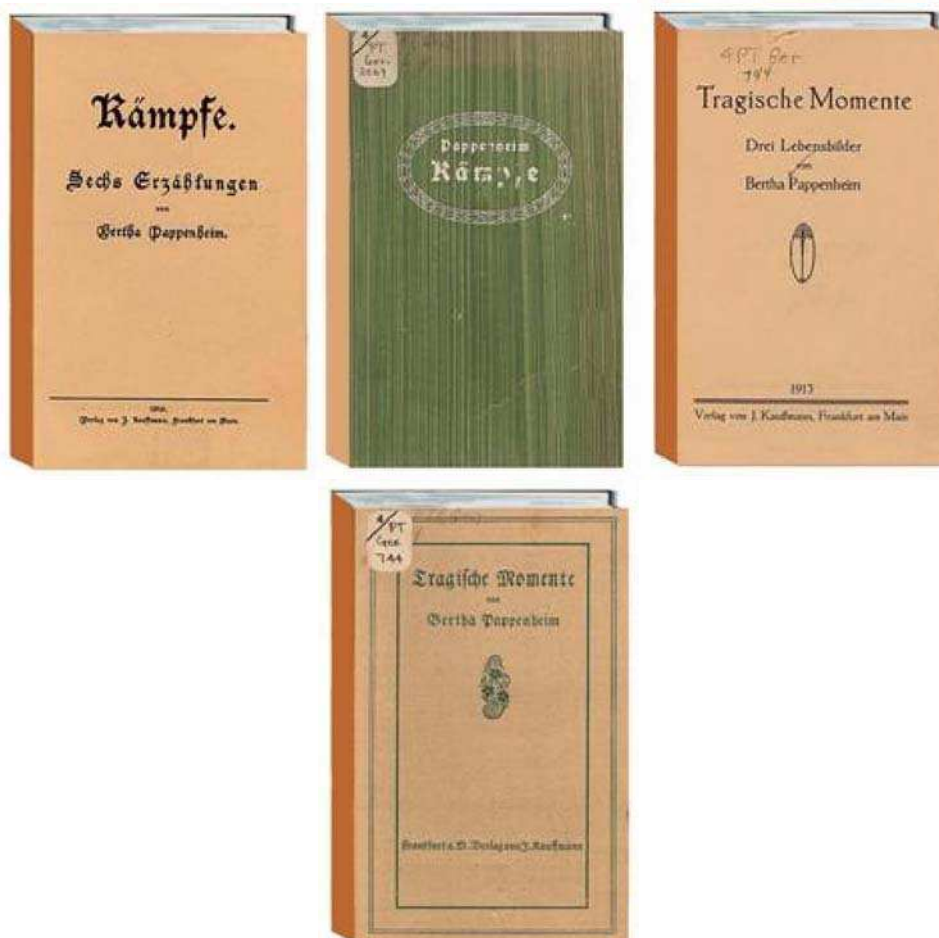
В связи с погромами начала прошлого века в России поднялась волна еврейской эмиграции. Путь в Америку пролегал через Европу, через Германию. Эмансипированные немецкие евреи кто с состраданием, а кто и с презрением взирали на своих восточноевропейских соплеменников, неграмотных в подавляющем большинстве, забитых, изнуренных голодом и болезнями, в рваной одежде какого-то немыслимого покроя. Самое жалкое зрелище являли собой дети обездоленных. Берта Паппенхайм принимала в их судьбе живейшее участие, вникала во все мелочи, вплоть до раздачи горячего питания. Она ездила не только в Америку и Палестину читать лекции и решать проблемы иммигрантов, но не раз побывала в Галиции, Польше, в Румынии. А в мае 1912 года добралась и до России. В письмах, отправленных из гостиницы «Националь» в Москве, она упоминает о посещении

Третьяковской галереи. На письмах из Петербурга указан адрес: «Гранд-отель “Европейский”». Она и в Советском Союзе побывала в 1926 году: ее интересовал опыт работы еврейской сельскохозяйственной колонии, поддерживаемой Агро-Джойнтом. Многочисленные свои письма, написанные во время поездок по миру с единственной целью помощи страждущим, она соберет в книгу, которой даст название, отвечающее сути ее подвижнической работы: «Сизифов труд».

Ὀδοιπέδος. Νεὶ ἀῖμα

Чего только она не делала! Выпускала «Листки» еврейских женских союзов, женские календари, альманахи, где публиковались еврейские поэты и мыслители, печатались репродукции работ еврейских художников и документы, дающие представление о жизни евреев.

Кипучая деятельность Берты Паппенхайм сделала ее имя известным в Германии, но с приходом нацистов к власти оно перестало появляться в прессе. Однако даже антисемитская вакханалия не пробудила в Берте ощущения гонимой. Германия – ее родина, здесь более трехсот лет жили ее предки, и все они были людьми достойными и уважаемыми. Среди них, к примеру, Генрих Гейне и Дженни фон Паппенхайм, близкая подруга Рахель Фарнхаген, чей салон в Берлине привлекал не только знать, но выдающихся ученых вроде Гумбольдта; там перебивали, кроме того, почти все немецкие романтики. Ей – бежать?! Будучи оппонентом деятелей сионистского движения, Берта Паппенхайм оставалась противницей эмиграции немецких евреев. Ей не довелось разделить их ужасную судьбу. Но ее духовная дочь Ханна Кармински, находившаяся при ней неотлучно в последние годы, ее ближайшие подруги и сподвижницы были депортированы в 1942 году и погибли. Девушки Дома призрения в Нойе-Изенбурге, у которых был выбор между депортацией в лагерь или работой в борделях, избрали третий путь: все до единой в одночасье приняли яд. Маленький домик Берты и все четыре здания приюта были подожжены в ночь всегерманского погрома в ноябре 1938-го и разрушены.

Берте Паппенхайм всего этого не довелось узнать. Она умерла в 1936 году в возрасте 77 лет вскоре после посещения гестапо, куда была вызвана в связи с тем, что одна из ее воспитанниц назвала Гитлера предателем. Смертельная угроза нависла над всеми: над детьми, девушками, персоналом. Ее же обвиняли как попечительницу заведения, ответственную за всех и вся. Она не оправдывалась. Да, возможно, Мария и сказала так, но нельзя же возлагать ответственность на всех за слова слабоумной девочки. То ли ее спокойствие отрезвило гестаповцев, то ли они увидели перед собой смертельно больную старую женщину (в 1935 году она перенесла онкологическую операцию) и поняли, что она уйдет из жизни без их вмешательства, но ей было позволено беспрепятственно покинуть заведение, наводящее страх и ужас. Через месяц ее не стало.

А. Яй'ай ба'и.

Мартин Бубер в письме-соболезновании (июнь 1936 года) признался, что он не только уважал, но любил Берту Паппенхайм: «Бывают люди духа, бывают люди страсти, их

не так уж и много, как некоторые думают; но еще реже встречаются люди, в которых духовность соединена со страстностью. Берта Паппенхайм была человеком страстного духа.

Могла ли она позволить себе не быть сильной и твердой, настойчивой и неотступной, и пусть бы все шло как шло и оставалось как было? Она жила в такое время, когда чистое пламя еще не угасло, иначе она бы его никогда не познала, она бы просто не верила, что оно существует.

Ныне... высокое чистое пламя погашено (вспомните, в какие времена написаны эти строки, и вы поймете, что Бубер имел в виду под чистым пламенем. – Г.И.), и нам остался лишь его образ, который продолжает жить в сердцах тех, кто его знал. Передавайте его другим, делитесь воспоминаниями, свидетельствуйте о нем!»

В 1954 году в Германии вышла серия почтовых марок «Помощник человечества» («Helfer der Menschheit»). На одной из пяти марок была изображена Берта Паппенхайм. Спустя двадцать лет после кончины ее не забыли.

Ἰ ἀδὲν ἢ ἐστὶ ἀδὲν αἰ εἰ Ἀ. Ἰ αἰ ἰ αἰ ὀαἰ.

В ту же пору имя этой выдающейся женщины неожиданно оказывается в эпицентре сенсационных публикаций совсем иного свойства. Один из дотошных биографов Зигмунда Фрейда раскапывает более чем полувековую тайну и обнародует имя пациентки, течение болезни которой описано в книге Фрейда и Брейера «Изучение истерии» (1895) как «случай Анны О.». Эта книга – первая работа по психоанализу. Психоанализ начался со «случая Анны О.» И вдруг мир узнает, что Анна О. – не кто иная, как Берта Паппенхайм!

Психоанализ стал после второй мировой войны «новой религией» Запада, особенно США. Можно представить, какой эффект имела эта публикация. Разумеется, в тайну Анны О. был посвящен очень узкий круг людей: сама Берта, ее ближайшие родственники и доктор Брейер, молодой врач, излечивший девушку от острого психического расстройства.

Это было психосоматическое заболевание. Сидя довольно долго у постели занемогшего отца (легочная болезнь протекала у него бурно), Берта впала в состояние грез наяву. Она увидела, как со стены ползла к больному черная змея с намерением его ужалить. Она хотела ее отогнать, но не могла пошевелиться. У нее отнялись правая нога и правая

рука. Девушке показалось, что пальцы ее онемевшей руки превратились в маленьких змеек с мертвыми головами. Змея и мертвая голова! Эти образы стали ее преследовать. Берта слегла накануне смерти отца. Ей едва исполнился двадцать один год. Руки отказались ей служить, голову она поворачивала с трудом. Несмотря на сильную жажду, пить и есть она не могла, могла проглотить лишь дольку апельсина. Она утратила способность говорить на родном языке и даже понимать его. Когда к ней вернется дар речи, она заговорит по-английски (Берта знала еще французский, итальянский, идиш и могла писать на иврите). Ее голубые глаза смотрели, но не видели. Она не различала букв. Заядлый книголюб, она не могла прочесть ни строчки. И постоянные ужасные боли в голове, и бред, бред, бред. Ко всему добавились еще и приступы дикого кашля. Мать Берты была в страшной тревоге. Когда-то ее любимого брата унесла скоротечная чахотка. Неужто и у дочери туберкулез?!

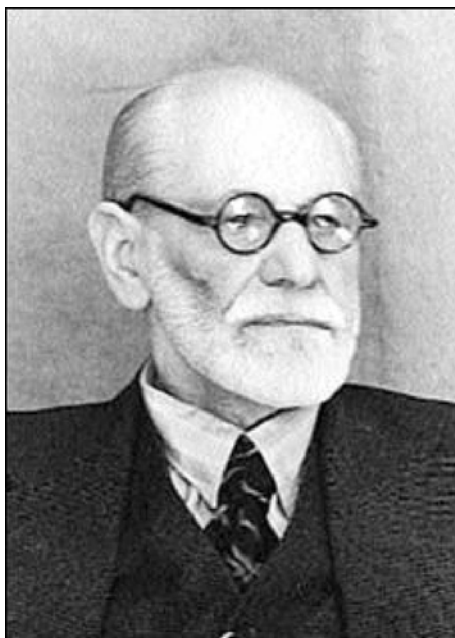
Доктор Йозеф Брейер, дважды в день посещавший respectable дом Паппенхаймов в центре Вены, лечил Берту гипнозом и во время сеансов побуждал пациентку «выговаривать» ее страхи. Сама больная дала этой методике название «лечение разговором» («talking cure»). Врачу удалось вернуть ее к жизни. Лечение и их ежедневные встречи продолжались полтора года. Берта влюбилась в своего спасителя. Это пошло ей на пользу, оживило ее. Доктор был уверен в исцелении пациентки, в том, что она больше в нем не нуждается. Он решил было уехать, но уже через день ему позвонила мать Берты и сообщила о сильнейшем припадке у дочери. Ревность и страсть больной испугали врача. Он порекомендовал увезти девушку на курорт. В течение шести лет Берта подолгу находилась в санаториях и частных клиниках особого типа. Нередко ее сопровождала мать.

Е. Абрахам

Доктор Брейер познакомил своего друга Зигмунда Фрейда, тогда студента последнего курса, с историей болезни Берты Паппенхайм. Фрейд в ту пору пребывал в поисках, сомнениях, заходил в тупик и очень трудно пробивался к истине. В конце концов он пришел к своему величайшему научному открытию – о роли бессознательного в психической жизни человека. «Случай Анны О.» сыграл роль катализатора.

Открываю том Фрейда с лекциями «О психоанализе», которые тот читал в США в 1909 году. Они начинаются с рассказа о случае д-ра Брейера. Фрейд пишет о том, что д-р Брейер отнесся к своей пациентке с симпатией и большим интересом, хотя и не знал сначала, как ей помочь. «Может быть, она сама помогла ему в этом деле благодаря своим выдающимся духовным и душевным качествам, о которых Брейер говорит в истории болезни».

С. Фрейд

Открытие тайны «Анны О.» пробудило новый интерес к личности Берты Паппенхайм. Отныне авторы ее биографий ставят этот «случай» во главу угла и с его помощью пытаются понять природу личности и саму жизнь этой необыкновенной женщины. «Тайна Анны О.» – так называется книга Люси Фриман, вышедшая в Мюнхене тридцать лет назад. «Анна О. – Берта Паппенхайм» – биографическое исследование Марты Brentzell, изданное совсем недавно, в 2002 году, в Геттингене.

Знакомясь с этими книгами, я не могла отделаться от ощущения, что вся история с «тайной» мне уже знакома. Потом вспомнила. Ну конечно же! Это прочитанная десять лет назад драма Жана Поля Сартра «Фрейд», первоначально задуманная как киносценарий. В русском переводе она вышла в Москве в 1992 году. Сартр писал сценарий по заказу знаменитого голливудского режиссера Хьюстона, но тот счел сценарий «неснимаемым».

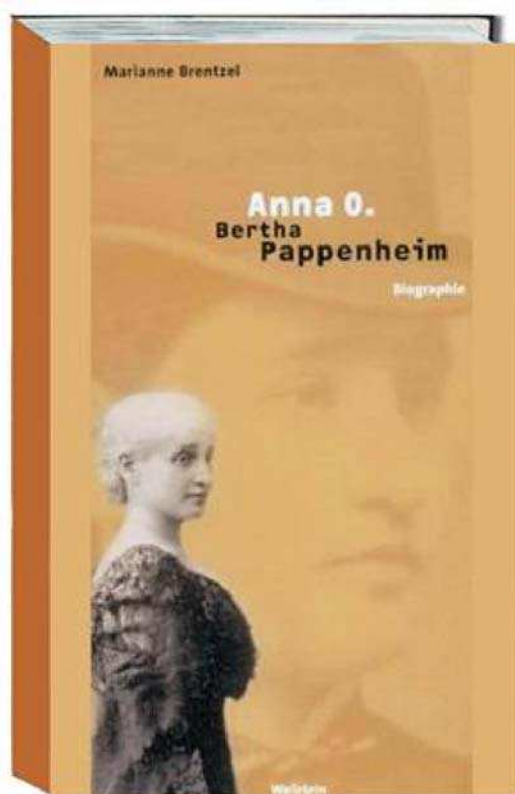
Берта Паппенхайм выведена Сартром под именем Сесили. Французский писатель, создавая образ героини, во многом отступил от истории болезни пациентки доктора Брейера, подчинив реальные события общему замыслу пьесы. Тем не менее я ее узнала. В 1962 году фильм «Фрейд, тайная страсть» вышел на экраны, но снят он был не Хьюстоном. Сартр хотел, чтобы роль Сесили играла Мэрилин Монро, однако это не получилось. А драму свою Сартр опубликовал в 1984 году.

Думала ли я, стоя перед портретом Глюкели из Гамельна, какие потрясающие открытия ждут меня, когда я начну знакомиться с историей его модели, с жизнью Берты Паппенхайм?! Самое большое чудо в истории Анны О. – это то, что безнадежно, казалось

бы, больная девушка (д-р Брейер поначалу даже думал, что только смерть избавит ее от мучений) превратилась в энергичную, незаурядно-деятельную женщину, чьи достижения и заслуги с уважением признала вся Европа.

Конечно, вопросы остались. Не была ли ее безудержная деятельность, направленная на совершенствование мира, стремлением убежать от самой себя? Или это был способ заполнить пустоту, в которой она себя ощущала с детских лет? Ее ведь воспитывали как кисейную барышню, и даже пансион для благородных девиц она посещала. Почему свободные минуты, выпадавшие ей, были для нее проклятием? И наконец, самый главный вопрос: почему этой красивой и богатой женщине, наделенной живым умом, было отказано в семейном счастье, в радости материнства? Ей, которая так любила детей?! Она посвятила себя чужим детям, она нашла себя в этом страстном служении. Но при всем этом оставалась бесконечно одинокой. Одиночество и есть главная тайна Берты Паппенхайм. Лишь однажды она пожаловалась: «Мне не досталось любви». Слова эти стали лейтмотивом и даже названием никогда не публиковавшегося при ее жизни стихотворения. Вот откуда на портрете (в образе Глюкель) в морщинке у рта – затаенное страдание.

Но обратимся наконец к портрету. Известно, что он был написан маслом в 1925 году художником Пиликовским. Портрет пропал. Однако репродукции дважды появлялись в печати: в календаре Союза еврейских женщин (1925) и в «Листке» того же Союза (1932). Только благодаря этому мы смогли с ним познакомиться. Как и почему возникла у Берты идея предстать в образе Глюкели?

«Αἰτίαι Γ. – Ἀπό τῆς Ἰστορίας τῆς ἀεισδοκῆς ἀπὸ τῆς ἐπιφανείας τῆς ἀδού Ἀδαί ὁδοῦ, ἐπιτίτῃ ἀ 2002 π.α. ἀ Ἀπό ὀείτῃ ἀ

После смерти матери, происходившей из семьи франкфуртских банкиров Гольдшмидтов, Берта побывала в Вене у младшего брата, который стал к тому времени преуспевающим адвокатом и издателем. Разбирая семейный архив, она принялась воссоздавать генеалогическое древо семьи и окончательно удостоверилась, что по

материнской линии они состоят в родстве с Глюкели из Гамельна, родившейся в Гамбурге перед концом кровопролитной Тридцатилетней войны.

За двести лет до того, как женщины в Европе стали мечтать о карьере, Глюкель довелось стать *business woman*: вместо мужа управлять чулочной фабрикой, успешно вести биржевые дела и торговать жемчугом. Ей пришлось много ездить по торговым делам. Она принимала участие в судьбе бесчисленных родственников. При этом не забывала о воспитании и обучении детей, удачно женила их и выдавала замуж, породнившись с наиболее известными и уважаемыми еврейскими семьями Германии. Второй брак не принес ей счастья. Ее муж разорился и умер, и Глюкель лишилась всего. Одна из дочерей взяла мать к себе в Метц; доживала она жизнь на краю чужого семейного гнезда. Сколько внутренних сил нужно было иметь этой маленькой хрупкой женщине, чтобы выстоять в борьбе с обстоятельствами, не согнуться под бременем несчастий! Вот кто была первой «железной леди» в истории.

Уже в старости Глюкель стала писать мемуары. Ее записки обращены к детям, ее цель – рассказать им, откуда они родом, и научить их достойно жить. Книга в меру назидательна, поучения автора основываются на принципах еврейской морали, завещанной Торой, и на жизненных примерах.

О значимости воспоминаний Глюкели из Гамельна как литературного памятника написано немало. Берте мемуары были хорошо известны, поскольку в 1896 году во Франкфурте впервые появилось их издание, предпринятое Давидом Кауфманом, еврейским ученым из Будапешта. Его жена, Ирма Гомперц, тоже была в родстве с Глюкелью, и это подогрело интерес профессора к воспоминаниям почти двухвековой давности. Копия рукописи, выполненная сыном Глюкели, Моше, писана на еврейско-немецком языке ивритскими буквами, как тогда было принято. Семь заветных тетрадей хранились в коллекции Ойгена Мерцбахера в Мюнхене. Он-то и предоставил их Кауфману.

Берта, прочитав воспоминания, сразу отметила определенное сходство судеб и ситуаций. Отец Глюкели, как и ее собственный, стоял во главе еврейской общины. Она, как и Глюкель, владела идишем. Обе они принимали близкое участие в судьбе гонимых восточноевропейских евреев. Во времена Глюкели евреи Польши пережили ужасающие погромы Богдана Хмельницкого. Немногие спасшиеся от резни бежали в Германию. Отец Глюкели приютил у себя в доме с десятков несчастных. Некоторые прибыли больными; малышка Глюкель, ее сестренка и бабушка заразились. Девочки выжили, а бабушка умерла.

Берта решает заняться переводом воспоминаний своей далекой прародительницы на немецкий. Текст она получила от жены умершего профессора Кауфмана. Брат поддержал идею сестры. Роскошное издание вышло в Вене в 1910 году небольшим тиражом исключительно для родных и знакомых. Лишь несколько экземпляров отправилось в библиотеки. В продажу книга не поступала. Она была снабжена предисловием Берты и генеалогическими таблицами, демонстрирующими связь рода Глюкели со многими другими известными еврейскими семействами. Перевод удался; единственное критическое замечание, сделанное впоследствии исследователями, состояло в том, что он был слишком «германизированным».

Работа над переводом длилась много месяцев, и все это время Берта была погружена в прошлое. Она сроднилась с Глюкелью, она как бы проживала ее жизнь, с нею вместе радовалась, печалилась и страдала. Хотя ей самой не довелось родить и воспитывать четырнадцать детей, Берта вывела в большую жизнь тысячи чужих. Она продолжила семейную традицию помогать бедным и гонимым. Но главное – она явственно ощутила

внутреннюю связь с Глюкелью, восприняла ее как сестру по духу. Для нее та была воплощением энергии, независимости и преданности семье и своему народу. Именно это и подвигло Берту заказать свой портрет в образе далекой предшественницы.

Зная о пристрастиях Глюкели к жемчугам и украшениям из кораллов, Берта предпочла украсить себя иначе. Глюкель предстает пред нами в чепце, как и подобает замужней еврейке, которая не могла показываться с непокрытой головой. На ней богатая меховая душегрейка. Украшением же служат гофрированный круговой воротник (их можно видеть на портретах Рубенса, Ван-Дейка, Франса Хальса) и высокие кружевные манжеты. Такие манжеты носит у Фейхтвангера современник Глюкели еврей Зюсс. Стоили они бешеных денег. У Берты Паппенхайм хранился портрет ее матери в молодости, где Реха Гольдшмидт изображена в тончайших брюссельских кружевах. И больше никаких украшений. Берта почитала мать и доверяла ее вкусу.

Костюм, в котором позировала Берта, был стилизован под эпоху Глюкели. Но как быть с горькой складочкой у губ? Соответствует ли она душевному состоянию пожилой Глюкели или это ее, Берты, собственная печаль?

В том, что Глюкель благодаря Берте Паппенхайм пережила второе рождение, сомневаться не приходится. Но и Берта продолжает жить в Глюкели. В 1994 году немецкое издательство «BELIZ Atheneum» выпустило мемуары Глюкели из Хамельна в переводе Берты Паппенхайм и с ее портретом на обложке. Книга предварена весьма удачным предисловием Виолы Роггенкамп. Ссылки на это издание имеются в новейших научных исследованиях о жизни еврейских общин Германии. Имена Глюкели и Берты соединены навсегда.

ЛЕХАИМ ОКТЯБРЬ 2003 ТИШРЕЙ 5764 – 10 (138)

ТРИ СУДЬБЫ

Àëàèíí àð Àíðèí

В жестокое время, которое выпало на нашу долю, человеку труднее всего было оставаться самим собой. Не всем это удавалось. Моим друзьям, о которых я хочу рассказать, – удалось. И не замкнувшись в четырех стенах, а оставив яркий след в российской журналистике и литературе.

Он прожил еще 13 лет...

Писать небольшие рассказы начал я уже в институте. Но ни в одну редакцию свои рукописи не носил. Останавливали меня не только сомнения в собственных силах, но и прочное убеждение, будто напечататься я смогу, лишь написав то, что сегодня требуется, то, что сегодня редакциям надо. Я не имел в виду элементарную агитку, Б-г миловал, агиток не писал ни тогда, ни позже. Но я твердо знал, что есть события, которые годятся лишь для обсуждения в своем кругу, на московской кухне, и никак их нельзя путать с теми, что предназначены, так сказать, на вынос.

Разрушить этот стереотип помог мне мой друг, писатель Илья Зверев. Существует, как известно, ходячее английское выражение: «человек, который сам себя сделал». Точнее, пожалуй, о Звереве и не скажешь.

В 1947 году он приехал из Донецка, где работал литературным сотрудником в газете «Социалистический Донбасс», в Москву. Уж не знаю, что побудило двадцатилетнего парня вдруг бросить местную газету и решить завоевывать столичную прессу, – может быть, посещение Донецка группой московских журналистов из «Огонька», которым приглянулись статьи молодого корреспондента. А может, просто отвага и удивительная легкость на подъем, которой он отличался всю свою недолгую жизнь.

Только время для его грандиозных планов было не самое лучшее. Особенно, если у человека в паспорте значилось: Изольд Юдович Замдберг. Жить в Москве ему было негде. Ночевал у случайных знакомых. Когда по какой-то причине это не получалось, шел на центральный телеграф. Так просто сидеть до утра там не разрешалось; делал вид, что ждет звонка из другого города.

Однажды по какому-то делу зашел туда писатель Александр Шаров. Разговорились. Назавтра Шаров привел его в альманах «Год XXXI». Альманаху позарез требовались произведения, прославляющие трудовые подвиги советских людей.

Зверев подготовил для альманаха литературную запись ответов на американскую анкету знаменитой колхозницы Паши Ангелиной. Пятый пункт в собственной анкете особенно этому не препятствовал, псевдоним звучал вполне благопристойно.

Начались бесконечные поездки. От альманаха, от журнала «Советская женщина», от кого угодно. Иркутск, Таллин, Ленинград, Хакасия, Красноярск... И писал, очень много писал. Только опусами своими он совершенно не обольщался, прекрасно знал им цену. Другьям говорил в ту пору: «Вы меня не читайте, вы меня любите».

В сентябре 1949 года он перебрался к молодой жене, Жене Кожиной. Она жила вместе с матерью на Зацепе, в многонаселенной коммуналке, в длинной комнатухе, два метра на семь. Представляю картинку: является толстый парниша, в одной руке – огромный набитый портфель, в нем, кроме прочего, бритва и пижама, в другой – пишущая машинка. Постелили ему на полу, и, улегшись, – то ли от смущения, то ли от нахлынувших чувств, – он вдруг запел. Спел арию Русалки из оперы Даргомыжского, потом арию Мельника. Надо сказать, слух у Изольда был абсолютный.

А уже через три года, в 1952 году, у него случился первый сердечный приступ. В больнице, когда врачи ненадолго отлучились, Женя смогла заглянуть в историю болезни. Прочла: «злокачественная гипертония», еще какие-то медицинские термины. Вечером она позвонила своей приятельнице, врачу, сказала, что у ее сослуживца вот такой диагноз, спросила: это серьезно? «Бедняга, – ответила врачиха, – протянет полгода, от силы год».

Изольду тогда было 26 лет. Но прожил он не полгода и не год, он прожил еще 13 лет.

По-прежнему мотался из конца в конец по всей стране, сотрудничал со всякими редакциями. Родилась дочь, денег постоянно не хватало. Зарабатывал где только мог и как мог. На телевидении предложили выступить в прямом эфире с разными зверями – выступил. Сохранились фотографии: он в обнимку с тигренком, обезьяна сидит у него на голове.

Только писать по-прежнему, слепо воспевать «нашу замечательную действительность», он уже не хотел, да и не мог. «С 1947 года, с тех пор как одно снисходительное издательство выпустило мою первую книжку, – напишет он, – я старался все время ездить, смотреть, влезать в разные острые истории. И накопилось много такого, о чем уже невозможно не рассказать. Пятнадцать лет я больше смотрел, чем писал, все откладывал главный для меня разговор. А сейчас уже нельзя откладывать...»

Да и не было у него времени откладывать. В ту пору уже начали появляться произведения о сталинских репрессиях. Зверев тоже написал о них. Но как! В маленькой повести «Защитник Седов» рассказана история вроде бы со счастливым концом. Понимая всю тщетность своих усилий, адвокат Седов все-таки берется защищать четверых приговоренных к расстрелу «врагов народа». Едет в город Энс, добывается разрешения встретиться со своими подзащитными в тюрьме. Вернувшись в Москву, ухитряется попасть на прием к Большому прокурору. Когда-то они вместе выступали на одном процессе по хозяйственному делу. Большой прокурор узнает его, он чрезвычайно любезен, обещает лично разобраться в деле четверых. И – о чудо! Все они признаны невиновными и освобождены. Однако через месяц, выступая на республиканском совещании следственных

работников, Большой прокурор объявляет, что те четверо пострадали в результате вредительской деятельности ныне разоблаченных врагов народа – прокурора области, его заместителя, председателя облсуда, его заместителя и еще многих и многих городских руководителей, как теперь выяснилось, японских шпионов. Смешно? Так смешно, что, кажется, не хочется жить.

Или веселый, даже озорной рассказ «Второе апреля». Ученики шестого класса наперекор Первому апреля, когда полагается всех обманывать, решили объявить Второе апреля днем без вранья. Замечательно! Что может быть лучше правды? Но, оказывается, навязанная в обязательном порядке правда способна привести к таким драматическим ситуациям, завести в такие тупики, из которых и не знаешь, как выбраться. Этот, казалось бы, забавный рассказ из школьной жизни перепечатывает парижская газета «Русские новости».

Одно только для нас оставалось секретом: когда успевал Изольд так много писать. Он всегда был на людях, в доме его чуть ли не каждый вечер собирались друзья; более общительного человека я не знал и не знаю. Как-то ответственный секретарь «Знамени» В.В. Катинов спросил его: «Когда же вы садитесь за письменный стол? Вы ведь все время на виду?» Изольд наклонился к нему и таинственно сказал: «Никому не рассказывайте, но дома в кладовке у меня заперты два еврея. Я не говорю им, что кончился космополитизм, и они за меня работают».

Судить «веселых и находчивых» на телевидении он едет с горчичником на сердце. В Коктебеле все отправляются на гору Карадаг – как можно пропустить такое? И вот мы, несколько человек, толкаем его в спину, чтобы, поднимаясь, он тратил меньше усилий. Поликлиника Литфонда помещается рядом со станцией метро «Аэропорт», там крутая лестница, поэтому Изольд доезжает на метро до «Динамо», где эскалатор, а дальше уже добирается троллейбусом. Когда ему становится плохо, он не ложится, а, наоборот, встает. Объясняет: «Если лягу, могу уже и не подняться». Однако очередную заграничную турпоездку от Союза писателей он не пропустит. У других еще случится шанс, а он может и не успеть. Польша, Чехословакия, Германия, Австрия...

Я спросил его: как он выдерживает такую нагрузку? Он ответил: «Вы все живете так, будто вам осталось сто лет, а я – будто два часа».

В 1965 году, за год до смерти, вышла его книжка «Что за словом?». Начинается она следующим образом. «Однажды на шоссе у въезда в Феодосию я увидел громадный придорожный щит: “Смотрите кинофильмы в кинотеатрах”. И, конечно, подумалось: кто он, автор этого маленького шедевра? Что его вдохновило? Может быть, боязнь, что автопутники отправятся смотреть кинофильмы не в кинотеатры, а в какое-нибудь другое место? В булочную? В баню? Вряд ли... Скорее всего здесь другое. Некое должностное лицо лихорадочно искало способа оправдать свое существование, изобразить деятельность».

Книга эта – о «девальвации слов», – писал в предисловии Корней Иванович Чуковский. – Свои незаурядные силы Зверев ...отдает гневному разоблачению бытующих у нас в обиходе звонких фраз и патетических слов, не обеспеченных мыслью и делом... Разрыв между словом и делом, – подытоживает автор предисловия, – служит низменной корысти и шкурничеству».

Умер Изольд в 39 лет.

Так вот, когда однажды зашел у нас с ним разговор о том, что напечататься можно, лишь написав то, что сегодня требуется редакциям, а не то, о чем ты на самом деле думаешь, Изольд сказал мне: «Тебя могут десять раз не напечатать, сто раз, но если ты не истребишь в себе внутреннего цензора, то пропадешь. Поверь моему опыту». И я поверил.

Èèòíáááá í òí ò èá Èèòíáááá

На фронт Леонид Израилевич Лиходеев ушел добровольцем. Как белобилетник, больной туберкулезом, призыву он не подлежал. Жив остался чудом. Осенью 1942 года его повели на расстрел – не немцы, наши. Произошло это так. Месяц назад Сталин подписал знаменитый приказ № 227, обязывавший на месте расстреливать всех паникеров, трусов и предателей. Ни паникером, ни трусом, ни предателем Лиходеев, понятно, не был. Но командир части, в которой Леня в ту пору служил, накануне вызвал его вместе с офицером связи и велел им пробраться по азимуту в некую точку (он показал ее на карте), где предположительно мог находиться штаб армии, и вручить там пакеты.

На вторые сутки пути по горным кавказским тропам их остановила группа наших военных. Позже Лиходеев описал эту встречу:

«Я не помню лица того полковника, я помню только четыре шпалы под пьяным лицом... Вспыхнул черный рот и я услышал: “Кто такие?”»

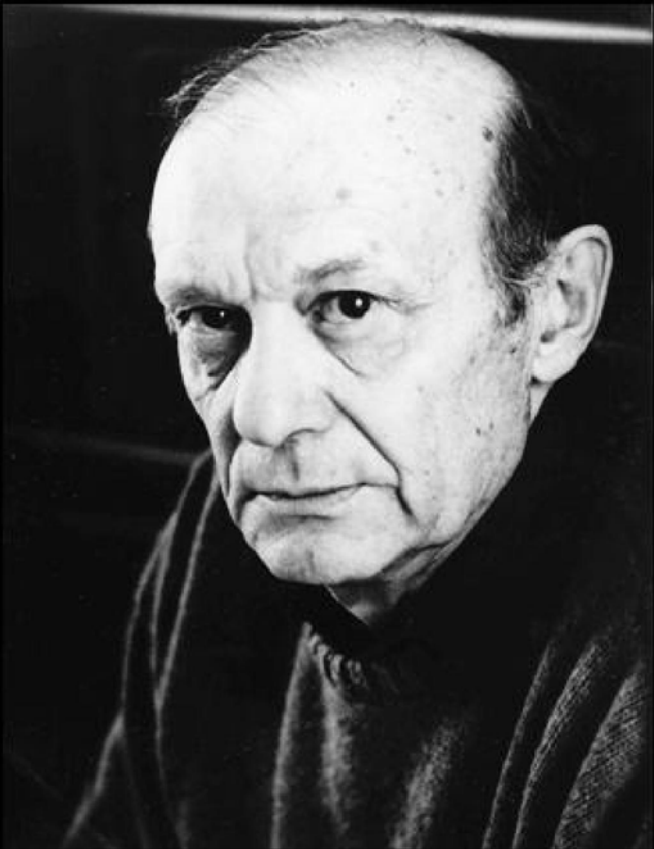
Мой товарищ как старший по званию (а он был целый лейтенант) отковырял и доложил, какой мы части и куда идем. “Ага-а, предатели, – вспыхнул черный рот. – Расстрелять!” И прежде чем я успел осознать то, что услышал, раздался поспешный, торопящий, нетерпеливый и испуганный голос: “Разрешите исполнять, товарищ полковник?” – “Валяй!”

...Это был безусый школяр в безразмерной шинели. Пилотка его неуверенно сидела на высоко торчащих черных волосах. У него были толстые, очень толстые роговые очки. Он неумело толкнул меня в бок коротким прикладом автомата Дегтярева. Меня никогда не водили под конвоем, меня никогда не водили на расстрел, и я до сих пор не могу понять, почему я привычно завел руки за спину, как опытный арестант... На тропинке этот близорукий тощий парень тихо сказал: “Ребята, сейчас я буду стрелять... не бойтесь, в воздух... а вы бегите... Через каньон. Кажется, там наши...”»

Не окажись тогда, в 1942-м, рядом с пьяным полковником безусого школяра, в одну секунду, может, не стало бы Леонида Лиходеева, замечательного писателя, прекрасного человека, моего друга.

Лиходеев приехал в Москву в 1949 году в самый разгар борьбы с космополитизмом. Естественно, его нигде не печатали, и очень часто у него не было ни гроша в кармане. Иной раз удавалось заработать тем, что, как и Зверев, он сочинял очерки за так называемых «бывалых людей».

Как-то Леня работал с одним капитаном дальнего плавания. Они подружились, и капитан предложил ему место замполита на своем корабле. Лиходеев сразу же согласился. Осталось утвердить кандидатуру в политотделе министерства морского флота. Как только Лиходеев вошел к начальнику политотдела, тот вскочил, обнял его и, вздыхая, проговорил: «Сынок, да ты же, оказывается, еврей! Вот беда-то какая. Ах, беда, беда! А я смотрю – такой парень, такой хороший, а еврей!»

Отплытие в море, естественно, не состоялось.

Уже на фронте Леня стал писать стихи. Сперва подписывал их своей настоящей фамилией – Лидес. Но редакторы, готовые его напечатать, напрямую спрашивали: «А, может быть, подпишетесь как-нибудь иначе?» Вот тогда-то и пришлось ему стать Лиходеевым.

Стихи у него были совсем неплохие. Многие всю жизнь пишут не лучше и процветают. Его и в Союз писателей приняли как поэта. Вышла одна поэтическая книжка, потом другая. Радуйся, казалось бы. Но Лиходеев неожиданно порывает со стихами. Начинает писать фельетоны. И здесь его ожидает воистину громкий успех: он становится, пожалуй, первым, лучшим фельетонистом страны. Популярность приобретает огромную. Имя его не

сходит с газетных страниц.

Однако в декабре 1966 года в журнале «Советская печать» вдруг появилась его статья: «Лиходеев против Лиходеева». Речь в ней шла о том, что за семь лет до этого Лиходеев напечатал фельетон, обличающий стяжательство. Кто только ни вытирал тогда ноги об это гнусное, позорное, несовместимое с нашим строем явление, кто, борясь с ним, не наживал себе каменных хором. А Лиходеев, заклеив стяжательство, крепко задумался. «Мое пионерское прошлое дало себя знать, когда я писал этот фельетон, – признавался он через семь лет. – Детская нетерпимость сделала свое дело... Мы не замечали или не хотели замечать элементарной экономической несправедливости, которую поставляло время...» Он говорил о том, какими бедами чревато презрение к частной собственности, как рынок, ушедший в подполье, порождает стихию в таких отвратительных формах, о которых «ни в законе сказать, ни в фельетоне описать...» И сказано это было, повторяю, в 1966-м. До гайдаровских реформ оставалось еще четверть века.

Помню, главный редактор «Литературной газеты» Александр Борисович Чаковский как-то мне признался: «При определенных обстоятельствах я сумел бы даже напечатать: “Долой Советскую власть!” Смотря как подать... Но когда Лиходеев пишет, что было бы хорошо, если бы дворники чисто подметали улицы, то напечатать это уже совершенно невозможно. Это такая антисоветчина!»

Честно говоря, я расценил тогда эти слова как свидетельство невероятной обличительной силы фельетонов Лиходеева: чуть тише можно, а так – уже нельзя. Позже я понял, что был неправ. Обличать разрешалось как угодно громко, особенно дворников. Лиходеев же не обличал, он, наоборот, жалел: дворников, своих читателей, главных редакторов, которым приходилось ерзать на стуле от его фельетонов. Вот такая жалость и оказывалась чаще всего недопустимой, махровой антисоветчиной.

И вдруг новый резкий поворот в его творчестве. Так же, как когда-то он оставил поэзию, теперь он уходит из фельетонистики. Почти совсем. Редко когда появляется в печати его имя. Слава, успех, немислимая популярность – можно ли пренебречь всем этим? Но Лиходеев за достигнутое опять не держится. Мы, близкие друзья, знаем: Лиходеев сочиняет роман. Знаем, что при нашей жизни он напечатан скорее всего не будет. Более того, если

кто-нибудь донесет об этом сочинении, то не поздоровится ни его автору, ни нам, которым он читал только что написанные главы. Называется роман «Семейный календарь, или Жизнь от конца до начала».

Книга охватывает судьбы нескольких поколений. Начало двадцатого века. Люди, которым суждено было, кажется, сделать Россию процветающей, богатой. И другие – фанатики, под пламенные призывы к всеобщему счастью пустившие страну под откос. Драма палачей, ставших жертвами, и драма жертв, приведших к власти своих палачей, – все это написано было с поразительной подлинностью, словно рукой очевидца.

Однако времена изменились, и книга успела выйти при его жизни. Даря ее мне, он сделал надпись: «Ты мог в это поверить?»

У него было больное сердце, ему вживили биостимулятор, и он говорил: «Теперь я буду жить долго-долго. Вы все умрете, и мне без вас будет очень скучно». Но он нас не пережил. Через несколько лет у него обнаружили рак. Умирал он на даче в Переделкине. Умирал тяжело, но когда мы приезжали к нему, шутил, живо обо всем расспрашивал, был тем же мудрым Леней, которого мы всегда знали.

Каждое утро я со страхом ждал звонка Нади, его жены, мы понимали, что счет идет на дни. Но в один из таких дней она позвонила мне: «Знаешь, чем он вчера занимался? Вспоминал частушки, которые когда-то слышал».

К нему приехала корреспондентка газеты «Досье», приложения к «Литературной газете», и он продиктовал ей статью «От протопопы Аввакума до Ленина». Говорил, как безжалостны и опасны фанатизм, нетерпимость, сколько бед они натворили и, увы, еще натворят. Журналистка оказалась молодой, неопытной, не совсем правильно записала его слова, и Леня ужасно огорчился. Втроем, с ним и Надей, мы выправляли текст. Он не шел ни на какие уступки, требовал абсолютной точности.

«Досье» с его статьей вышло в день похорон.

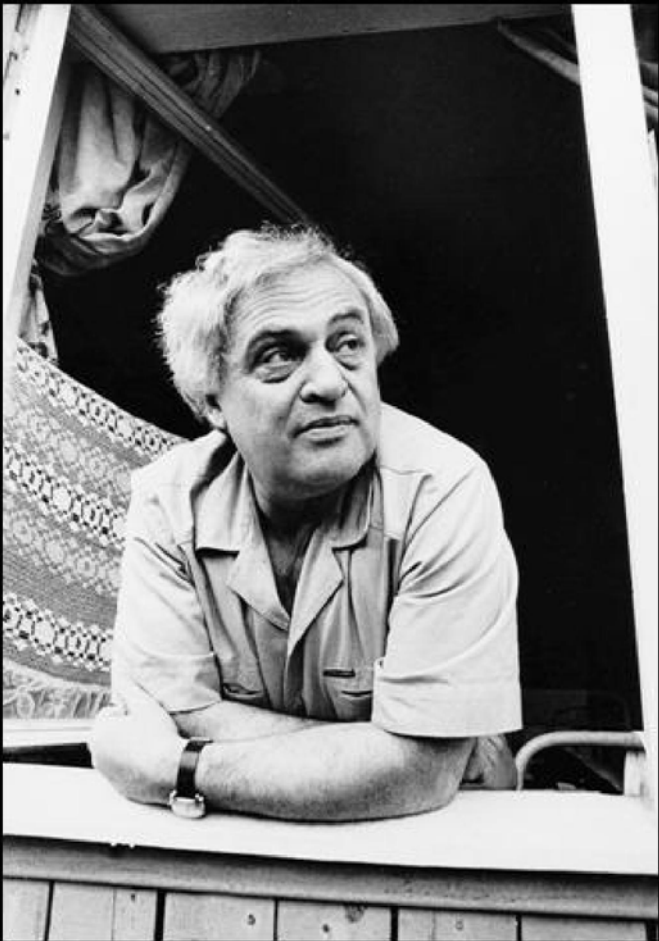
Всю жизнь он занимался своим настоящим делом. Любил одну-единственную женщину. Среди друзей его не попадались случайные люди. Леня был счастливым человеком.

ІІ ІА ÈÇÓ×ÀË ÈÑÒÎÐËÏ, ІІ АЕËА ІАÉ

Широко известно имя историка и писателя Натана Яковлевича Эйдельмана; его превосходными, его блистательными книгами мы зачитываемся уже много лет. Но все ли знают, как непроста была его дорога?

Когда Натан – для нас, его друзей, Тоник – еще учился на историческом факультете МГУ, отец его, Яков Наумович, фронтовик и известный журналист, был обвинен в сионизме и посажен. Освободился он уже после смерти Сталина. Рассказывал, как сосед по бараку, старый еврей, однажды спросил его, сколько писем разрешено ему писать домой. Яков Наумович ответил: «Одно в полгода». Сосед сочувственно вздохнул: «А если бы победил Лев Давыдович, вам бы разрешили писать целых два письма».

Эйдельман-старший отличался энциклопедической образованностью, а также взрывным темпераментом. Тем и другим обладал и его сын.

Когда через много лет отец умирал от рака, Натан от него не отходил. Накануне смерти, с трудом произнося слова, Яков Наумович спросил, скоро ли будет играть бразильская команда: в те дни шло первенство мира по футболу. «Послезавтра», – сказал Натан. «Жаль, – прошептал отец, – я уже не узнаю результат».

МГУ Натан закончил в 1952 году, диплом защитил о банковском капитале: очень тогда увлекался экономикой. Отец еще сидел, и Натана никуда не брали на работу. Помогли... две тонны цемента. В одном из подмосковных городов – устроиться в самой Москве Натан и не рассчитывал – директор заводской школы рабочей молодежи, с которым Натан вел переговоры, спросил, чем он может им помочь. «В каком смысле?» – не понял Натан. «Ну, скажем, нашему заводу очень нужен цемент». Цемент? Откуда у Натана цемент? Но случайно оказалось, что дальний родственник Эйдельманов как раз имеет дело со строительными материалами. Цемент был отправлен, и Натана взяли

преподавать историю.

Слава о его уроках очень скоро обошла всю Москву. То не были уроки в обычном смысле. Натан устраивал увлекательные исторические игры. Персонажи из далекого прошлого оживали на глазах, вели между собой дискуссии, потомки судили предков. Опровергалось известное изречение о том, что история не имеет сослагательного наклонения. Здесь она его имела: а если бы Петр не казнил сына, а если бы Самозванец взял столицу?..

Впрочем, учителей тогда катастрофически не хватало, и, кроме истории, Натану приходилось преподавать еще и географию, немецкий язык и даже астрономию. Когда через несколько лет он оставил эту школу и перебрался в Москву, у его учеников был траур.

В Москве, однако, осесть ему не удалось. Пришлось опять искать работу в области. Наконец его приняли в истринский краеведческий музей. И, как оказалось, то был его счастливый билет. Приводя в порядок архивы, к которым никто никогда не прикасался, он обнаружил важные документы, связанные с Герценом, и они дали толчок к серьезной исследовательской работе Натана.

В нашей компании лучшего рассказчика, чем Натан, не было. Ему говорили: «Хватит болтать, бери перо и пиши». Но до пера и бумаги руки все не доходили. Не знаю, сколько бы это еще продолжалось, но однажды Натан зашел в редакцию «Литературной газеты» к своему товарищу Юре Ханютину. В кабинете, кроме Ханютина, за маленьким столиком сидела незнакомая пожилая дама. Ханютин неожиданно спросил: «Тоник, а сейчас, в наше время, можно найти клад?» Натан возмутился: «Какой клад? Если ты имеешь в виду археологию...» И стал рассказывать. Ханютин слушал, кивал головой, а минут через пять неожиданно встал и вышел из комнаты. Натан растерянно замолчал. «Продолжайте», – строго сказала пожилая дама; это была стенографистка. И Тоник прочел ей великолепную лекцию про археологию. Через несколько дней Ханютин изучил стенограмму, нашел, что все годится, надо только начало поставить в конец, а конец – в начало, и статья Натана о

проблемах археологии была напечатана в «Литературной газете». Так появилась первая, насколько я помню, публикация Натана Яковлевича Эйдельмана. Было это уже во времена хрущевской оттепели.

Впрочем, в Союз писателей Натан вступал тоже довольно весело. У него уже вышла книжка о Герцене, появились «Путешествие в страну летописей» и другие книги; они имели успех, их читали взахлеб. Однако приемная комиссия Союза писателей кандидатуру его каждый раз упорно отклоняла: да, конечно, все это очень интересно и лихо написано, но где же тут литература? Это скорее наука, история. Не знаю, чем бы закончилась борьба с приемной комиссией, если бы не очередной забавный случай. Как-то в ресторане Дома литераторов (в просторечии «гадюшник») кто-то из сидящих за столиком пожаловался: он, мол, взялся составить сборник фантастики, сроки поджимают, а прозы мало. Тут же возник спор: можно ли за неделю написать фантастическую повесть. Натан сказал: да, можно. Поспорили на бутылку коньяка и четыре порции шашлыка-бастурмы. Натан написал в срок. О чем там шла речь, уже не помню, помню только, что главной героиней была... космическая куртизанка. В том самом сборнике повесть эта была напечатана. И когда в очередной раз Эйдельмана представили на приемной комиссии, докладчик сказал: «Вы говорите – наука, наука, но космическая куртизанка – это же настоящая литература, прекрасный художественный образ». И Натана наконец приняли в Союз писателей. Он отличался драгоценнейшим умением жить увлеченно, даже азартно. Можно было не видеться с ним неделями, но при встрече оказывалось, что он в курсе самых мельчайших подробностей твоей жизни. Он обладал редким, почти не встречающимся сегодня качеством: каждый, кто с ним общался, чувствовал, как он Натану интересен. И это не было формой вежливости, это было действительно так. Иной раз я даже отказывался его понимать, спрашивал: «Ну о чем ты два часа болтал с этим тупым партийным функционером?» «Ты ничего не понимаешь, – возразил он, – это такой кладезь информации!»

Книги его шли нарасхват, выступления собирали переполненные залы. Будучи выдающимся историком и блестящим писателем, он не просто исследовал исторические события, он как бы приглашал читателя стать их современником. Недаром его книги назывались «Твой XVIII век», «Твой XIX век». Столетия эти – не чужая, давно прошедшая для тебя эпоха, как бы говорил он своими названиями, они и твое, читатель, время, оно не исчезло бесследно, оно наложило отпечаток и на твою судьбу.

Он писал о екатерининской Рос

сии, о Павле Первом, о декабристах. О Пушкине написаны горы книг, но мало кто рассказывал о нем с такой скрупулезной точностью и с такой проникновенностью, с таким воодушевлением. Прекрасно сказал об Эйдельмане писатель Яков Гордин: «Он не изучал историю. Он жил в ней. Он не говорил об истории. Он говорил с историей в лице ее “действителей”. Он изучал и воспроизводил только персонифицированные идеи, то есть – личности и судьбы».

Ему посчастливилось узнать подлинное признание и глубокую, искреннюю любовь читателя. Но ругани, ненависти, гнусных нападок и прямой клеветы тоже досталось ему через край. Да и сегодня еще, через 14 лет после его смерти, вслед ему выплескиваются потоки злобной брани и мерзкого, грязного вранья.

Совсем недавно, в апреле 2003 года, газета «День литературы» опубликовала переписку двух литераторов – Андрея Мальгина и Сергея Есина. Главная их печаль – стоит только проявить некоторое инакомыслие, как тут же тебя без всякого повода окрестят антисемитом. А какие они антисемиты? Мальгин даже уверяет, что, не будучи евреем,

«животных антисемитов» «не переваривает с детства». Правда, тут же огорчается: «Разгромив НТВ и еще кого-то в еврейском лагере, Путин не создал никакого идеологического бастиона для подлинных государственников, для настоящих патриотов». Убеденный же неантисемит Есин, которому «до чертиков надоело говорить о евреях» и который «с удовольствием не знал бы о них», ему вторит: «Процентное соотношение евреев-литераторов... чудовищно по отношению к русским. Мы что, хуже пишем?» И с тоской вспоминает, что когда-то в журнале «Юность» он «стоял всегда во вторую очередь и проходил только тогда, когда проходили все свои». Ну, словом, обыкновенные инакомыслящие – что с них взять.

Так вот, среди прочего Мальгин рассказывает, как в свое время сильно пострадал из-за Эйдельмана. Вспоминает редакционную летучку в «Литературной газете», где обсуждалась его статья о книге Натана. В ней он «доказательно», по его слову, назвал Эйдельмана «плагиатором». «Зная, что из-за Эйдельмана меня будут бить, – продолжает он, – я взял с собой на летучку целую папку дополнительных материалов. Меня втоптали в грязь шестьдесят эйдельманов, сидевших в зале, я понял, что никому не интересна суть вопроса. И я им сказал с трибуны фразу, из-за которой меня выгнали с работы... Я сказал в сердцах: “Вот вы всегда так, слышите только одно: “Наших бьют”»».

Мальгин лжет. Лжет беспардонно. Дело в том, что в ту пору я тоже работал в «Литературной газете», был на летучке и отлично помню всю позорную историю с его статьей, громившей книгу Натана «Большой Жанно» (о Пушкине). Статью эту я увидел еще в верстке. Прочел ее. Злобный разнос. Было впечатление, что Мальгин выполнял чей-то «влиятельный» заказ. Позже стало известно: статья эта, как и некоторые другие публикации в «Литгазете», действительно, должна была помешать выдвижению Натана Эйдельмана на Государственную премию.

Впрочем, квалифицированно справиться с поставленной задачей Мальгин не сумел. Статья его была вопиюще безграмотна. Имена исторических персонажей, даты, фактические обстоятельства – все было перевернуто, перепутано. Прочитав верстку, я позвонил Натану. «Любопытно, – сказал он, – захвати полоску, вечером я приеду». Проглядев текст, Натан возмутился. Нет, не из-за ругани в свой адрес, она его не тронула, его возмутило фантастическое количество ошибок. «Ну какой неуч!» – вздохнул он и... стал править материал. Весь вечер он приводил поносившую его статью в божеский вид.

Удивительно, но мне это показалось тогда совершенно нормальным. Уж не знаю, что на меня повлияло, может быть, профессиональная привычка при виде ляпов тут же хвататься за карандаш. Однако когда Натан уехал, я подумал: идиоты, что мы делаем? Почему мы помогаем лжецу, интригану, зачем исправляем его огрехи, прячем его безграмотность? Пусть читатель видит, как он дремуч.

Я позвонил Натану. Но он не согласился. «Понимаешь, – сказал, – тогда я не смогу публично ему возразить. Ловить его на незнании, тыкать носом в ошибки – мелко и унизительно. Если я решу с ним спорить, то разговор надо вести по сути, принципиально и без дураков. Нельзя терять лицо».

«Нельзя терять лицо». Слова, которые я слышал от Натана с ранней юности.

Я попытался отговорить заместителя главного редактора «Литгазеты» Изюмова печатать безграмотный материал, но Изюмов возразил: «Я видел полосу, ошибки, кажется, уже исправлены?» Что я мог ответить? Видно, начальство имело на этот счет твердую установку.

А на той летучке я, конечно, рассказал, как Эйдельман приводил в порядок последними словами ругавшую его статью, выгребал из нее все нелепицы. Очень смеялись. И выгнали из редакции Мальгина, разумеется, отнюдь не «шестьдесят эйдельманов» (что они могли тогда, в начале восьмидесятых?) и не за мнимую его смелость на летучке. Просто в какой-то момент в нем разочаровалось редакционное начальство, делавшее на него свою ставку. Он, как говорилось тогда, не оправдал доверия. Однако виноватыми оказались, естественно, евреи.

Впоследствии, когда, рассказывая об Эйдельмане, я приводил этот случай, люди недоуменно пожимали плечами: «Улучшить направленную против тебя статью – это, знаете ли, уже слишком. Такого не требует даже христианское непротивление злу». Но Эйдельман так поступил отнюдь не из милосердия. Когда чьи-нибудь слова или поступки вызывали у него гнев, резкое неприятие (речь в таких случаях никогда не шла о причиненной лично ему обиде, дело касалось всегда вещей общих, принципиальных), то выступал он смело и яростно, не щадя ни оппонента, ни себя. Его резкие отповеди, бывало, причиняли ему немалые неприятности. Но мелочные придирки, сведение счетов, ловля блох ему претили. Самоуважение, чувство собственного достоинства, очень сильно развитые, не позволяли ему вместо спора опускаться до мелких разборок. «Унизительно!» – сказал он мне.

Отец его исповедовал сионизм. После смерти Якова Наумовича в память о нем под Иерусалимом даже посадили небольшую рощицу, десять деревьев. Я знаю, Натан этим гордился. Сроднившись с русской историей и культурой, живя в ней, дыша ее воздухом, лучше, чем кто-либо другой умея осмыслить и прочувствовать ее, не представляя себе жизни без нее, он в то же время трепетно оберегал и собственное еврейство. В том не было раздвоенности, внутреннего разлада. Для него это было совершенно естественно и органично. Когда в последние годы Натан стал получать мерзкие письма с требованием убраться из России, он говорил: «Пусть убираются эти подонки, – не мне, а антисемитам чужда их собственная страна».

В последний раз мы с ним виделись 1 ноября 1989 года. Жить ему оставалось 28 дней. В тот день он подарил мне только что вышедшую свою книгу, названную строчкой Марсельезы: «Мгновение славы настает...» Даря, написал: «Чтобы чуть веселее – может, продержимся?». Не продержался.

Он собирался тогда с женой Юлей в Швейцарию, уже были куплены билеты. Но чувствовал себя отвратительно, вверх-вниз прыгало давление, он задыхался, постоянно просил открыть окно. Однако к врачам не шел. В поликлинику Юля его заманила обманом, сказала, что у нее болит сердце, надо сделать кардиограмму. Анатолий Исаевич Бурштейн, прекрасный врач и наш большой приятель, предложил Тонику: «Может, и вам заодно сделаем?» А поглядев его кардиограмму, распорядился: «Срочно в больницу, никаких отговорок». И созвонился с приемным покоем.

Ранним утром следующего дня меня разбудил телефонный звонок. В трубке слышались всхлипывания, я не сразу и разобрал, чей голос. Потом понял: звонит Юля. Услышал: «Умер Тоник».

Прощались с ним в ЦДЛ, в том самом нашем «гадюшнике», где когда-то Натан взялся за неделю написать о «космической куртизанке». Говорили речи. Я никого и ничего не запомнил. Помню только чьи-то слова: «Привыкайте жить без Натана».

Привыкнуть к этому я не могу до сих пор.

ИСТОРИЯ ОДНОГО СПАСЕНИЯ

Áëàäèñëàá Øí èëüü àí.

Ï èáí èñò.

Áàððáàññèèá àí ááí èèè 1939 - 1945

Ï . : Ï ñòù èëëüò óóü;

Jerusalem : Gesharim,

2003 — 170 ñ

Áëáí à Áíðáëëé

Эта книга – воспоминания известного польского пианиста и композитора Владислава Шпильмана о том, как он выжил в оккупированной фашистами Варшаве. В России больше известен фильм Романа Полански «Пианист», снятый по этой книге, и в некоторых рецензиях на него звучит недовольство использованием «заведомо выигрышной» темы. Человеку, прочитавшему книгу, и в голову не придет сказать подобное. История Владислава Шпильмана – возможно, одна из многих – тем не менее уникальна как история каждого человека, пережившего Холокост. По словам поэта Вольфа Бирмана, написавшего послесловие к немецкому изданию «Пианиста», такие люди – «доказательство существования Б-га».

Шпильман написал свои воспоминания сразу после войны, в 1945 году. Книга называлась «Смерть города». То издание было сильно покорежено сталинской цензурой, да и сама книга просуществовала недолго; довольно скоро она была запрещена, изъята из библиотек и книжных магазинов.

В 60-е годы предпринимались попытки ее переиздать, но успехом не увенчались. Книга была опубликована вновь, уже без купюр, лишь в конце 90-х, сначала в Германии и только после этого в Польше. За короткое время ее перевели на 17 языков и экранизировали, а фильм получил множество самых престижных премий, в частности, три «Оскара» и «Золотую пальмовую ветвь» в Каннах. Русский перевод М. Курганской вышел только недавно в совместном российско-израильском издательстве «Мосты культуры» – «Гешарим». В русское издание, кроме воспоминаний самого Владислава Шпильмана, включены предисловие его сына Анджея и отрывки из дневников капитана Вильма Хозенфельда.

Во многих рецензиях герой-рассказчик изображен беспомощной, пассивной жертвой, пугливо прячущейся по углам от смерти... А ведь он переправлял в гетто оружие, спасал или, по крайней мере, пытался спасти свою семью. Но о своем участии в сопротивлении Шпильман упоминает вскользь. Хотя то, чем он занимался, было очень опасно и в любой момент могло стоить ему жизни. Похоже, предельная откровенность не пошла ему на пользу. За честностью и бескомпромиссной требовательностью к себе иные читатели увидели трусость и слабость.

Очень жаль, что в русском издании нет послесловия Бирмана. Возможно, оно помогло бы тем, кто обвиняет Шпильмана в недостатке смелости или отзывается о нем с презрением, пересмотреть свои взгляды.

Это книга о попытке выжить в страшных условиях, не преступая нравственный закон. Шпильман, может, и не герой, но человек, безусловно, достойный уважения. Он не приукрашивает себя, и это делает ему честь. В одной из рецензий на фильм «Пианист» говорится, что смерть – второй главный герой картины. То же самое можно сказать и о книге. Сначала смерть потрясает, вселяет ужас, постепенно к ней привыкаешь, и из героя она становится лишь фоном повествования. Но снова и снова возникает вопрос: почему? Почему они не сопротивлялись? Их же было так много. Вот что сказал в одном интервью Роман Полански: «В “Пианисте” мне очень хотелось ответить, наконец, на этот дурацкий вопрос. Евреи не сопротивлялись потому, что в жизни не бывает так, как в кино. Это в кино шесть миллионов евреев могут подняться и сказать: “Все, начинаем бороться!” Но на самом деле сначала вам запрещают сидеть на скамейках в парке, потом хранить деньги в банке, потом обязывают носить звезду Давида на рукаве, потом загоняют в один район и возводят вокруг него стену, потом отсылают в лагеря, в печи и газовые камеры. И каждый раз эти люди – а среди них есть родители с детьми, старики – думают, что хуже уже быть не может. Надо только чуть-чуть потерпеть – и все пройдет, потому что этот абсурд долго продолжаться не может. В конце концов наступает время, когда те, у кого еще остались силы, начинают собирать оружие и планировать восстание. Их, тех, кто решил не жить на коленях, а умереть достойно, в итоге набралось не так уж мало – 60 тысяч».

Прав и отец Шпильмана, отвечающий знакомому, который убежден, что надо бороться, ибо на девяносто процентов с Umschlagplatz* всех отправляют на смерть:

«Ἀσπείριεοὰ ἰὺ ἰεεεαεεὰ ἰὰ ἀσπῆ. Ἰὺ ἰαὺ-ἰαὺ ἐβᾶε εἰ γυοῖ ἂ ἰαῖααῖα ἀἰαεὸῦ ἀἰαεδαῖ ἰπὸ ἀαεεῖν ἂιν ῥοῦ ἰθὶ αἰ ὀαῖ».

Шпильман, как уточняет его сын в предисловии, – не писатель. Он музыкант, и в книге нет литературных красот и сложных философских отступлений. Но это очень талантливая книга. Написанная сразу после войны, в эпоху, когда автор, по словам Бирмана, еще пребывал «в состоянии глубочайшего шока», она тем не менее поражает своеобразной неторопливостью. Именно неспешно и обдуманно рассказывает Шпильман о своем страшном опыте. Чем-то «Пианист» напоминает «Дневник Анны Франк», тоже написанный человеком, вынужденным скрываться, живущим в особом, отгороженном от всех, мире. Вообще воспоминания Шпильмана можно сравнивать с разными книгами и фильмами, объединенными общей темой Катастрофы. На память, конечно, приходят и «Список Шиндлера» (некоторые критики даже объявили фильм «Пианист» «вторичным» по отношению к фильму Спилберга), и уже названный «Дневник Анны Франк», и фильм Анджея Вайды «Корчак», и поэма Александра Галича «Кадисш» (тоже о Корчаке). О Корчаке пишет и Шпильман. Трудно выделить «самые проникновенные» или «самые сильные» сцены в этой книге, но если все же попытаться это сделать, безусловно, одной из них будет вывоз детей из Дома сирот.

«Хαδῆς ἰατῆς εἰεῖ ἂι ἂε, εἰαεδαῖν, 5 ἀαῖνδᾶ (1942 ἄ - Ἀ.Ἀ.), ἰ ἰὰ αἰαεῖν ἰ αἰ αἰεῖν αἰαεδαῖν ἰ ἀαῖνδᾶ. Ἐγῶ ἰ ἰ Ἀσπῆ ἰ ἰ εἰεεὸα, ὡ ἰεο-αεῖ ἰ ἰ πὸ αε ἰηεαῖ αεῖ αἰ ἰ ἀδσᾶ :-αδῆς ἂιν ὀ ἰ Βίβσα Ἐἴθ:-αεᾶ ἰ ἰ ηῖεῖ εἰ ἀἰ ηῖεοαῖ ἰεεᾶ ἰε-ἰεθὶ οἰ ἰ ε. Ἀ ὀ ἰ ὄσθ Βίβσα Ἐἴθ:-αε αἰεεαῖ αἰε ἀἰ ἰ ἰεῖεοῦ ἰ δεεαε ἰ ἀἰ ηῖεαῖ εε Ἀἰ ἰ ἰ ηεθὶ, εἰ ὀ ἰ οῦ ὀ θεῖ ἰ αἰεε. Ἀαὸ αε ἰ ηεαεδαεῖν ἂι αἰεδαῖν ἰ αἰ εο, ὀ ἰ αἰ αεα αἰεᾶ αἰε ἰ αε ἰ ἰ ηοῦ ἰ ἰ αἰεδαῖν ἰ ἰ ἰ ὀ θᾶ ἰ αἰ αἰεε ἰ αἰ ὀ αἰ :-οἰ αἰ ἰ ἰε ἰ ἰ αἰεεε αἰ ὀ ἰ ηῖ ὀ θᾶ αεαῖ οῦ ἀαὸ αε. Ἰ ἰ ηαῖδεα ἂιν ὡ ἰ -ἰεθὶ οἰ αἰεεα ἂι αἰ ἰ ηῖε αεεεῖ ε, ἰ ἰ ὀ ἰ αε ἰ ηοαῖν ἰ ἰ εῖ ε, :-οἰ αἰ ἰ αεαῖε-οῦ εἰ ἰ ἰ ηῖαῖ εε ἰ οῦ».

Как тут не вспомнить Галича:

È áææèð çàì ííþ í áðáíá:éé,

Ðí áéí í ðéáííáíóííí é íéá:á /

«Ááí ðáððáóáíí ííðáóóííí, Èíð:áé»,

Áííé ááðèóóííéáçéá, ýí íé:á

È ííçáçá, é :óáíííí ó í áðíí á

Β ááíó ááóáé, éáé í á óðíé..

*«Íí íáííííéé íéðíóáí, – пишет дальше Шпильман, – :óí éð æááò í ðéýóí í á ííáíóéá–
ííçáçéá á ááðáíþ. Í áéííá-óí ííé íí íáó ííééíóóíí ðóáí ú íóáðáóéðáéíí úó áóóíúó éíí íáò, :óíáí
íóíðááéóóíí í á éóá, ííðííéá óááóáí é, é éíðí:íééáí, áá í íáéíí éóíáóóíí, á éáí, áá í ííá íá á é
áðéáíá Í í áææé ááóýí ííéó:óá íááóóíí, é áíò, ðááííóíúá, íáðýáíúá ííé áííòðíéééííí íáðáí é áí ááíðá
Í áéáíúéð éíéíííó íííðíáíæáéé ýíííááó, éíóíðíé, éáé éáæáíúé íáí áó, í:áí ú éþáéé ááóáé, á íííáííí
óáí, éíí ííáéðáéíí íóíðááéóó í á óíð ííáó. <...> Èííáá ý áíððáðéé éó í á Áíéííé óééóá, ááò è óéé
áííéí, í íáííáé, Èíð:áé íáí í á ðéáó ááíéð – íáí úó í éááóéó, ííé óíæá íéýéé, á Èíð:áé ðáííéáçíáéé éí
:óí-óí íí áóííá Í áááðííá, á ááçíáíé éáí áðá, éííáá áç óéá ííááéé ááóííéá áíðáíé, á áí áíóí ðááííðé é
í áááæáíú íðéóáé íððáó, Nóáðíé Áíéóíð éç íííéáíí éó ííé óáíðáé éí : “Ýóí íé:áá, ááòé! Ýóí íé:áá., –
:óíáíú óíóú éáé-óí íí ýá:éóú íððáó ííééó í áéáíúéó ííáííá:íúó íáðáí íáðáíí:áíéáí :áðóú í áæáó
æéçíþ é íí áðóíþ”».*

И у Галича:

*Ðááíúí é áíðéíéáí é áðýóáý, /Í ú éááí í á ááíéú, á íííáðáé, /È ááðóó, íí áóááóéííí ííééóáé
/Èíæáííé ðéíéé í íá éíçíðáé, /È íðéóááó íéá: á ááó áááíííí, /È íáá áííé í ðííáéíí íé í ááóíé /Í éáí áí áí
í á çíáí áí é çáéáíí /È éáááá, ééááá, ééááá çíéíóíé, /Í íæáó, á æéçíé áíéí íí-áðáíí á /Óíéúéí ýóá íéáçéá
ááí í á ááó, /È íáíáí ó íííéáí áí ó áááíí á /È íáíáí ó :éíðéééíó-áááíí á, È íáóíóúáí ó óéíðéíþ áááíó /
íáííþ ííáóíáéð «Áíí íéðíó».*

Впрочем, Корчак – не единственный выразительный персонаж на страницах «Пианиста». Их много – своеобразных, запоминающихся. Это и Генрик – брат Владислава, юный бунтарь, не признающий власти фашистов, отвергающий унижение даже перед лицом смерти (его с братом и отцом задерживают после комендантского часа на улице, а это чревато незамедлительным расстрелом). Генрик, добровольно пришедший на страшный Umschlagplatz, чтобы разделить судьбу своей семьи, увозимой в Трелинку, и в последние минуты перед отходом поезда в небытие читающий оксфордское издание Шекспира.

Это Иегуда Зискинд, «решительный оптимист», поддерживающий Шпильмана в первые месяцы войны, уверенный, что все будет хорошо, даже когда становится понятно, что будет только хуже.

*«Í á áíéí íé íáííá çéíááúáá íáíúóéý, – áíííí éíááó Óíééúí áí, – éíóíðíá íí í á íí íá áí
éíóáðí ðáóéðíááóúí áéó:óðþ ííóííó».*

И дальше:

*«Èáé æá óðóáíí ðóáéí í íá íáááýóóíí í á éó:óáí, éíááá óáééé çéíééíáá, é í á ííðáéííí íééíá,
éóí í íá áí í íá áíá éáé íéááóóó íáíííéóúí Óíéúéí ðáíáðí ý íííéí áþ, :óí íðáá áíéé í á ý é í á ýóé
ííáíúáíéý, á çéíééíá. Í íçáí áí áíá íéó:ééííí éí áííí óáé, éáé íí í ðááðáéáé, óíóý óíáá í ú í á í íáéé á ýóí
ííááðéóú».*

Это Хелена Левицкая, укрывавшая Шпильмана после его побега из гетто, самоотверженно заботившаяся о нем.

Немец, которого Шпильман называет «единственным человеком в немецком мундире». О нем – в этом «Лехаиме» [здесь](#).

** Ἰεγυαῖι ἁ ἀδοαῖιῖ ἄδοι, ἰοεῖα ὀτᾶεε ἰγαῖα πῖ ἀδο ε̇ ἁ ὀδοεῖε ε̇ ἰπᾶι ο̇εῖ.*

ЛЕХАИМ ОКТЯБРЬ 2003 ТИШРЕЙ 5764 – 10 (138)

ЧИСТО ЛИТЕРАТУРНОЕ УБИЙСТВО

Áàòüý Áóó
Óáèéñòáî íà èàòáäðá èèòáäòóðú.
Ì. : Ì îñòú èóéüòóðú;
Jerusalem : Gesharim, 2003 — 366 ñ

Áì èòðéé Ì ðéíóüá

В конце 80-х Батья Гур была самой популярной писательницей в Израиле. Так случилось, наверное, просто потому, что она сочиняла детективы, а до той поры в израильской литературе этот жанр был почти неизвестен. Иврит вообще гораздо лучше подходит для описания состояний человека, чем для описания действий. Потом ее благополучно забыли, и самым популярным стал Рам Орен, отработавший, кажется, во всех жанрах массовой литературы. Теперь, слава Б-гу, и время Орена прошло. И, похоже, есть надежда, что интерес читающей публики вернется к более интеллектуальным произведениям.

Детективы Батьи Гур «массовой литературой» до конца так и не стали – остановились на грани. В то время, когда израильский читатель увлекался ее романами, термин «массовая литература» еще нес в себе некий оттенок осуждения – по крайней мере, среди культурной публики.

В романах Батьи Гур есть явные претензии на психологизм, попытки раскрыть внутренний мир персонажей. Достоинство ли это для классического детектива или все-таки недостаток? По крайней мере, я – не берусь утверждать. Я в свое время прочел четыре ее книги, и мне показалось, что экскурсы в интимные переживания героев делают повествование несколько неповоротливым. Но – что гораздо хуже! – почти сразу становится ясно, кто убил. Просто по принципу исключения, поскольку внутренний мир убийцы по закону жанра должен оставаться закрытым до последней главы.

Впрочем, эти претензии можно объяснить субъективными вкусовыми пристрастиями критика. Но когда начинаешь читать текст, становится уже как-то не до услаждения вкуса: добраться бы до конца этих бесконечных вязких предложений, не запутавшись в местоимениях и причастных оборотах. Примеры? Пожалуйста.

«Тогда ОН сказал ЕЙ, что, хотя в ЕГО жизни было множество женщин, ОН всегда стремился к такой, как ОНА, но никак не думал, говорил ОН тогда, что ОНА сможет им увлечься. ЕГО замкнутость не позволяла ЕМУ пытаться сломать преграду между ними. ОН полагал, что ОНА так предана Тувье, что не сможет ЕМУ изменить. Все это ОН говорил ЕЙ еще в самом начале их романа» (с. 11, 12).

Хотите еще? Ну вот, хоть такой:

«...в петлице торчала неизменная гвоздика, придавая профессору Тирошу, в дополнение к его густой ухоженной шевелюре и изысканному костюму, элегантный европейский вид, который так очаровывал женщин, благодаря чему Тирош стал живой легендой» (с. 12).

А вот – другой, не слабее вышеприведенных.

«Она не могла сопереживать внутреннему миру Тироша, да и миру Тувье тоже, поэтому присутствие рядом с Тирошем этой молчаливой, с виду молодой женщины, вначале сопровождавшей Тувье, а затем Тироша, вызывало у окружающих всевозможные догадки и комментарии» (с. 21)...

Все эти «перлы», как видите — в самом начале романа, да и далее несть им числа. И тут же глаз спотыкается на словах, которых в русском языке нет, а – даст Б-г! – и не будет никогда. Что такое, например, определение «макабристский» (с. 18)? «Макабрический» и одновременно «декабристский», что ли?! На самом деле, однако, ивритское слово «макабри» имеет вполне русский эквивалент – «зловещий». Но это так, замечание к слову.

А как вам понравится «сельхозпосел

ение», использованное дважды на той же с. 21? Может быть, такой термин возможен в каком-нибудь бюрократическом документе советской эпохи, но в романе подобное откровенно пугает. Из этого же цикла неудачного употребления слов – «она увидела его, войдя в небольшое заброшенное кафе» (с. 20). Вообще-то «заброшенный» дом – это дом необитаемый, а ивритское «музнах» здесь лучше перевести как «неухоженный» или, может быть, «грязноватый».

И все это – на каком-то десятке страниц, да притом – в самом начале первой же главы! Дальше примерно все то же самое. И, уверяю вас, читать Батью Гур на иврите – такое же «удовольствие».

Хотя, надо признать, начинается «Убийство на кафедре литературы» многообещающе: на одной-единственной кафедре литературы Иерусалимского университета одновременно гибнут сразу два специалиста по современной ивритской поэзии. Одного умилили сложным, почти неправдоподобным способом – подменив в баллоне акваланга кислород углекислым газом. Другого забили насмерть бронзовой статуэткой бога Шивы. Что ж, поделом: действительно, не еврейское это дело – держать на письменном столе такую языческую пакость многорукую. Да еще и оставили труп в университете на все выходные: запах после этого не могли вывести до самого окончания следствия...

Что-то определенно гниет в этом литературном королевстве, и следствие знает что. Особенно принимая во внимание, что полицейский комиссар, расследующий это дело, сам в прошлом – выпускник филологического факультета. И уж он-то понимает: «надо всем властвует случай, а за каждым случаем стоят некие мистические законы» (с. 57). Вообще, к слову, как раз именно такие полицейские комиссары случаются только у Борхеса. И как искушенные глотатели детективов мы вправе были ожидать, что герой Батьи Гур будет искать убийцу методом, предложенным в борхесовском романе «Смерть и буссоль». А именно – исчисляя имена Г-спода. Подобный метод вполне оправдан, – тем более, что окна квартиры одного из убитых выходили в аккурат на долину Гай бен-Хином, сиречь в геенну огненную.

К сожалению, упования наши не оправдались: убийцей оказался тот – единственный! – персонаж, во внутренний мир которого автор не вторгнулся со скальпелем до последней главы. Впрочем, когда убийца начал давать признательные показания, он стал еще меньше похож на реального человека, чем убитый. Последний – коробка, набитая всем отрицательным: он – холодный бабник, активист «Шалом ахшав», держит в доме полное собрание опер Вагнера и Рихарда Штрауса и записи христианской церковной музыки, приглашает «демократические СМИ» снимать заседание кафедры, – и в довершение всего, как уже отмечено, окна его выходят на Гай бен-Хином. Остается только удивляться, как он дожил до собственной смерти?

Но убийца, как выяснилось, расправился с ним по причине, куда более возвышенной.

«Я хотел ему помочь, я пришел для того, чтобы он сделал то, что – я верил – он может сделать. Не потому, что он мой друг, а потому, что я верил: он – настоящий художник. Но когда выяснилось, что он не художник, не творец и что он жил за счет искусства, созданного другим, – он потерял право на существование. Он извлекал личные выгоды из высшей ценности – искусства, ничего не давая взамен... Он поставил на передний план себя, а не искусство» (с. 355).

Вот, кстати, чем отличается хороший детектив от «не такого хорошего». В хорошем детективе, даже если вначале возникает впечатление, что «за каждым случаем стоят некие мистические законы» – в конце концов обязательно всплывут деньги: конан-дойлову «Собаку Баскервиль» помните? А в детективе «не таком хорошем» автор под конец вымучивает такие побудительные причины, которые по определению могут возникнуть только в разговоре пьяных интеллигентов на кухне в половине третьего ночи. Положа руку на сердце – слышали ли вы, чтобы пьяный интеллигент в половине третьего ночи взял и пошел убивать?

В «Убийстве на кафедре литературы» есть одна-единственная богатая идея. Поэт-неудачник случайно заполучил рукописи стихов неизвестного миру поэтического гения, сгинувшего в коммунистическом концлагере где-то в середине 50-х годов. Он издает книгу собственных виршей под именем открытого им мертвого поэта, а великолепные произведения жертвы ГУЛАГа начинает периодически публиковать под собственным именем. В результате наш поэт-неудачник становится кумиром интеллигенции – пока не закончился запас спасенных из лагеря рукописей. А покойный гений тоже получает свою долю признательности потомков: как-никак, писал на иврите в советских застенках. Тут уж качество никого не интересует. В конце концов, и Ханна Сенеш не Б-г весть какой поэт. Разоблачение мистификатора – неминуемо? Да нет же – оно практически невозможно, по крайней мере, через 30 лет после гибели поэта (действие романа обозначено серединой 80-х годов).

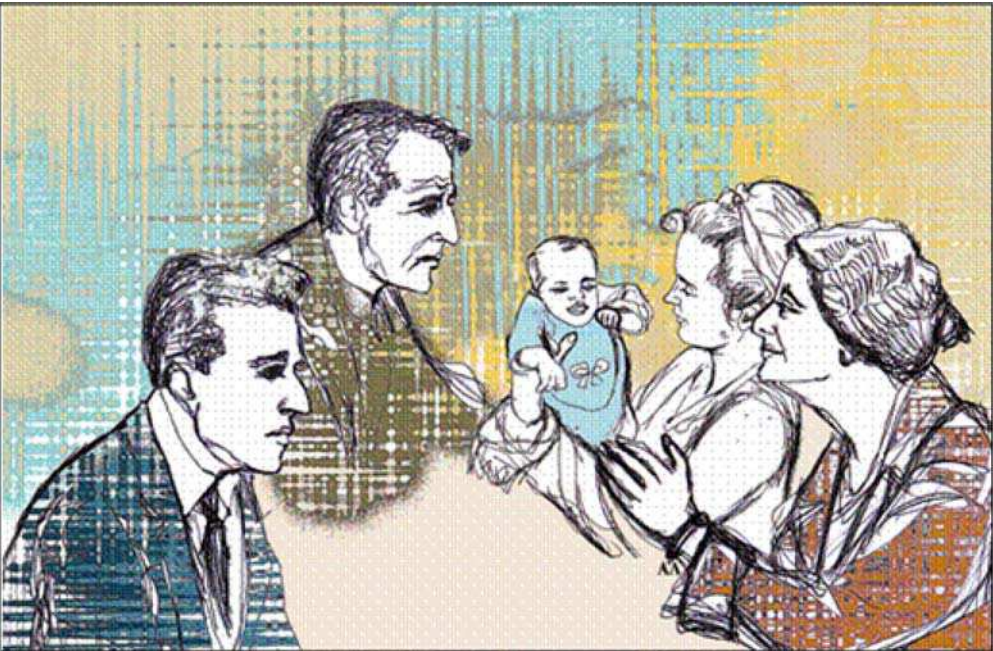
К сожалению, все остальное до этой придумки никак не дотягивает...

Издательство «Мосты культуры» вносит огромный вклад в пропаганду еврейской литературы, искусства и общественной мысли среди русскоговорящей аудитории. А.Б. Иехошуа и Биньямин Тамуз, Давид Шахар и Яков Шабтай – этих писателей мы начинаем узнавать именно благодаря миссии, возложенной на себя издательством. Основатель его и бессменный глава, выходец из России израильтянин Михаэль Гринберг за считанные годы вновь подарил русскому читателю «Иудейские древности» Иосифа Флавия и «Историю еврейского народа» Семена Дубнова. Кроме этих – еще множество книг и исследований,

давно уже ставших библиографической редкостью, а чаще всего – и вообще недоступных нам прежде.

К сожалению, в наше – материалистическое – время такая деятельность не приносит материального успеха. Возможно, именно поэтому Гринбергу приходится издавать нудные «бестселлеры».

Хочу использовать возможность и обратиться к меценатам, спонсорам и просто состоятельным людям. Именно к тем, кому безразлично, узнают ли в России израильскую и еврейскую культуру или по-прежнему будут рассматривать Израиль единственно «через призму ближневосточного урегулирования». Пожалуйста, помогите издательству «Мосты культуры», чтобы оно смогло впредь не растрачивать себя на откровенно проходные вещи, а печатать только настоящую, добротную, а значит – интеллектуальную литературу.

ВРАГ

Áðàéáí Áëáí àèëë

Áðàéáí Áëáí àèëë
(ò.1931) - *í ðíçàèé, ááò í ð*
í áñéí èúééò ñáí ðí èéí á ðáññéàçí á
ðíí áí í á

Ì í í á á *áíí*
í ðí èçáíáí èý *í í ñýóáí ú*
áí áè èéí èí í ó ááðéí ð áú

Сынок, – мистер Перельман взял сына под руку. – Не ради меня – сделай это ради мамы.

– Нет, пап, – сказал Джон: он чувствовал, что в его голосе проскальзывает раздражение – отзвук отгремевших боев, отошедших в прошлое мелочных раздоров, и его это сердило. – Я же сказал: я на это не пойду. Разговор окончен.

Отец прогуливал его по длинному, залитому солнцем коридору, они миновали кабинет – за его распахнутой дверью монахиня в белом куколке, который стоял вокруг лица торчком, точно тонкие листы фанеры, что-то писала, над ее головой висела крохотная восковая, аляповато раскрашенная мадонна с младенцем; абсолютно антропоморфные, подумал он.

– Разве это такая уж большая просьба? – сказал мистер Перельман.

– Да нет.

– И вот еще что, – просительно, срывающимся голосом сказал мистер Перельман. – Ты и без меня знаешь – так гигиеничнее.

От огорчения его мощные плечи ссутулились еще больше. На сына он не смотрел, смотрел на точку в нескольких метрах от него – смуглое, мягких очертаний, овальное лицо избородили морщины, глаза глубоко запавшие, грустные.

– Пап, я же в это вникал, – сказал сын. Ну как ему объяснить? – Доказано, что никакой пользы в этом нет, от этого давно отказались. – Он был на голову выше отца, с более светлой кожей; друг на друга они походили глазами, черными вьющимися волосами и слегка крючковатыми носами. – Задним числом подыскали разумное объяснение и в тридцатые-сороковые это приняло характер повального увлечения.

– Хорошо, хорошо, а я знаю докторов и замечательных докторов, так они своим сыновьям это сделали. Из медицинских соображений; некоторые из них вовсе даже и не евреи. Как бы там ни было, сделай это ради мамы: она не находит себе места.

– Не находит себе места из-за того, что скажут ее друзья.

– Некрасиво так говорить. Правда, некрасиво.

– Да она и в синагогу-то ходит два раза в год: на Рош а-Шона и Йом Кипур.

Мимо них прошуршала еще одна монахиня, сплошь в бело-голубом. Джон бегло улыбнулся ей; когда отец поднял голову, монахиня уже ушла вперед.

– Я готов пойти тебе навстречу, – сказал мистер Перельман. – Можешь сделать это здесь, вовсе не обязательно устраивать брис^{*}. Не хочешь – не надо никаких церемоний, проведем все скромно, без шума, только свои.

– Дело не в церемониях, – сказал сын, при всем при том отдавая себе отчет, что некоторую роль играет и церемония, вернее, то отвращение, которую внушает ему эта картина: стылый каменный зал, бородачи в лапсердаках, старик с ножом. – Где это ни устраивай, дикость она и есть дикость.

– Дикость, – возопил отец. – Ты соображаешь, что говоришь?

А в отдельной палате – с массой гиацинтов, роз, горшков с цветами, горкой апельсинов, винограда и персиков на блюде – миссис Перельман придвинулась поближе к невестке.

– Детка, будь умницей! Ему незачем знать. А для нас, для евреев, это имеет большое значение.

Невестка, светлая блондинка, улыбалась – утопая в подушках, качала смуглого младенца на руках и ничего не отвечала.

– Сделай это ради свекра, – сказала миссис Перельман. – Ты же умная девочка, пусть он дурит, тебе-то зачем дурить? И ведь так, уж во всяком случае, гигиеничней.

– Раз он не хочет, я не могу на это пойти, – невестка улыбнулась миссис Перельман; костистое лицо миссис Перельман еще больше осунулось, посуровело, в резком голосе засквозила неприязнь.

– Ты не о себе думай, думай о малыше, помни, ты перед ним в долгу! А врача можно найти и здесь – какая разница?

Но невестка и на это промолчала, только улыбнулась.

– Он упрямый, так хоть ты не упрямясь, – сказала миссис Перельман.

Плотную, автоматически закрывающуюся дверь отворили, миссис Перельман обернулась и неожиданно расцвела улыбкой.

– Джон, посмотри, какой он милашка. Вы оба такие молодцы!

– Милашка, – повторил сын, и по его х

мурому лицу она поняла: отец ничего не добился.

– Оставляем тебя, детка, – сказала миссис Перельман невестке, наклонилась и мазнула ее губами по щеке, – тебя и моего милашку-внучка.

Перельман тоже попрощался. Малыш спал.

– Джон, мы подождем тебя в машине, – сказала миссис Перельман и вышла, давая ему проститься с женой и сыном.

– Наседала на тебя? – спросил он.

– Сказала: «Будь умницей».

– Старая вредина. Жить не может, чтобы не плести козни.

– Я сказала – без твоего согласия я не могу на это пойти.

– Ты ее здорово отбрила, – сказал он и пожал руку жены.

– Как бы там ни было, ты все равно еврей, – сказала мать, едва машина тронулась с места.

– Знаю, – сказал он. – Знаю, знаю. Чувствовал: он того и гляди расшибется о стену ее непонимания все равно как, ошалевшая летучая мышь.

– И он, он тоже еврей, значит, без этого нельзя.

– Какой он еврей, – сказал сын. – Его мать – христианка.

– Ты знаешь, о чем речь, – сказал отец. – Ты что, хочешь, чтобы он вырос гоем?

– Джон, еврей он всегда еврей.

– Это более гигиенично, вот что важно.

– И ничуть это не более гигиенично.

– Послушай, сын, – сказал отец, – теперь в Америке все так делают, буквально все без исключения, даже гои.

– Раньше делали, – сказал он, – но больше не делают, доказано – это ни к чему. – И усилием воли заставил себя замолчать: знал, какие доводы ни приведи – практика обоснования задним числом, символическое оскпление, – все бесполезно, они ему как с гуся вода, приводить их так же бессмысленно, как пытаться объяснить.

– Ты как отец обязан, – сказала мать, – просто обязан – дать ему возможность выбирать. А там пусть решает сам.

– Как раз так я и намерен поступить, – сказал он и, когда голос матери сорвался на крик, отключился.

– Нет, Джон, не так! Совсем не так.

Выбор, обезличенность – не тут ли кроется подлинная причина? Скрыться – ничем не привлекать к себе внимания, ничем себя не выдать: внутриутробная фантазия – в

бесчисленных рядах неевреев от грядущего холокоста, грядущего погрома? В Венгрии они осматривали одного за другим, покрикивали: «А ну, предъяви свое фамильное сокровище!» Если ты не обрезан, ты уцелел, ты спасен.

– Гигиена, – сказал он уже вслух, – вот, какие резоны они выдвигают. На самом деле такая необходимость не возникает даже в одном случае из ста.

– Умник-шмумник, – сказала мать. – Все-то он знает.

– Это все знают.

– Если сделать это теперь, он ничего не почувствует. Чем дальше тянуть, тем будет тяжелее.

– Джон, разве это такая уж большая просьба? – сказал мистер Перельман. – И разве мы тебе хоть слово сказали, когда ты женился на нееврейке?

Ночью, не в силах заснуть, он думал: ну почему они не могут смотреть на вещи здраво. Это же дикость... Впрочем, ну как они могут смотреть здраво: безрассудство – вот, чем жива традиция. Еврей лишь наполовину – вот кто их внук, он так им и скажет, напрямик.

И тут ему вспомнился необрезанный пенис – до того, как уехать в школу, он ничего подобного не видел и был потрясен его явной, абсолютной враждебностью. До чего ж он чужой – ничего, кроме непрочного, непростого перемирия между ним и этой вот штукой, и быть не могло.

Как глубоко укоренилась эта традиция, подумал он. Уж если она имеет такую власть над ним, чего ожидать от людей поколения его родителей – шаткого, ненадежного моста между нами и Восточной Европой. Все происходящее поразило его своей фарсовостью, и он подумал: в конце концов, это логично – менять имена, менять носы, искусственно наращивать крайнюю плоть.

Пользы для сына в этом никакой, а вот вред может быть – и еще какой: ну а там, захочет быть евреем – в той мере, в какой сам того захочет, – его дело.

Назавтра он поехал в больницу один. Малыш обнаружился в просторной, солнечной палате – его держала на коленях краснощекая сестра-ирландка.

– Передеваю крохотулю, – сказала она.

Малыш плакал – жалкий, слабый писк никак не вязался с багровой, искаженной гневом мордашкой. Сестра стянула с младенца подгузник, обнажив членик – маленькую, беленькую, без единого изъяна трубочку, с кончика которой свисал колокольчик кожи.

Он посмотрел на сына, и ему почудилось, что перед ним – враг.

И дожда на адеенета Е. Аам аетта

НЕВИННЫЕ

Nai ai P'oe'aae:

– Без сомнения, – начал Гершон, отвечая на мысль, высказанную кем-то из нас, – жизнь так сложна и мучительна, что редко кто-нибудь в состоянии противопоставить ей нечто сильное, могучее, исходящее из глубины потрясенного духа. Точно стальной, закаленный молот, повинующийся размаху руки кузнеца, мерно и неослабно жизнь падает на

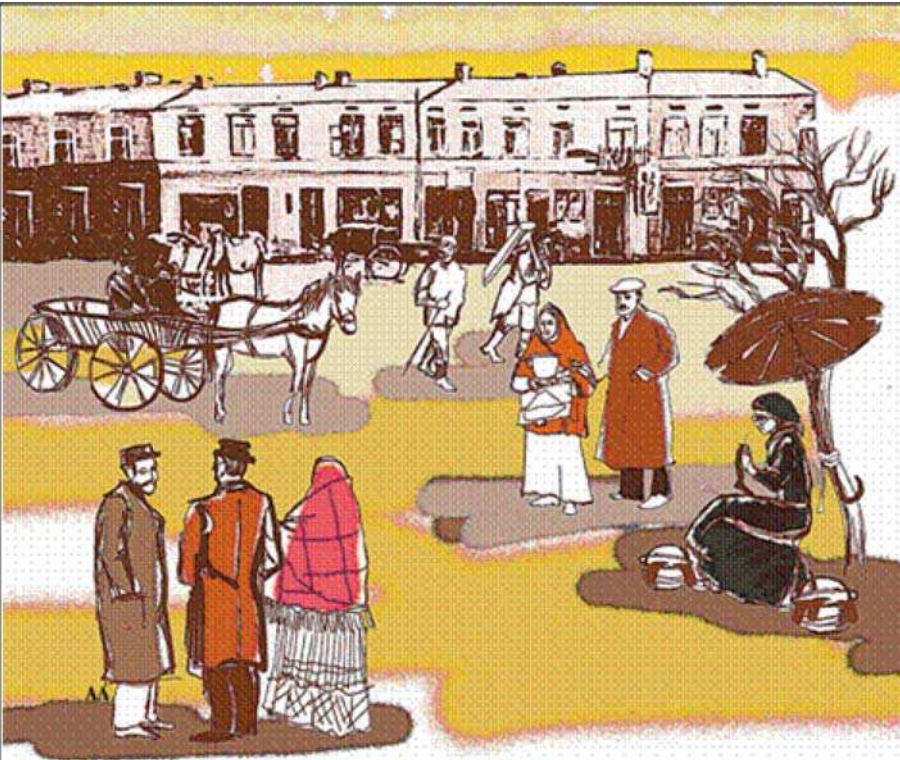
человеческую волю и раздробляя, делает ее мягкой и покорной. Но бывают случаи, когда сдавленная чрезмерно она доходит до предела своей сжимаемости, и тогда истинное величие человеческой души вырастает вмиг. Нет больше стонов, нет слез. Истерзанный, измученный – но поднялся человек. И в такую минуту, точно пелена спадает с глаз, и еще больше дивисься премудрости Творца, слившего в человеке воедино и малое и великое, которое никакими силами отделить нельзя, но оно существует и в нужный момент вспыхивает, как вспыхивает искра при ударе железа о железо.

Он обвел нас всех своим пронизательным взглядом и начал свой рассказ.

– Никто из вас, конечно, не знал той широкой и заброшенной стороны, которая некогда называлась Еврейским рядом, и где теперь раскинулась длинная и, как думают, красивая улица с большими высокими и новыми домами и рядами акаций по обеим сторонам тротуара. Но, как теперь утверждают, что улица красива, что высокие и широкие дома прекрасны и люди в них превосходные, так и я со своей стороны утверждаю, что Еврейский ряд был для меня красивейшей и приятнейшей улицей в мире. И запах, который в ней носился от одного конца до другого, казался мне таким же ароматным, как запах благоухающего сада, и все эти бедняки – торговцы, ремесленники и вообще мученики евреи были для меня так же дороги, как будто они были самыми умными, красивыми и хорошо одетыми людьми.

Улица была широкая, как поле, и по ней всегда бродили мужчины и женщины, мальчики, девочки, собаки, куры, гуси, утки, и все это шумело братски, любовно, ибо в простоте своей не видело разницы между живыми существами. Куриц и гусей резали, собак душили, людей сгоняли в кучу и другим путем не давали жить, но в сущности это было все равно, ибо все живущее подвергается и должно подвергаться гонению, должно кричать, обливаться кровью, мучиться. А после всего – отправляться кто в рай, кто в ад, и все это в порядке вещей, против которого ни у самого умного, ни у самого глупого не найдется слова.

К этому шуму, столь же естественному, как шум ветра или дождя, с самого раннего утра присоединялся шум от хедеров, где десятками наши маленькие евреи и большие мученики изучали Закон с таким усердием и криком, точно это должно было спасти их от будущих бед, – присоединялся шум от споров между одним десятком женщин и другим десятком женщин, так как наши добрые еврейки никогда не могли начать утра, чтобы хоть с ближайшей соседкой не побраниться. И все эти голоса, как много речек в одно

большое море, сливались в крики, вопли, споры, просьбы всех торговцев и торговок, лавочников и лавочниц, мясников и продавцов сладостей, иголок, полотна и башмаков, которые, словно помешавшись, хватали, зазывали, не выпускали, умоляли и клялись перед покупателями, покупательницами, кухарками, слугами, подростками, рабочими, любившими делать закупки только в нашем незабвенном Еврейском ряду. А над всем этим стояло вечное небо, кроткое и спокойное, и добродушно посматривало на нас, своих избранных, и снисходительно прислушивалось ко всем клятвам, невинным обманам, зная, что и правда, и ложь, и крики, и мольбы, и желание продать выгодно, и желание есть, все – суета сует и скоро пройдет, и исчезнет, и утихнет, как все стихало, проходило, исчезало, что было хорошего, веселого, скверного и ужасного, на этом клочке земли, на котором люди, а в особенности евреи считают себя первейшими. И солнце играло и блистало над нами, и посылало дожди самых золотистых и светлых лучей, чтобы хоть немного одушевить и принарядить наши низенькие, старые и темные дома, и вызвать немного крови на наши с детства уже старческие и сероватые лица, и тихо улыбалось, как мать, гогочущим гусям и кудахтавшим курицам, которых с криком гоняли наши ребятишки, которых с криком гоняли их отцы, которых с криком гоняла добрая смерть к месту вечного успокоения. И облака тихо плыли высоко над нашими домами, над нашими криками, над нашей суетой и незаметно исчезали где-то далеко за нашим небом, как тихо, неслышно, и незаметно исчезают все люди, сколько их есть в мире.

Но, подобно тому, как в малой и большой лужице воды на нашей улице отражались и курицы, и собаки, и ребятишки, и наши старенькие дома, и вечное небо со всеми своими прекрасными чудесами и цветами, так и в оторвавшемся кусочке загнанного народа, населявшем дома Еврейского ряда, отражались борьба, заботы, радости и стремления всего человечества.

У края первой улицы под всегда раскрытым черным зонтиком, укрепленным на тонком стволе засохшего деревца, с самого раннего утра, во всякую погоду, скромно и бесшумно сидела худая женщина, одетая во все черное. Явившись, она не спеша устанавливала в ряд две неглубокие корзинки, на дне которых лежали аккуратно сложенные парами черные чулки. Затем она вытаскивала из-за пазухи самую большую пару очков, которые кто-либо видел, запрягала в них свой длинный и тонкий нос, важно и строго оглядывала Еврейский ряд с одного конца до другого, и когда убеждалась, что все в порядке и что каждый уже на своем месте, готовый затянуть длинную песнь дня, она доставала из корзинки недоработанный чулок и принималась с суровым видом быстро двигать спицами. И столько величия и уважения к себе лежало в ее строгих, плотно сжатых губах, так серьезно глядели большие выпуклые стекла ее очков, столько печальных морщинок лежало около ее глаз, что самые бойкие соседки не осмеливались без нужды заговорить с ней. Так она сидела словно каменная с одними живыми, быстро двигавшимися руками, и даже на вопросы торговавшихся покупателей она отвечала, не подымая глаз и продолжая работать.

«Тридцать копеек, добрая женщина, пара, ни одной копейки меньше не могу; 16, 17, 18, – считала она вслух стежки. – Что подельывает ваш муж? Здоров – 13, 14, 15 – Слава Ему, не все еврейки достойны стариться со своими мужьями, – 5, 6, 7, 8. Не меньше 30 копеек».

Ровно в 10 часов утра приходила ее дочь, худенькая, вялая, с большими черными глазами девушка, приносила чайничек с чаем, кусок хлеба, и Марьим принималась за завтрак. Она пила задумчиво и молча, не спеша закусывала, и когда трапеза кончалась, она задавала дочери неизменный вопрос, повторяемый ежедневно и с той же особенной мягкостью и ласковостью, которая была так удивительна при ее суровом лице.

«Гершл здоров?» И когда черные глаза девушки веками отвечали, что здоров, Марьим запрягала нос и, заиграв спицами, сверкавшими на солнце, как только что отточенные ножи, так погружалась в работу, что, казалось, была создана не для того, чтобы быть человеком, то есть жить, думать, смеяться, славить Б-га, а для того, чтобы сидеть в Еврейском ряду и считать – 1, 2, 3, 4... Мало что изменялось в течение целого дня до вечера. Крики и шум понемногу стихали вокруг нее и медленно замирали в какой-то невозмутимой и досадной тиши полудня; улица погружалась в полусонное, мечтательное состояние; соседки уставшими голосами рассказывали свои истории друг другу, ребятишки звонко шептались где-то в тени подле стен, собаки, широко раскрывая рты, лениво зевали и равнодушно следили за клохтавшими курицами, едва жужжали мухи, греясь на солнце, и это оцепенение еще больше оттеняло унылую живучесть продавщицы чулок. Часам к трем-четырем опять, как ветер от туч, срывалась жизнь, и опять все приходило в движение, а она все вертела неустанно своими единственно живыми в этой каменной фигуре руками, а солнце, как верный страж, мерно обходило ее большой, черный зонтик, еле осмеливаясь заглянуть в лицо Марьим, умевшей страдать тихо, без слез и без криков. Вечером она складывала работу на дно корзинки, закрывала свой зонтик, бросала в последний раз испытывающий взгляд в оба конца улицы и тихими шагами отправлялась домой.

Так жила улица Еврейского ряда, так изо дня в день проходила жизнь продавщицы чулок, и так кончался день во всем мире, неизвестно для чего созданный и неизвестно для чего ушедший.

Не нужно думать, что суровая внешность выражала действительное состояние души Марьим. Подобно тому как вывеска не совершенно точно и о многом не упоминая указывает только, что здесь под ней находится лавка, так и наружность Марьим говорила, что за ней скрывается человек. Суровость, смешанная с печалью, давала только путь, по которому догадка могла следовать, но не договаривала обо всем прекрасном, что таилось в этом сердце, скрытом от людей. В действительности Марьим была тихая, поработанная, покорившаяся женщина с золотым нежным сердцем, которое, как скрипка, могло издавать все трепещущие, печальные и любовные звуки, какие когда-либо слышало человеческое ухо. И если бы рассказать, как в течение 50 лет терзала ее жизнь, то это была бы потрясающая повесть о том, как радостная, вечно готовая умиляться цветущая душа медленно, от времени до времени, сбрасывала с себя частицы своей свежести, чтобы очиститься от суеты, которая так пленяет глупого живого человека, забывающего, что ему как смертному только в насмешку были даны и ум, и сердце. С шестнадцатилетнего возраста, насильно выданная замуж за человека книги, не желавшего знать и вникнуть в действительность, ко всему еще оказавшегося чахоточным, она всю свою жизнь провела в какой-то глупой, бесцельной борьбе за все, за кусок хлеба, за каплю отдыха душе, рукам, спине, за все то ничтожное, чего обыкновенно лишен каждый бедняк. И когда после двадцатилетнего ада семья растаяла, то есть когда муж умер и от девяти детей остались только хилая и никуда не годная здоровьем дочь и такой же хилый тринадцатилетний мальчик, еле державшиеся на ногах, она была уже совершенно притихшая, поработанная и покорившаяся. Теперь вся ее жизнь, уже не имевшая для нее никакой цены, сосредоточилась на одном чувстве любви к этому болезненному мальчику, ради которого она жертвовала без оглядки всем последним, чтобы отвратить от него тягость существования. Так же чувствовала, так же поступала и чахоточная девушка, не видевшая для себя в жизни ничего радостного и понимавшая, что она по какому-то странному недоразумению остается в живых. Жил еще с ними прадед Гершла, старик 90 лет, и как бы олицетворял собой живой укор тому, кто правит вверху, что и старый, и никуда не годный и составлявший обузу для этой семьи, он, как на зло жил, жил и никак не мог умереть, переживая сынов, дочерей, внуков, правнуков, жил, точно он один всосал в себя живучесть целого рода, а потомкам передал только крохи своего здоровья. И его жизнь была невесела, жизнь дряхлого, никому не нужного человека, растерявшего своих

сверстников, пережившего всех и все, что давало смысл его существованию, жизнь человека вечно согнутого, с окаменевшими позвонками, у которого ежеминутно мутится разум. Иногда он вспыхивал и с бессильной яростью, удерживаясь от проклятий, гневно бормотал:

– Всех пережил, всех, всех!

А Гершл, задумчивый, худой, с глубокими ямами над ключицами, глядя на старика спрашивал:

– Зачем он думает, мать?

В его словах всегда слышались отдаленные мысли, которые пугали Марьим.

– Ведь он живой, – осторожно отвечала она, – а живой должен думать.

– Но почему он живой? – допытывался мальчик, как бы спрашивая самого себя. – Кому он нужен? Потому ли он живой, что нужно было ему родить детей, внуков, правнуков и пережить их? Но ведь в этом нет смысла. Или может быть, нужно было, чтобы мы с тобой сидели и спрашивали об этом? Тогда тут другой вопрос: зачем деду жить и нам спрашивать? Об этом нужно серьезно, серьезно подумать.

И поставив локти на колени, он клал голову на руки и углублялся в свои думы, которые были всегда так странны и ужасны для Марьим, когда он их высказывал. Это были мудрые, крепкие мысли, которыми он наносил тяжелые удары существующему.

– Зачем мне есть, мать? – спрашивал он, оставляя еду и глядя на Марьим, сидевшую подле него и ловившую его малейшее желание.

И по привычке он уже складывал руки, чтобы положить на них голову.

Но Марьим делала умоляющие знаки дочери, и та, отражая волнение матери, с притворною веселостью отвечала:

– Есть, Гершл, нужно, чтобы быть здоровым; когда ты будешь здоровым, то вырастешь и станешь мужчиной. Тогда уже ты будешь вести дела, а мать отдохнет. Тогда, Гершл, уже ты будешь кормить ее, как она тебя теперь кормит. Кушай, голубчик.

– Конечно, – прибавляла Марьим, – но самое главное, чтобы ты был здоровым, крепким, как дети, которые бегают по улице, кричат и смеются.

– Зачем мне быть здоровым, мать, – монотонно возражал он своим нежным певучим голосом, – и зачем нужно, чтобы ты меня или я тебя кормил? Какой смысл в этом, мать? Каждый день похож на другой, а в конце – смерть. Что ты тут понимаешь?

– Кушай же, дорогой, – умоляла Марьим, дрожа от страха и делая знаки отчаяния дочери, – ты совсем еще не начинал обеда. Кушай же, радость моя!

И после просьб он принимался за еду, но ел равнодушно, как вол жует сено.

А когда после обеда он засыпал на своей кровати, Марьим знаками, чтобы не разбудить его, рассказывала дочери, как она дрожит за жизнь мальчика, как ее мучают его мысли, его худоба, его слабость, и что только тот, кто думает за всех, знает, что из этого

выйдет. И в тишине, какой-то святой и благоговейной, под шум торопливого дыхания деда, который никак не мог набрать в легкие столько воздуха, сколько ему нужно было, девушка пантомимой отвечала, что Гершл – такой странный и дивный мальчик, подобного которому она еще в жизни не встречала. Он умен, говорили ее глаза, но быстро рассекавшие воздух пальцы с трепетом утверждали, что такие долго не живут на земле и что ангелы нужны тому, кто правит вверху.

Иногда, когда погода бывала сухой и теплой и день, пред концом на мгновение замешкавшись на небе, бросал последний взгляд на мир, чтобы подобно всем прежним скатиться в вечность, вся семья выходила гулять. Впереди выступала девушка с корзинкой в руках, в которой лежало несколько ломтиков хлеба с маслом, сзади нее, держа Гершла за руку, шла Марьим, но без очков, а еще дальше позади муравьиными шагами, с выпуклой спиной и вытянутой шеей, напрасно силившейся поддержать голову, упираясь обеими руками о палку, передвигался дед, каждый раз задыхаясь.

Шли молча, не обращая внимания на прохожих, с любопытством провожавших их глазами, и, добравшись до большого пустыря, поросшего травой, усаживались на большом куске гранита, лежавшем здесь десятки лет. А дед все плелся, плелся и своей вытянутой шеей и круглой спиной издали казался большой черепахой.

– Ну вот мы и пришли, – весело говорила Марьим, усаживая мальчика как можно удобнее. – А теперь нужно немного покушать, правда, Либа?

– Гершл наверно голоден, как слон, – в том же тоне и быстро взглядывая на мать, отвечала девушка.

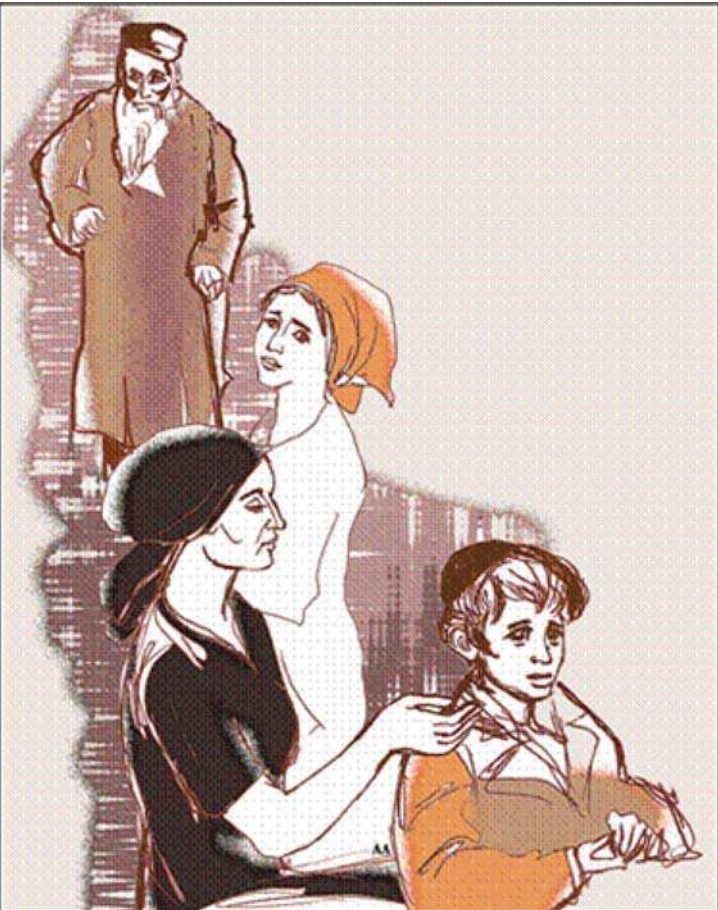
– Как слон, – смеялся Гершл, и от этого смеха обе женщины расцветали. – Ну дай, мать, я покушаю что-нибудь.

Но долго он не ел – смех как-то не держался на его лице, – и возвращался к своим мыслям.

– Вот, мать, – начинал он, и при этом монотонном, немного певучем голосе мать уже что-то с отчаянием начинала рассказывать дочери. – Я сегодня весь день думаю: что такое любовь. Любовь? – Он задумался. – Я сижу с вами и тут, – продолжал он, указывая на сердце, – что-то чувствую, чувствую и знаю, что для вас сделал бы больше, чем для деда, хотя и его люблю. Что же есть это чувство и для чего оно нужно? Если для того, чтобы для вас что-то сделать, то зачем нужно, чтобы вы в этом нуждались? Значит, мать, тут нет смысла. Но все-таки любовь есть, а камень, на котором мы сидим, земля, что лежит под нами, не знают любви, и мы, когда умрем, то тоже станем землею и любить не будем. Куда же это любовь денется, которая существует и неизвестно для чего? Об этом, мать, – закончил он своей любимой поговоркой и махая пальцем, – нужно подумать, подумать, подумать!

Пока он говорил, мать и дочь знаками переговаривались, и обе знали, что если бы можно было, то кричали бы и ломали пальцы от страха.

– А потом, мать, – продолжал он своим меланхолическим голосом, выпив воды, – я вот еще о чем думаю. Помню я сестер своих и люблю их, помню я дядю Саула и тетю Симу, и они умерли, а я все люблю их. Что же я люблю? Землю? Но земля одна, и может быть, мы теперь топчем ногами дядю Саула? А как земля может быть моей сестрою или дядей, или тетей? Когда же я умру, и ты, мать, умрешь, то мы оба будем землею; но как же

одна земля может быть матерью, а другая сыном? Как это непонятно все, как непонятно. И об этом, мать, нужно крепко, крепко подумать.

Он подставлял свои руки для головы, опирался на плечо Марьим и, тихо вздыхая, устремлял свой серьезный вопрошающий взгляд на небо.

– О Гершл, – едва сдерживая рыдания, отвечала ему Марьим нежно, лаская поцелуями его щеку. – О чем и почему ты всегда задумываешься? Если бы ты мог быть веселым, беззаботным, как все мальчики твоих лет! Ведь таких вопросов, Гершл, даже задавать нельзя, потому что не в нашей власти ответить на них. Мы, Гершл, должны быть слепы, глухи, глупы во всем, что выше нашего понимания. Мы должны, Гершл, тихо, без шума провести нашу жизнь, подаренную нам тем, кто правит вверху, работать, чтобы не занимать даром места на земле, и

любить, любить людей, быть добрыми, милосердными. А все остальное, дорогой мой, само собой приложится, ибо обо всем и за всех уже подумал тот, кто правит вверху!

– И об этом, мать, – уныло отвечал он, – нужно подумать, подумать да подумать.

А дед, сидя подле них, все тянул воздух в легкие, устремляя глаза, уже десятки лет не видевшие солнца, неба, на землю, свою мать, в которую он должен был обратиться, и точно уставший от годов борьбы и жизни, все ниже склонялся к ней, как бы умоляя, чтобы она прибрала его к себе, где он наконец выпрямится и крепко отдохнет на ее груди. И из города несся тихий ропот наработавшихся людей, и все было так полно уныния и безропотной печали оттого, что над всем этим нужно было подумать, подумать, подумать, что хотелось плакать над роком человека.

И все кругом, как звезды в тьму наступавшей ночи, погружалось в тишину.

И вот однажды мальчик слег. Как последняя капля для переполненного сосуда – то же, что и океан, так и последняя капля страдания для измученного сердца – то же, что и все страдания мира. Гершл, облаченный в белое, столь же свежее и чистое, как пушинки первого снега, еще летающие в воздухе, лежал на своей кровати и бескровным лицом и задумчивыми, ушедшими глубоко глазами казался похожим на ангела, нечаянно попавшего на землю. Марьим с новой складкой скорби на губах, строгая и насторожившаяся, не отходила от мальчика, угадывая его мучения, его желания... У окна неподвижная, как могильный памятник, сидела дочь, такая же скорбная и постаревшая. И даже дед, лежавший на печи, не подавал признаков жизни.

Дни шли и как будто долго, и как будто незаметно, но улучшения не наступало. Наоборот, с каждым днем, с каждым часом Гершл все меньше говорил, ел и чаще впадал в забытье.

– Что же с тобой, дорогой мой? – тоскливо спрашивала Марьим у мальчика в те минуты, когда он приходил в себя. – Что ты чувствуешь? Отчего ты не говоришь со мной больше, отчего ты не спрашиваешь меня как прежде: почему, мать, то, почему другое!

– Не знаю, – уныло отвечал он. – Ничего я не чувствую, и ничего я не хочу. И о чем думаю – не помню, не знаю. А тебя, мать, – прибавлял он, махая пальцем, – я люблю крепко, крепко, крепко.

Когда он улыбался ей, все притихшие и окаменевшие тени в комнате оживали и, казалось, мрачные и серьезные стулья и стол и строгая, большая деревянная кровать Марьим тихо вторили ему.

– Знаешь, мать, – однажды сказал он ей, – если бы люди со всего мира пришли сюда и стали умолять меня быть здоровым, я бы отказался. Ты не понимаешь, мать, как мне хорошо, когда я лежу неподвижно и никакого вопроса, никакой мысли нет у меня. И когда я просыпаюсь и нахожу все прежнее такое же непонятное и неразрешимое, мне хочется опять забыться, чтобы не испытывать своего старого ужаса. Не плачь, я ведь так люблю тебя. И подумай, мать, – без упорства убеждал он ее, – для чего бы я жил? Для чего ты жила, для чего дед жил? Из земли стал человек, из человека стала земля. Как это глупо! Вот и ты станешь землею, – и не будет ни матери, ни сына. И оттого, мать, чем скорее вернуться назад, тем лучше, и этому нужно радоваться.

И, когда он чувствовал, что ее теплые нежные руки уже ласкают его лицо, он целовал их и тихо засыпал.

Однажды кто-то из соседей посоветовал Марьим переехать с Гершлом за город, где чистый воздух мог его исцелить. Марьим сейчас же распродала и заложила все, что имела, и, оставив деда на квартире, перевезла мальчика в ближайшую деревню. Прошла неделя, другая, и Гершл как будто начал поправляться. Но радость продолжалась недолго. В один день вдруг все переменилось, и он стал быстро терять силы. Ни слезы, ни молитвы Марьим уже не действовали. Мальчик угасал. Как-то поздно вечером Марьим, вздремнувшая подле него, внезапно проснулась в испуге. Казалось ли ей, снилось ли ей, но было так, как будто какой-то странный голос разбудил ее.

Верите ли вы, что можно читать в глазах? Если вам случалось быть в поле, вы наверно встречали стадо пасущихся коров. Как невинны они вам казались. Невинные – потому что и большие, и сильные, – они с какой-то непонятной покорностью повинуются подпаску, который смело бьет их палкой, камнями, а они бегут от него, как от самой страшной силы. Но остановитесь пред одной из них и загляните ей в глаза. Вот она стоит пред вами и, понунив голову и перестав жевать, не сводит с вас упрямого взгляда. О чем она думает? О стаде ли, которое разбрелось, или она чувствует, как к ней возвращаются хищные инстинкты той праматери, которая еще не была приручена человеком? И вы уже со страхом всматриваетесь в эти большие, красивые глаза, холодные и бездонные, и вдруг прочитываете в них угрозу вашей жизни. Вы поняли, вы пятитесь назад, но поздно – она направляет на вас свои рога.

Действительно, Гершл сидел на кровати, и звал и смотрел на мать. И когда Марьим на миг встретилась с его взглядом, она внезапно все поняла. Она задержала крик, чтобы не испугать его, и, дрожа, спросила:

– Что, Гершл?

– Пить, пить, – тяжело дыша, попросил он, – о, как горит внутри у меня!

И, напившись и как будто успокоившись, он сказал:

– Зачем, мать, нужны страдания? Не плачь, сядь вот здесь и обними меня. Знаешь ты, зачем нужны страдания? Есть ли в мире, мать, кто-нибудь, кто теперь нас слышит, жалеет? Все спят везде, и никто, даже на нашей улице, не знает, как мы тут мучаемся. И покойная сестра не знает, и отец не знает. И все тут кругом так непонятно, так ненужно!

– Но страдания сменяют счастье, – вмешалась проснувшаяся девушка, – и как нам хорошо любить тебя, целовать, смотреть за тобой!

– Нет, все равно, если и это должно исчезнуть! Где счастье всех людей, которые жили в мире? – вдруг вскричал он, садясь. – Если оно было, то где оно, если его не было, зачем оно обманывало нас? И все это бесцельно, глупо, непонятно, – продолжал он, вдруг утихая. – И об этом уже не надо больше думать, – прошептал он, косясь на стенку.

Марьим, обессиленная, наклонилась к нему.

– Пить, пить, – хрипел он, ловя что-то в воздухе рукой.

Либа уже стояла подле Марьим и с безмолвным ужасом торопливо помогала ей.

Но было напрасно: он отходил.

В окна, как бы прислушиваясь, глядела тьма своими загадочными глазами, а ветер, сорвавшись, словно от досады хлопнул заднюю дверь и побежал в поле выть и стонать. Маленький человек перестал жить и, из земли став человеком, опять превратился в землю.

У Марьим сейчас же пропал голос. Шепотом она крикнула обезумевшей дочери, бросившейся на тело мальчика, чтобы та не рыдала. Не нужно слез, не нужно рыданий.

Бывают минуты, когда надломленная воля доходит до предела своей сжимаемости, и тогда истинное величие человеческого духа вырастает вмиг, – и царственный смысл его владычества над миром становится ясным и неотразимым.

Какие мысли озабочивали Марьим? О, не то, что со смертью сына умерло ее сердце и сразу оборвалась та нить, что привязывала ее к жизни. Надо было, после того как душу сына взял тот, кто правит вверху, отдать долг праху. Но как? Вдали от города, без свидетельства о смерти тело должно было лежать и оставаться поруганным. Вдали от города похороны должны были совершиться оскорбительные для праха, так как покойник стыдится, если его не сопровождает народ. Везти же мертвое тело теперь ночью в город никто не согласится. Что было делать? Плакать, стонать, убиваться она успеет и позже, прах же нужно спасти от позора... Вдруг она напала на мысль: она отвезет ребенка, как живого...

И подавив в себе страдания, она побежала к знакомому мужику, сторговалась с ним и, вернувшись назад, одела мальчика с помощью Либы, набросила на него шаль, и обе, поддерживая труп за руки и спину, нежно потащили его, чтобы было похоже, будто он передвигает ногами.

Какая это была ужасная минута! Чувствовать, что разрывается сердце от горя и не сметь крикнуть, забываться и жалеть, что больного мальчика тащат, как корзину, дрожать, что мужик может догадаться, – пройдем мимо и не коснемся рукой этих страданий.

– Тебе дурно? – громко говорила Марьим, обращаясь к мальчику. – Либа, впрысни его водой. Взяла ты вино с собой? Теперь легче, ну, слава Б-гу, только бы скорей домой приехать. Видите, Иван, как моему мальчику плохо, правда, я вас не обманула? Ребенку стало скверно, и я боялась остаться здесь еще целую ночь. Может быть, вы выпьете вина. Дай им, Либа, бутылку, они из бутылки выпьют.

Она говорила просто и свободно, и казалось, что ничего не случилось. Но и она, и девушка дрожали, как в лихорадке, и разговаривали о своем отчаянии пожатиями рук. Как тяжело было втащить его в телегу! От усилий у них пропадало дыхание, и крупный пот катился по лицу, но одна не забывала кричать другой. «Осторожно, ты его задушишь, потише, ты его зацепишь!» И: «Лучше ли тебе, Гершл? Впрысни его водой. Вы уже выпили, Иван, дайте мне бутылку, я дам ребенку подкрепиться!»

Наконец они уселись, устроив его между собой, и эта дорогая голова бессильно упала, стукнувшись о плечо Марьим.

«О, мой дорогой, мой дорогой», – прошептала она. «Можете ехать, – громко сказала она, – мы готовы». И, всё держась руками, Марьим и Либа с силой стискивали их, чтобы не выдать себя криком.

Что это была за ночь. Волны ветра, свежего и благоухающего, словно толпы людей каждый раз догоняли телегу и, как бы спеша первые отдать долг покойнику, пели своими голосами прощальную песнь невинному ребенку. Спелые колосья хлеба низко наклоняли свои головы и о чем-то шептались между собой, – и было это похоже на ропот и стоны. Луна, точно не в силах наблюдать за печальным поездом, спряталась за облаком и робко выглядывала своим краем туда, где уже вспыхивала заря. И только скрип телеги, как большой, глубокий вздох, смело раздавался вокруг, рождая эхо, откликавшееся каждый раз в одном месте.

– О, как мне хочется кричать, – шептала Либа, – ведь он умер, и никогда мы его уже не увидим.

– Не нужно, – отозвалась Марьим, – прижмись к нему крепче, как я, целуй его, расскажи ему на ухо, как нам больно, и простись с ним. Дома же поплачем. О, Либа, как мудро, что люди смертны. Скоро и мы умрем и больше уже не расстанемся. Там, Либа, не будет болезни, которая убила его, он будет весел, крепок, там соединится с нами для вечной радости и отец твой, уже не больной, там и сестры встретят нас, и все-все горести мы оставим здесь, как и наш прах, данный душе для испытания.

Так они разговаривали, утешая друг друга, вдруг вспоминая действительность, и готовые кричать и говорить самые нежнейшие и трогательные слова, вдруг обращаясь к трупу и предлагая ему вино, то умоляя мужика, чтобы он скорей ехал. А лошадь плелась тихой, печальной рысью, досадуя, что ей и ночью не дают покоя, и робко фыркала каждый раз, когда мужик хлестал ее кнутом.

Когда они въехали в улицу Еврейского ряда, там было так тихо, что все дома ее казались большим временным кладбищем, где люди спали в ожидании, пока их перенесут в

вечное жилище, в котором никакие заботы, никакие чувства, никакие опасности уже не будут их тревожить.

Телега остановилась у дома, где жила Марьим, и с теми же мучениями, и с тем же дрожанием тела и мускулов они сняли Гершла и поволокли его во двор. Но как только они добрались до своей комнаты, то, зажегши свечу, Марьим шепнула Либе:

– Теперь кричи, плачь, разбуди соседей. Нужно, чтобы знали, что он только что умер.

И она первая ударила себя в голову руками и залилась долгой, печальной и жуткой песнью над покойником...

Утром возле Гершла сидела совершенно поседевшая Марьим и что-то напевала старческим, дрожащим голосом. Либя сидела подле нее без слез, без мысли...

Надїєє «І її її», 1901

ЛЕХАИМ ОКТЯБРЬ 2003 **ТИШРЕЙ**10 (138)

СУД

Ń. Áí-řěěé

В Яссах, в старой синагоге,
Ровно в полночь под
Йом Кипур,
При мерцании унылом
Восковых свечей печальных
Старый служка синагоги

Быль поведал прихожанам,
Быль, которую он слышал
Из безгрешных уст правдивых
Элимелеха святого,
Чьим величием и славой
Вся Румыния гремела.
В час недобрый для евреев
Вдруг издал король
румынский
Злой указ несправедливый
Об изгнании евреев
Изо всех его владений.
Пост назначили евреи,
Побежали в синагоги,
Горько плакали, молились...
Но напрасно! Злые силы,
Что преследуют евреев
Со времен второго храма,
Ополчась, не допускали

Ни одной мольбы еврейской,
Ни одной слезы горячей
Ввысь к Г-споднему
престолу.

Лишь одни еврей не плакал,
Не стонал и не молился.
То был старый рабби
Файвель,

Муж святой, благочестивый,

Что сидел и дни и ночи

В синагоге над Талмудом.

Про указ узнав жестокий, –

Ровно в полночь это было, –

Он сперва, как все еврей,

Духом пал и омрачился,

Но потом вдруг что-то

вспомнил,

Встрепенулся, оживился,

Заглянул тревожно в книгу

И воскликнул, пораженный:

«Как? Указ? Король

румынский?»

Но ведь это незаконно!»

Тут же в полночь рабби

Файвель

Побежал бегом к раввину

(А раввином в Бухаресте

Был в то время Элимелех),

Разбудил его поспешно
И с волнением воскликнул:
«Рабби! Рабби! Рассудите!
К вам я с жалобой явился!..»
И в горячей страстной речи
Тут же жалобу на Б-га
Изложил он пункт за
пунктом.
«Б-гом сказано Мойсею, –
Говорил он вдохновенно, –
Что Его рабы евреи.
Как же может, как же смеет
Смертный, ими не владея,
Против них писать указы?!
По какому же закону
Сам Г-сподь теперь
дозволил,
Чтоб король страны
румынской
Издавал указ жестокий
Против племени святого?!»
«Сын мой! – мягко отозвался
Старый рабби Элимелех. –
Обвинять публично Б-га
В отступленье от закона,
Призывать его к раввину
Для суда и для расправы
Я считаю шагом смелым,

Даже дерзким и опасным!..

Но тебя я понимаю:

В грозный час беды великой

Заступиться ты намерен

За еврейскую общину

И готов на «мсирас нефеш». ¹¹

Знай же, сын мой, для

общины

Я готов на подвиг тоже!

Да к тому же быть судьёю,

Если жалобу приносят,

Я обязан: ведь раввин я...

Но теперь, в глухую полночь,

Для суда совсем не время».

В ту же ночь к раввину

в гости

Вдруг приехали неожиданно

Три великих чудотворца,

А меж ними был известный

Муж святой, раввин из Апты.

И хозяин пригласил их,

Всех троих, принять участие

Вместе с ним в суде над

Б-гом.

Вникнув в дело и подумав,

Дали все свое согласие.

Рано утром в час условный

Появился рабби Файвель,

И раввины, облачившись
В талесы, надевши тфилин,
Вкруг стола уселись важно
И спокойно приступили
К беспристрастному разбору
«Дела Файвеля и Б-га».
«Изложи суду подробно,
Что имеешь против Б-га?» –
Обратился властным тоном
К рабби Файвелю старейший
Из судей, раввин из Апты.
Но реб Файвель был испуган.
Весь дрожа, он еле слышно
Прошептал в ответ раввину:
«Не могу... Ослаб я духом...
Вся душа моя в смятенье...
И вчерашнего порыва
Я уж больше не имею».
На него взглянул сурово
Муж святой, раввин из Апты,
И промолвил властным
тоном:
«Файвель! Я раввин из Апты,
Я тебе повелеваю
Вновь обрести покой
душевный,
Ясность мыслей, силу слова!
Говори, суду поведай,

Что за жалобу имеешь
Против Б-га. Будь уверен –
Мы рассудим по закону!»
И тотчас же рабби Файвель
Успокоился и начал
Излагать ученым слогом
Обвиненье против Б-га.
Указав на текст Писанья,
Подтвердив его обильно
Множеством цитат
пространных
Из Талмуда, из кабалы
И из древних книг
священных,
Он, как дважды два – четыре,
Доказал суду раввинов,
Что указ жестокий, грозный
Об изгнании евреев
Вопиюще беззаконен.
Тут один из трех раввинов,
Что явились накануне,
Хитроумно попытался
Дать иное направление
И процессу, и дебатам:
«Обвинитель, рабби
Файвель, –
Начал он смиренным тоном, –
Не найдешь ли ты

возможным

Предъявить лишь обвиненье

В нарушении закона

К королю страны румынской,

Что указ издал неправый

Об изгнании евреев?..»

Рабби Файвель возмутился:

«С королем страны

румынской, –

Закричал он, – не желаю

Пред раввинами судиться!

Что король! Простой он

смертный!..

Против Б-га выступаю

С обвиненьем в беззаконье!»

Встал тогда раввин из Апты

И спросил спокойным тоном:

«Не угодно ль будет Б-гу

Дать ответ на обвиненье?»

После краткого молчанья

Отозвался Элимелех:

«Я за Б-га выступаю!..

Я согласен, – продолжал он, –

Что евреи – Б-жьи слуги,

И никто не смеет в мире

Их касаться, кроме Б-га.

Но ведь Он имеет право

Их карать чужой рукою...»

«Нет, Он права не имеет! –

Снова крикнул рабби

Файвель. –

Мы не только слуги Б-жьи!

Нас детьми своими также

Он признал в Святом

писанье,

А детей отец карает

Только собственною

дланью».

«Ну, а как же Тит разрушил

Храм священный?» – «Храм

ведь Б-жий, –

Отозвался рабби Файвель, –

И за то теперь Всевышний

Плачет горькими слезами,

Воскликая: «Горе! горе!

Я свой храм святой

разрушил!»»

«Ну, оставим эти споры, –

Молвил рабби Элимелех. –

Но забыл ты, рабби Файвель,

Как строптивы Б-жьи дети,

Как грешны и непослушны!

Сколько раз Отец небесный

И добром предупреждал их,

И знаменья посылал им, –

А они не исправлялись,

Даже больше все грешили.
Вот теперь их беззаконья
Першли уж все границы,
И у Б-га Ад-ная
Истощилося терпенье!»
«Как? Что значит
«истощилось»? –
Закричал тут рабби Файвель. –
Если мы допустим это,
То ведь завтра Всемогущий,
Распалясь великим гневом,
Может мир весь уничтожить
Без суда и без закона!»
«Да! Всевышний даже это
Может сделать, коль
захочет!» –
Отозвался Элимелех.
«Нет, не может! По закону
Поступать и он обязан!..
Объявляю вам, рабойсай^[2],
Что отсюда не уйду я,
Если вы не возгласите,
Что и Б-г, как все евреи,
Сам обязан подчиняться
Праведным законам Торы!..»
Положил конец дебатам
Муж святой, раввин из Апты.
Важно, медленно, спокойно

Он поднялся, огляделся,
Молча бороду погладил
И промолвил: «Словопренье
Я законченным считаю».
А затем еще прибавил:
«Существует у евреев
С давних пор обычай
строгий:
После всех речей и споров
Обе стороны тотчас же
Удаляются из дома,
Где их судьи заседают.
Если ж кто не исполняет
Повеления раввинов,
На того за ослушанье
Судьи властно налагают
Штраф обычный, а затем уж
Он выводится за ухо
Строгим служкою
судейским!..
Рабби Файвель! Удалитесь!
И отсюда удалиться
Должен также Ты, Создатель,
Обвиняемый евреем...»
Отозвался Элимелех:
«В Псалтыре священном,
рабби,
Ведь указано: “Навеки

Полон мир величьем Б-жым?».

**Как же может Он отсюда
Хоть на миг уйти единый?»
Бровь одну нахмурил грозно
Муж святой, раввин из Апты**

И промолвил:

**«Коль в Писанье
Нам указано, что вечно
Мир Твоим величьем полон,
То Тебе мы разрешаем
С нами здесь пока остаться.
Только знай, что каждый
будет –
Каждый! – нелицеприятен.
Помни: Тора не на небе,
Ты ее отдал евреям,
И по ней судить мы станем!»**

Совещание раввинов

**Продолжалось трое
суток.
Речи грозные гремели,
И звучали непрерывно
Всё цитаты из Писанья,
Из Пророков, из Талмуда,
Из старинных книг забытых,
Были даже и намеки**

На преданья «скрытой
Торы».

Долго спорили раввины,
Горячились и кричали,
И сердились, и бранились,
И друг друга укоряли.

Трое суток, дни и ночи,
Продолжалось совещанье.

Наконец, пришли
к решению,

Что Г-сподь, хоть и невольно,

Отступил на миг от Торы,

А поэтому, конечно,
Весь указ как незаконный
Подлежит сейчас отмене.

Приговор раввинов
тут же

Был писцом из синагоги
На пергаменте начертан.

Все раввины подписались,
И пергамент с приговором
Отнесен был в синагогу,

И в кивот святой при
чтении

Псалтыря он был положен
Между свитками Завета...

И едва минули сутки,
Как указ несправедливый

ЛЕХАИМ, ЛЕХАИМ

Béîá Óáòòáð

В этом году Йом Кипур выпал на субботу, а значит, пятница получилась сумасшедшей. Абрам подскочил с постели в шесть утра – серьезный поступок для человека, многие годы встающего в пять пятнадцать и отсыпающегося только по пятницам и субботам.

Первым делом – в микву. И не просто в микву, а в холодную, куда дети и старики не ходят. Рано поутру ее студёные воды еще прозрачны, не плавают по поверхности волосы, а кафельный пол между душевыми кабинками сух и чист.

Из миквы – за детьми и на капоройс. Младший до сих пор боится петуха, когда его проносят над головой. Абрам начинает заводить разговоры об этом сразу после Девятого ава, и потихоньку-

потихоньку готовит малыша к обряду. Но тот все равно плачет и так прижимается к ногам, что покурить над его головой рвущуюся из рук птицу почти невозможно.

Хоть со старшим нет проблем – все делает сам, даже не боится присыпать кровь песком после того, как шойхет одним плавным движением перерезает петуху горло.

Затем – к раввину, просить леках, медовый пряник. Если понадобится в следующем году обращаться за помощью к людям, зависеть от их милостей – пусть это начнется и закончится пряником.

Очередь к раввину длинная, вместе с пряником полагается благословение, каждому свое: кому-то наливает рюмку водки, кому-то три-четыре порции лекаха. Детям стоять скучно – разбегаются, супостаты: один удрал к машине с клетками, в которых дожидаются своей очереди грустные курицы и петухи, другой забрался на дерево. И зачем, почему? Просто так – из ухарства и молодого веселья.

Наконец и его черед. Абрам протягивает ладонь ковшиком, словно нищий, просящий подаяние.

Раввин ставит на ладонь пластмассовый стаканчик с водкой.

– Давай, за жизнь!

Абрам слегка колеблется – водку на пустой желудок! А раввин торопит:

– Главное – это жить. Жить подольше. Пока свеча горит – можно жить. Давай за жизнь, до конца.

Абрам выпивает теплую водку, закусывает медовым пряником, собственноручно женой раввина испеченным. Ух-х-х!

Пряник получен, вместе с ним – благословения, неожиданные: и откуда такие в голову раввину пришли? Но думать о них Абрам будет потом, в Йом Кипур, – за длинный день в синагоге всяким мыслям время достанется.

Теперь – детей в машину и домой, сдать их жене, и скорее обратно в синагогу. Молятся перед Йом Кипуром быстро, словно солдаты на привале: день короток, а работы много. После синагоги опять домой – завтракать. Сегодня нельзя оставаться голодным даже на минуту – тому, кто ест целый день, завтрашний пост засчитывается за два. Еще бы, поститься на полный желудок куда труднее, чем на пустой.

Йом Кипура Абрам ждет со страхом и трепетом. Праздник замечательный, очень правильный праздник: один день страданий списывает целый год прегрешений и проступков. Там недосмотрел, тут переступил – ненамного, не по злomu умыслу, а от слабости желаний человеческих. Только вот беда: на обезвоживание организм Абрама реагирует всегда одинаково – головной болью. Начинается она часов в десять утра и потихоньку нарастает, да так, что к последней молитве «Неила» Абрам уже ничего не соображает и только просит Б-га завершить поскорей эту муку. Не помогают ни массаж темени, ни нюхательные соли – трещит, ломит и пронизывает. Можно, конечно, таблетку принять, но тогда пост вроде как невсамделишный получается. Головной болью этой искушает Абрам излишества и отступления целого года, поэтому и ждет ее, и боится.

После завтрака – на кладбище. Вообще-то посещать могилы родственников можно начиная с Рош а-Шона, но каждый раз времени не хватает и ехать приходится в канун Йом Кипура. Не только он такой растяпа – огромная стоянка перед кладбищем забита автомобилями, приткнуться негде. Покрутившись, Абрам втискивается в щель между обшарпанным тендером «исузу» и гладенькой шоколадной «тойотой».

Бабушка лежит в самом конце кладбища, до ее могилы идти минут десять. Аллея пронизана солнцем, разогретая хвоя кипарисов источает одуряющий аромат, и к концу прогулки майка плотно прилипает к спине. За четырнадцать лет, минувших со дня бабушкиной смерти, кладбище сильно разрослось, могилы ушли вперед метров на двести. Тени возле бабушки нет просто никакой, ни зернышка. Разве только улечься рядом и спрятать голову в косую полосу от надгробной плиты. Но это еще успеется.

Через десять минут чтения псалмов начинают прилипать брюки. Значит, пора обратно. Перед тем как отойти от могилы, Абрам обращается к бабушке. Нет, с мертвыми он не разговаривает, да если бы и захотел, в его случае это не более чем игра воображения. Он обращается к собственной памяти: меховая муфта с головой настоящей лисы, запах пряников с корицей, улыбка, голос. Говорят, наивысшее удовольствие для душ в ином мире – когда дети и внуки идут по дороге Торы. Собственно, ради этого Абрам и приходит на кладбище: показать бабушке, что все осталось по-прежнему. Он на той же дороге и верен ей, словно в самом начале пути.

На подходе к машине туфли начали прилипать к ступням. Носки давно срослись с кожей, превратившись в хлопковый покров – прямое продолжение волосяного. Он плюхнулся на сиденье, завел мотор и включил на полную мощность кондиционер.

Ближайшие сутки страшили: через пять часов беготни начнется томительное ожидание надвигающейся головной боли. Детей в этом году пристроить к теще не удалось, значит, они задурят жену, забегают, заморочат ее до истерики, а она, в свою очередь, сорвется на нем. Знакомый сценарий: Абрам будет сдерживаться изо всех сил, чтоб не хлопнуть об какую-нибудь посуду, или стул, или стиральную машину, или что подвернется под руку, а его будут упрекать в черствости и равнодушии. Потом дети свалятся, заснув на бегу с еще не замершим криком у полуоткрытого рта, и они с женой сядут поговорить. Если б не Йом Кипур, попили бы, как обычно, вина, и улеглось бы постепенно возбуждение, и она снова бы улыбнулась ему, и весь пыл, и нервы, и обломки кресел, дивана, холодильника, стиральной машины сгинули, как Амолек. Но ведь сегодня – пост, и поэтому вместо ужина они поговорят о школе, о кружках, о зубках, кроссовках, продранных штанишках. В общем, тяжелы ближайшие сутки, тяжелы...

В окошко постучали. Абрам поднял голову, одновременно отирая ладонью пот со лба. Возле машины стояла пожилая бабуля, явно сефардского происхождения. Цветастая юбка, длинная кофта, несколько ниток серебряных бус – типично восточная бабуля.

– Ты в центр едешь?

– В центр.

– Подвези до автобуса. Мне в Кирьят-Малахи.

– Пожалуйста.

Перед Йом Кипуром евреи ищут мицвойс, добрые дела. Кто знает, где колеблется стрелка весов, скольких граммов недостает до благоприятного вынесения приговора? Вот Абраму подвернулось типичное доброе дело и не стоит почти ничего. Все равно в центр едет, а маленький крюк на соседнюю улицу и трудом назвать трудно. Бабуле потом еще час на автобусе до Кирьят-Малахи трястись, да еще пока он придет, тот автобус.

Абрам начал осторожно сдавать назад, готовый немедленно ударить по тормозам. Скопище автомобилей перед воротами кладбища напоминало традиционную пробку возле Дизенгоф-центра на исходе субботы.

– А в Иерусалиме вообще закрыли подъезд к кладбищу, – сказала бабка, словно прочитав мысли Абрама. – Только автобусы пропускают.

Она удобно устроилась на заднем сиденье и подставила лицо струе кондиционера. Абрам в зеркале заднего обзора видел, как струя воздуха трепала по ее лбу жидкую прядку волос.

– Так вы уже в Иерусалиме успели побывать?

– Да, с самого утречка, прибрала несколько могилочек, теперь здесь вот управилась, сейчас в Кирьят-Малахи к папе с мамой, а там уж и домой.

Зубов у нее почти не осталось, а уцелевшие торчали в разные стороны, словно штакетины в заборе нерадивого хозяина. Зато кожа была гладкой, почти без морщин. «У таких бабок обычно пять-шесть детей и двадцать внуков, – подумал Абрам. – Что ж ее никто на машине не подобрал, отпускают бабулю мотаться по жаре в общественном транспорте?»

– Большое дело вы делаете. Дай Б-г, чтоб и о нас так заботились.

– Ты реховотский?

– Ну, – протянул Абрам, – можно сказать, да. Пятнадцать лет тут живу.

– Может, ты знал Хаима Шварца, у него магазин на Герцль был, замки, гайки, отвертки? Хозяйственный такой магазинчик? Не знал?

– Вроде нет. Родственник ваш?

– Работала у него. Хороший был хозяин, и человек хороший. Дети его – негодяи: пока отец жил, только и знали деньги тянуть, а теперь могилку прибраться времени нет. Уже пять лет как ушел, бедолага, настрадался перед смертью... И за что такому человеку такие мучения?

Абрам пожал плечами.

– Это самый главный вопрос, который люди задают себе и Всевышнему. Начиная с Адама и до сегодняшнего дня.

– А ответ, есть ответ?

– Есть ответ. Есть много ответов, бабушка, да на одной ноге не расскажешь.

– Я не бабушка, – вдруг насупилась бабуля. – Я даже не мама. И замужем никогда не была.

– Не сложилось? – участливо спросил Абрам.

Машина наконец выбралась из затора и начала разгоняться.

– Некогда было. Я младшая дочка, один брат – во Франции, другой – в Америке, оставили на меня родителей и укатили свою жизнь жить. Сначала отца параличом разбило, четырнадцать лет пролежал в постели, мать не отдала ни в больницу, ни в дом престарелых. Когда отмучился, у матушки «альцгеймер» обнаружили. Еще двенадцать лет на мне. Я на работе минуту лишнюю боялась задержаться, знала: она ведь воды не напьется – побоится с кровати встать. Ведь если упадет, останется на полу, пока я не вернусь. Так вся жизнь и прошла, возле них. В прошлом году матушка умерла, теперь и я для себя пожить смогу. Мужа надо искать, семью обустроить...

Абрам промолчал. Мысль о том, что кто-то может захотеть эту бабулю, казалась дикой.

Прошло несколько минут. Машина выехала на улицу, в конце которой была остановка автобуса.

– Слушай, – вдруг спросила бабуля, – ты, я вижу, религиозный человек, с кипой на голове, в Б-га верующий, правильно?

– Правильно, – согласился Абрам, прикидывая, как запарковаться поближе к остановке. Вдоль улицы подряд стояли машины, и найти место для парковки было вовсе не простым

делом.

– Так скажи мне, где правда? Я ведь была хорошей девочкой, почитала родителей, заповеди соблюдала, субботу, праздники, ела только кошерное. Неужели так и умру нецелованной? Без детей, без внуков?

Абрам нашел дыру между машинами и ловко вписался в просвет. Бабуля всхлипнула.

– Я ведь не всегда такой была, толстой, с плохими зубами. В молодости ко мне многие липли, кто по-серьезному, кто побаловаться. А я, правильная религиозная девочка, хотела строго по закону. Вот и осталась с ним, с законом. Даже вспомнить нечего, только работа, магазины, уборка да горшки из-под родителей.

Машина остановилась.

– Вот остановка, – сказал Абрам. – Извините, я не знаю, что вам ответить. Я не раввин, я сам как слепой котенок.

– Ох, да это я так, не обращай внимания. Главное – это жить. Жить как можно дольше и умереть внезапно.

Бабуля открыла дверцу и, кряхтя, принялась выбираться наружу. Оказавшись на тротуаре, она кокетливо поправила юбку и кофту. Потом наклонилась к окну машины. Абрам быстро надавил кнопку, стекло поехало вниз.

– Спасибо, милый. У тебя доброе сердце, спасибо.

– И вам спасибо. – Абрам замешкался на секунду и добавил: – Пусть Всевышний пошлет вам в этом году достойного жениха.

– Амен, Амен! – Бабуля помахала рукой и неожиданно легко, молодой походкой двинулась к остановке.

Абрам несколько минут сидел молча, смотря в ее плывущую спину, потом вспомнил умильную рожицу старшего сына, жену, список незаконченных дел, резко вывернул руль и с радостью нажал на газ.

Вопросительный знак

Ī ēl ōāñ Ēlō

Ī ēlī ÷ āl ēā Ī à ÷ àēl ā ¹ 137

Вскрости к нему проберемся, но куда (вторник, 27.05.03) просыпаемся в отеле «Мишпе а-ямим» или, как сказано в немецкой рекламе, frei uebersetzt mit «Seeblick». И мы столь же вольно перетолкуем: «Вид на озеро».

Здесь, на восточном склоне горы, что по-русски Кнаан, но чаще Ханаан...

Стой, прерываюсь, погоди! Вся земля израильская – Ханаан. Праотец Авраам обзревал окрестности аккуратно с данной точки. За спиной – белоснежная вершина Хермона, перед глазами – голубой Кинерет – Тивериадское озеро...

А в прошлом веке та же картина открылась доктору Ярославскому. И он вспомнил Бодлера «Приглашение к странствию»:

Yōl ī ēd ōāēl nō āāī ī ē ī à ÷ ōū,

Ī āē, ēāñē, ēpāāē ē ēdāñ ōū...

И возвел на горе Ханаан – 570 метров над уровнем – спасительное прибежище. С внешнею обстановкою из Бодлера:

Āñ ī āāēū ēdōāī

Ā ī ēlā ōāīāi

Ī ō āāī āl ē yōēl ēlñ ē ōññ.

Āū ōāī ūā ōāñ ō lā

Çāi lōñēō nāīā

Ē āññ ūā āi ādñ nō dōē ōññ.

Ālñāō ē āññē

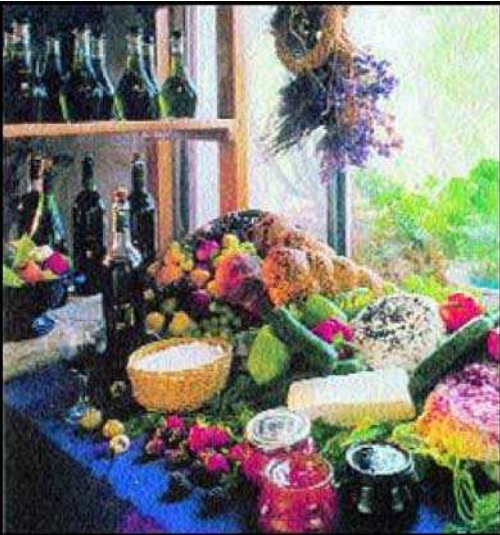
Ēāññē ī lōlēlē,

Ē ōāi çādēāā ōāē āññēē...

Ē nēāçl ÷ ī ūē āēā

Āōōā āññ dēō

Ī āāēū āi, ī ÷ ōāī īl Ālññēā

Не станем
иллюстрировать
Бодлера: красота,
даже в переводе,
самодостаточна. Но
доктор Ярославский
позаботился и о

нашем здоровье.

А если конкретнее – о желудке.

При гостинице – поля и сады, молочная ферма, овчарня, виноградник. Общая площадь – 37 акров (130 квадратных километров). Продукты – свои, экологически чистые. Фрукты, ягоды, овощи. Йогурт и сыр – по собственному рецепту. Хлеб прямо из пекарни – на стол...

В райском уголке с видом на Кинерет молодой пастух едва ли не строевым шагом гнал поутру стадо. Шелестели пальмы – обыкновенные, как березы. Прямые и стройные, а то коренастенькие, округленные в талии, точно брюхатые... Ствол, похоже, из древесных булыжников или из ананасов...

Мой хороший знакомый Арье-Лейб навестил тут общего нашего родственника – чуть ли не первого, говорят, белорусского партизана. Мальчиком пионерского возраста увидел он на заборе свежий агитплакат «нового порядка»:

xòî «Îéî à ÒÀÑÑ»

îèðîîâèè îò ààî

Èòî àúèè ààèè

î îðààî î èò àèè?

Èòî çàèèè çàî èð

î îðîèàî è îèàç è èðîàè?

Èòî ñîÿè ñ ààî

î îîèàî ðð ðààòèè

àúæèè àÿ ààî ñèè?

Àèàú! È î ðèñî àòî èèè èõ -

èî î îíèòî!

Èòî àúààç ðèàá èç àî ààðîá?

Èòî àîîîîèè, èòî àîîîèèè

ñ î àèæàí î ò î àòò,

יִשְׂרָאֵל יֵאָדָּב

מִי אֲדוּל?

אֵלֵּי! עַיִן דְּמִי אֵי עֵלֵּי עֵלֵּי -

עַיִן יֵאָדָּב!

עַיִן אֵלֵּי עֵלֵּי אֵלֵּי אֵלֵּי

אֵלֵּי עֵלֵּי אֵלֵּי עֵלֵּי עֵלֵּי אֵלֵּי?

עַיִן אֵלֵּי עֵלֵּי אֵלֵּי עֵלֵּי

יֵאָדָּב יֵאָדָּב יֵאָדָּב יֵאָדָּב

יֵאָדָּב,

אֵלֵּי עֵלֵּי עֵלֵּי, אֵלֵּי עֵלֵּי עֵלֵּי?

אֵלֵּי! עַיִן דְּמִי אֵי עֵלֵּי עֵלֵּי -

עַיִן יֵאָדָּב!

В тот же день общий наш родственник, мальчик 13 лет, убежал в лес и справил бар-мицу с разноплеменными окруженцами, что рвались на восток, не желая сдаваться.

На следующей (почти любительской) фотографии при некотором усилии различаете вы старого человека нашего профиля, который (профиль) срезан рамкою и как бы остался за кадром. Там же, за кадром, некая, что ли, палатка или беседка, унизанная разноцветными ленточками.

Их повязали мужчины и женщины (последние на первом месте) – коренные израильтяне и новоприбывшие, плюс мы – рассеянный Голус, что посещает историческую родину исключительно по делам, с туристическими целями, по частному приглашению...

Проблемы личного обустройства заботят, однако, всех.

Имея за спиной синагогу с голубым куполом и двумя арками (справа – мужская, слева – женская половина), старикан, лишившийся профиля (печальный вдовец или многоопытный холостяк), намерен украсить закадровую палатку своею тесемочкой.

Праведный цадик, еврейский святой, над могилой которого развеваются и трепещут пестрые неисчислимые лоскутки, – он, по легенде, способствует нашему семейному счастью: невеста встречает суженого, разведенный – новую супругу...

Тверия, подобно Хеврону, Иерусалиму и Цфату, – город-святыня.

Аккурат в Верхней Галилее на берегах Кинерета завершен Талмуд, который считается Иерусалимским. Наверное потому, чтобы отдельные наши (с Арье-Лейбом) соотечественники не величали его Тверским. (Шутка. Улыбнитесь, евреи!)

Тверия основана в 18 году новой эры в честь римского императора Тиберия. А Тверь, к слову, – тысячелетием (округлим) позже. На речке Тверце. И что сие означает – что Тверь, что Тверца? – неведомо никому. Решительные большевики затем и приляпали именную кличку – Калинин, дабы прихлопнуть праздное любопытство. (Местная шутка. Улыбнитесь, евреи!)

И под завязку – последняя хохма (на полном серьезе).

ÒÁÁDŪ È ÒÁÁDÈB -

ÁĪDĪÄÄ-ĪĪÁDÀÒÈÌ Ū

Так и будет. Не смейтесь, евреи...

Как Тверь – на Тверце и Волге, так Тверия – на горячих серных источниках, где были еще римские бани. Температура воды – 60 градусов Цельсия. Есть и целебные грязи. Полезны при радикулите, кожных и нервных заболеваниях...

Словно в древние времена, страждущие – со всего света. Старые еврейки, откуда бы ни слетелись, обсуждают недомогания и невестку, шейпинг, шопинг, деторождение. Старики – бизнес, спорт, любовь и наше еврейское счастье.

Предлагаем вам «коротышку», подслушанную Арье-Лейбом в тверской (тверианской!) водолечебнице.

ПЕТРОГРАД. 1918 ГОД. ЛЕТО...

Режиссер Грановский ставит «Макбета». Собираются на квартире Горького, поскольку гражданская его супруга исполняет главную женскую роль. Да и по части продуктов снабжают классика безотказно, стараясь в буквальном смысле «умаслить»...

Волей-неволей хозяин присутствует на репетиции, и в перерыве, за трапезой, возникает недоумение:

Горький (режиссеру). С чего это вы, русский человек, до тонкости знаете Шекспира? Даже цитируете по-английски...

Грановский. Я не русский, Алексей Максимович! Фамилия моя – Азарх...

Горький. А-а, еврей! Что ж вы раньше-то? Так бы сразу и говорили...

Так прямо и говорим... И едем к южной окраине Тверии – к могилам еврейских мудрецов.

Ужин в прибрежном ресторане Decks. Тот, кто рожден был у моря, тот полюбил навсегда... и знает наверняка, что за штука такая – «дек». ПАЛУБА. Которые сухопутные – пускай выудят в словаре еще с десятков значений. Нам ни к чему. Мы, в Питере да в Одессе, вопили «on deck!» (свистать всех наверх!), занимая бойцовскую позицию в круговой обороне.

А нынче – на Галилейском море...

Снуют расцвеченные теплоходы с израильскими старшекласниками. Гремит музыка... И вдруг осеняет, что задушевная наша шамовка – не макароны по-флотски, не флотские щи, а тутошняя озерная рыбка с арабским именем «мушт», на иврите (по-твериански) «амнон», а по-нашему, по-тверскому – «рыба святого Петра».

Который Апостол. По первой профессии – здешний рыбарь. И в бытность Семеном Ионовичем лакомился, небось, тою рыбкой – карпом, сазаном, осетром... Вот, пожалуйста, на визитной карточке:

Аѡ ѡѡ, і'аѡѡѡ, і'аѡѡѡ

ѡѡ і' аі'ѡ ѡѡѡѡ-аѡ...

ѡѡ і'а-аѡѡ і' і'р, і'аѡѡѡ

ѡѡѡѡѡѡ і' і'ѡѡ-аѡ!

Да! Днем заскочили на ювелирную фабрику, и бывшая москвичка полюбопытствовала, как, мол, она – столица нашей Родины?

– Стоит, – говорим, – на семи холмах.

– Ага! – засмеялась. – В Москве всегда хорошо, даже если плохо.

«Какая сведущая!» – сказал Арье-Лейб, выпекая на наших глазах свежую «коротышку»:

ЛЕТОМ 39-го

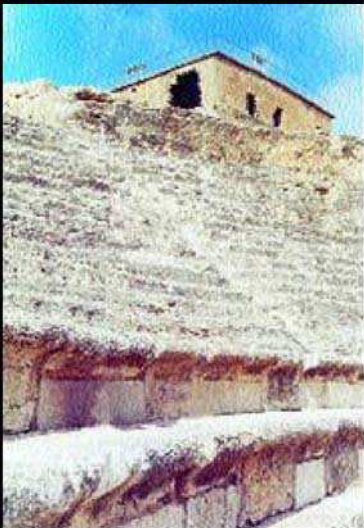
Перед самой войной, что разразилась 1 сентября, Зеев Жаботинский наведалься в Польшу. И уламывал соплеменников – поляков иудейского закона – срочно-де собирайтесь, рванули-де по любому!

– Ах, пане, панове! – сокрушались евреи на родимом своем польском наречии. – Как же мы тронемся, досточтимый пан Жаботинский? В Варшаве всегда хорошо, даже если плохо.

28.05.03, среда

Ципори – любимый наш город. Не в том дело, что почти так звали жену Моисея, а в том, что Ципа-Ципора – моя, Пинхаса Коца, прабабка. Кто говорит – «птица». Кто уточняет – «певчая». И город Ципори, – утверждает Талмуд, – сидит, точно птаха, на вершине горы.

Основан в 103 году до новой эры... А дальше пошло-поехало: Ирод, римляне, Византия, крестоносцы, турки...

—
ты и создан.

И
А когда
приступил к
Подробности – у Михаила Горелика, «Разговоры с раввином Адином Штейнзальцем».

Но мы расскажем об Иеуде а-Носи, что похоронен в Бейт Шеарим (см. «Вопросительный знак» в прошлом, сентябрьском, «Лехаиме»), а последние 17 лет из-за болезни и тутошних горячих источников провел в Ципори.

Политик, администратор, ученый, Иеуда а-Носи – наш святой учитель или просто Рабби, носи Иудеи, составитель и редактор Талмуда (II-III век новой эры)... И прибегает к нему теленок. Так и так, жалуется, хотят меня резать... А Рабби:

Ступай, – распорядился, – куда ведут. Для того

на другой день занедужил. Хворал долго и тяжело. Выздоровел, стал милосерднее. Тут-то и составлению (кодификации) Талмуда...

А мы карабкаемся на вершину, где археологи откопали и реставрировали римскую виллу – двухэтажное строение с двориком и колоннами, с прекрасным (и подновленным) мозаичным полом. Дионисийская сцена (под условным названием «Кто кого перепьет») и женский портрет с не менее условным титулом: «Мона Лиза Галилеи», «Галилейская Венера», «Венера из Ципори» – полтора миллиона камешков, 88 цветов и оттенков.

Предполагают, что вилла принадлежала Иеуде а-Носи. А варварская роскошь [обратите (в квадратных скобках) маленькое внимание: стремятся к роскоши аккурат варвары, культурный же (окультуренный) индивид – благородный трудяга – довольствуется необходимым], а варварская, повторяю, роскошь – вынужденная; она оттого, что Иеуда а-Носи тесно соприкасался с администрацией, принимал у себя высокопоставленных колониальных чиновников...

А другие евреи? Бесспорно, пользовались римскими дорогами. На древних плитах за две тысячи лет не стерлась гравированная менора... Но вот театр. Ходили евреи на представления? Или только жили вокруг?

...В свете последних находок, – осторожно говорит справочник, – можно считать, что театр /.../ вполне воспринимался евреями, хотя это искусство /.../ не слишком вписывается в традицию.

Согласно иной традиции в Ципори был дом Иоахима и Анны, дочку которых писали Рафаэль и Рублев... и, значит, в нашем простом быту окликали ее Марией Акимовной...

В Хайфе большое русскоязычное население, и в окне нашего микроавтобуса мелькнуло граффити, которое неугомонный Арье-Лейб отчасти реконструировал как речевку.

Ἰὰὸ αἶ ἀἰεῖαἶ ἰ ἰέ εὐ:σα

εἶεὸα

καὶ ἀἶ ἀἰεῖαἶ ἰ ἰεῖαἶ ἰἰ

ὄαεὸα!

Вер вейс? – говорила прабабка Ципа. – Кто знает?.. По крайней мере тут, на горе Кармель, располагается Восьмое чудо света – сады Бахаи... Вот, посмотрите.

Акко – северный сосед Хайфы. Попробуйте рассказать о городе, который видел Александра Македонского, Юлия Цезаря, Ричарда Львиное Сердце, легендарного (и вполне реального) Саладина, Марко Поло, Наполеона... Я бы, по-честному, ограничился перечислением, да Арье-Лейб не дремлет.

История на три буквы

Участвуют:

Н (на кириллице),

N (на латинице)

и П. (в смысле – Пушкин).

Поэт сварганил стишок про Николая I – «Герой». С отсылкой к латинскому N (Наполеону):

Ἰᾶδἰ ᾶ ῦ ᾶεῶ ᾶεῖ ἰ ἰῦε ἡὸδἰε,

Ἐᾶεὸ ἰ ᾶ εᾶεἰἰ ὀδἰε ᾶεἰε,

Ἐεἰε ἰ ἰ ἰῦε ἰ ἰῦἰ ἰр :ὀἰ ἰр,

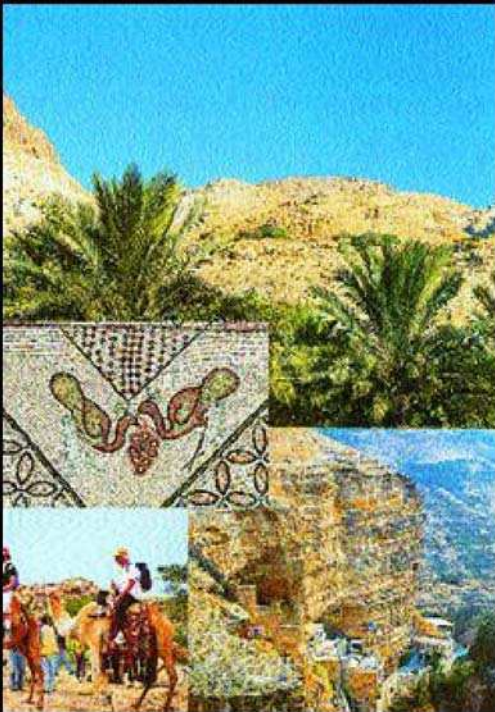
Ὀᾶδὲ ὀᾶр ᾶἰεᾶἰ ᾶε...

Чума – получается – царица, а Николай Павлович – царь. И подобно Наполеону, лично ободряет умирающих.

Да не в том суть!

Овладев чумной Яффой, 18 марта 1798 года подступил Наполеон к крепости Акко, но после двухмесячного штурма снял осаду. И отошел...

А раненные? А больные, только-только приободренные?

Дитя революции – N на латинице – Наполеон повелел военным врачам избавиться от обузы. Посредством лекарства. Впрыснуть какое-никакое быстродействующее снадобье, попросту подмешав в вино.

Врачи испугались.

– Хорошо, – сказал N, будущий император, – я пойду сам... сделаю вашу работу.

Так ли, нет? Пошел, не пошел?

В Кармелитском монастыре, где был наполеоновский полевой госпиталь, установлена стела в память тех французских солдат, которых бросили здесь буквально на растерзание. По обычаям восточной войны их вырезали мамелюки. До одного.

Но мы, окультуренные русскоязычные интеллигенты, все (скопом и в розницу) твердим следом за П (поэтом) две строчки из стихотворения «Герой»:

0üü ü íèçèè èñòèí

ì íá äíðíæá

Í äñ äíçäíèøøùèèé íái äí.

29.05.03, четверг

Мертвое море. Когда-то в Советском Союзе было свое – Арал. Соленое озеро такой плотности, что без опаски швыряли детей: и захочешь утонуть – выскочишь пробкой...

Теперь его нет. Ни в России, ни в Казахстане, ни в Узбекистане. Воду разобрали на орошение...

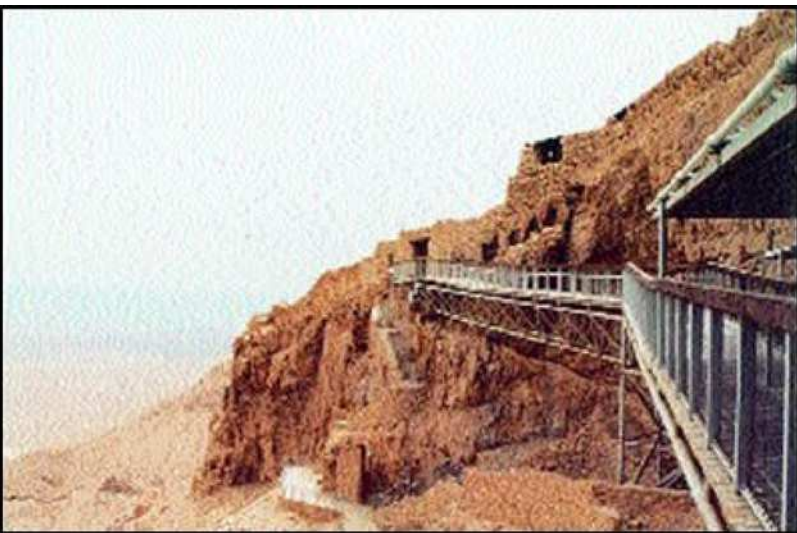
А в Иудейской пустыне функционирует! Хотя Теодор Герцль, основатель сионизма, ратовал за глобальный проект – соединить два моря: Средиземное и Мертвое. И получить (на перепаде высот) даровую электроэнергию.

По ближневосточным обстоятельствам, хвала Небесам, не случилось! И нам, – обещает туристический справочник, – «гарантировано высшее удовольствие в низшей точке земного шара» (400 метров от уровня мирового океана).

Входишь, держась за поручни. Плывешь, не окунаясь лицом, сцепив челюсти, чтобы не нахлебаться, не потерять родимый, разношенный, стариковский зубной протез. Кайфуешь на спинке, звездообразно и долго, пупком на солнышко...

А оступиться – ни-ни. Жирная, мыльная, масляная вода (все прилагательные – в кавычках) препятствует погружению и, как бы сказать, вертикализации. Ну и трюх-трюх – к сходням, обнимаешься сызнова с перильцем и лесенкой.

Мертвое море – кладовая минеральных веществ. Горячие источники и лечебная грязь, известные со времен Клеопатры, омолаживают кожу, придают нежность, упругость,

гладкость. Тем, у кого не в порядке суставы, принесет облегчение само пребывание в сухом климате. Болезненные ощущения ослабевают при плавании, так как «состояние невесомости» облегчает нагрузку.

Мертвое море – курорт мирового класса. 330 солнечных дней в году.

А нам выпал несолнечный. Дует «хамсин», засыпая песком, будто снегом. Взмывают пляжные тентовые шатры,

кувыркаются лежаки и креслица. Ливень на Мертвом море. Неурочная, незапланированная гроза в конце мая...

Бежим в номер, мигом под душ. Облачаемся в гостиничный махровый халат и важные (все постояльцы, но говорю про себя)... И важный, как древний римлянин, шествую в крытый бассейн для омоложения, взираю на дождик и стихийное буйство сквозь стеклянную стенку, барахтаясь /slash/, блаженствуя в термальном джакузи.

А близлежащие (по соседству)

тетеньки активно «перемывают косточки». Как их подружки и знакомые (киевские, минские, одесские, кишиневские барышни + уральские, сибирские, дальневосточные...) мгновенно и без хлопот повыскакивали замуж в Израиле. А прежние курыне, смоляне, тверяки, воронежцы, красноярцы осуществили вековую мечту, взявши в жены москвичек и петербуржанок!!!

Три восклицания, в скобках, – любимый знак Александра Сергеевича Грибоедова.

Масада, или Крепость на скале (440 метров над Мертвым морем). Вроде бы Ирод, царь Иудеи, величаемый при жизни Великим, заново отстроил ее на рубеже новой эры.

Зачем? Ученые мнения расходятся.

Самое, по иудейской традиции, недостоверное – затаился вообще. От населения. После так называемого избиения младенцев. Поскольку страшился мести. И «мальчики кровавые в глазах».

Классик в лице Бориса Годунова сознательно изобразил мучителя /slash/ изверга, обремененного совестью. «Я, – говорит, – заставлю его читать повесть об Ироде и тому подобное».

В 66 году новой эры Масаду захватили сикарии, вооруженные сикой – кинжалом. С поводом и без повода пускали ножики в ход. Особенно против римлян. И тех евреев, кто с ними сотрудничал.

Сикарии – бойцы и фанатики. Их мужество восхищает,.. но нетерпимость вряд ли достойна подражания.

В 72 году (Храм уж разрушен) римляне окружили Масаду. Мобилизовав окрестных евреев, соорудили стометровую насыпь до самых крепостных стен и взгромоздили таранное орудие. Защитники собрались на совет.

Предводитель сикариев сказал:

Из всего еврейского народа мы одни возымели надежду, что уцелеем и сохраним свободу. Между тем, видите вы, как Б-г сокрушает нас в тщетных надеждах. Ибо нашему спасению не помогла ни защищенность этого места, ни изобилие припасов, ни огромное количество оружия, ни прочие приготовления, имеющиеся в избытке. Ясно, что сам Б-г лишает нас надежды на спасение.

Ἐπιπρὸ Ὁραῶν.

«Ἐσαέπειν ἀεία»

На пяти страницах (современного издания) предводитель склоняет товарищей покинуть сей мир:

Счастливыми можно считать павших в бою. Но как не пожалеть оказавшихся у римлян в руках? Как не принять смерть ради избавления?

Поспешим же достойно умереть!

Не забудем, что сикарии – профессиональные резачи (sicarii на латыни – убийцы). Кинули жребий, и десять человек (за ночь) прирезали тысячу (с женами и детьми). А после один – девятерых. И под конец – себя.

Ибо, сдастся мне, – убеждал предводитель, – давно уже Б-г назначил еврейскому роду сей жребий – чтобы мы исчезли с лица земли.

Уповая на милость Всевышнего, не обсуждаю Небесных предначертаний. Замечу, однако, что иудаизм никоим образом не поощряет добровольный уход, не считает его ни «благородным», ни «героическим».

Это советским военнопленным ставили в укор, что сдались, а не пустили в лоб пулю. Как требовал, в скобках, дисциплинарный, боевой или еще какой-то устав. И пленные изворачивались, за скобками, доказывали: не было-де возможности...

Что до еврейского рода, Арье-Лейб говорит:

Ἀὰ ἰαῖνί ἰῖῖῖ ἰῖῖ ἰ.

Ἀῖῖῖ ἰ ἐδᾶ ἐᾶᾶ, δὰ ἰ ῖ

ᾶ ἐᾶῖ.

Пока мы, евреи, существуем реально и въявь, история человечества прозрачна. И просматривается до глубинных истоков. Впрочем, в каком-нибудь из «Бекицеров» (надеюсь, декабрьском) Арье-Лейб развернет свои доводы...

В сравнительной близости от Масады – Содом (с испарившимся по лингвистическим причинам «о») – Сдом. Люди там, в силу ветхозаветных событий, не живут. Только работают на химкомбинате.

А перед событиями (Брейшис, 18:20 и далее) случилась беседа, которая публикуется в редакции Арье-Лейба под сугубо условным титулом:

יְאֹרְאָמֹר אֵלֶיךָ אַבְרָהָם

...И подошел Авраам и сказал:

– Неужели погубишь Ты город сей? И с праведным будет то же, что с нечестивцем? Судия всей земли поступит ли неправосудно?.. Может быть, есть в этом городе пятьдесят праведников.

Всевышний сказал:

– Хорошо. Если найду пятьдесят, то ради них сохранится и город.

Авраам сказал:

– Вот! Я пепел и прах. И решаюсь спросить Тебя: если до пятидесяти не останется пяти, истребишь ли весь город?

– Нет, – говорит, – не истреблю. Пусть найдется там сорок пять.

– А если найдется сорок?

– Не сделаю того и ради сорока.

И сказал Авраам:

– Да не прогневается Создатель, что буду я говорить: а если всего лишь тридцать?

– Согласен на тридцать.

– Двадцать! – сказал Авраам.

– Будь по-твоему.

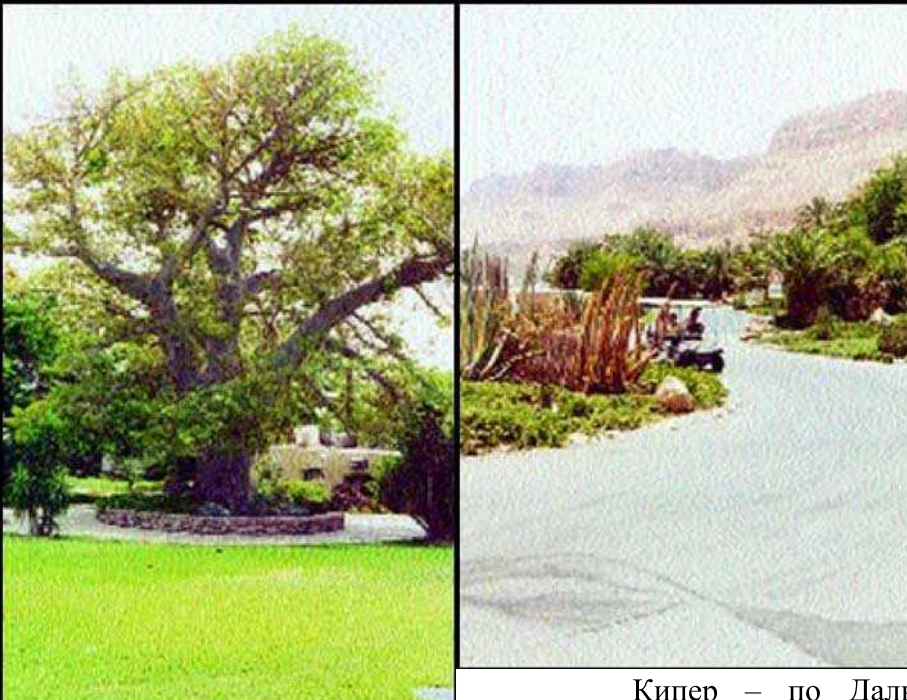
– Десять?

– Abgemacht. По рукам. Десять так десять.

– Владыка, – сказал Авраам, – да будет дозволено мне последнее слово – один.

– Ладно, – кивнул Всевышний. – Но отыщите хоть одного.

О человеке на фотографии знаю я очень немного. Сам из Ирана. Репатриировался в 1951 году. Не в последнюю очередь потому, что в Иранском Азербайджане, откуда родом,

вспыхнуло восстание (под лозунгом воссоединиться с Баку) и тлею едва не до смерти Сталина.

Человек на фотографии – скульптор. Кончил Художественную академию. Живет в Эйне Геди, что поминается еще (или уже?) в «Песне песней»:

Как кисть кипера,
возлюбленный мой у меня в
виноградниках Енгодских.

Кипер – по Далю и Ушакову – кипрей: высокое травянистое растение с пурпурными или розовыми цветками. По библейскому словарю:

Небольшое ароматическое дерево, распространяющее камфарный запах. Восточные женщины носят его на груди, украшают жилища, берут в бани, в купальни...

Вот там и брали, там и украшали – в ветхозаветном Эйне Геди. Сейчас – заповедник и одноименный коммунистический киббуц. Насчет коммунистического – тема отдельная. Нам не поднимать... На красоту полюбуйтесь!

В киббуце, по колхозной терминологии, есть правление – административный корпус. Там в холле (в сенях) – несколько скульптурных работ того человека, имя которого приберегаю для Арье-Лейба.

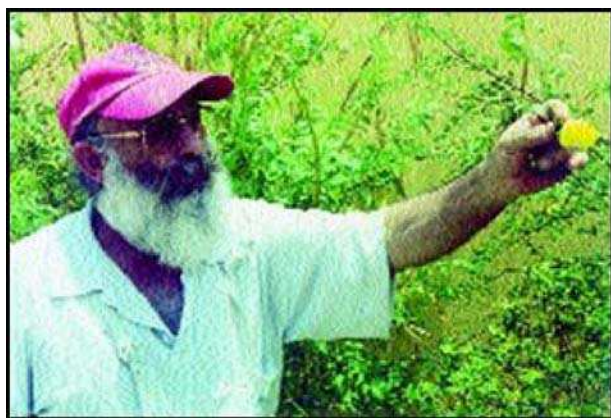
Наш художник – пенсионер. Но работает. Профессионально. И в колхозе. Что по силам и что поручат. Возит нас на электромобильчике по хозяйству.

Принцип Маяковского: землю попашет, попишет стихи, – отчасти коммунистический и реализован аккуратно здесь.

Наш художник, освобождаясь от творчества, трудился на гидропонике (растения без почвы в искусственных средах: вода, влажный воздух...) Был «на подхвате», но так увлекся, что, когда умер профессор, руководивший лабораторией, соорудил памятник.

Вот он – Вопросительный Знак. Потому что: чем больше узнаешь, тем больше возникает вопросов.

Во многом знании есть многие печали. Напрасно думают, что главная истина Коэласа (Екклезиаста): всё суета сует и всяческая суета. Нет, главная истина – другая. И безотносительная: надо в радости делать свое дело, в радости любить, в радости вкушать хлеб свой...

Фотография статуи (по техническим причинам) отсутствует. Памятник ячеистый, мозаичный. На мой дилетантский взгляд – из ракушечника. Серо-стальной. С цветными,

яркими крапушками. Похож на шахматного коня. Лукавый и победительный.

Имя скульптора – Звулун Леви. И наступает черед Арье-Лейба.

Был у него одноклассник по фамилии ЗвулунОв, которого находчивый Арье-Лейб (с перемещением ударения и заменой «у» на «о») остроумно и регулярно, с детской жестокостью, поддразнивал: ЗловОнов.

Постоянные драки возбуждали задорного Арье-Лейба, но общая наша прабабка (Ципа) прекратила вражду.

В смысле – над кем смеешься? Звулун, – говорит, – сын Иакова и Лии. Родоначальник какого-то (сбился со счета) колена Израилева... И бойкий Арье-Лейб внезапно утямил: смеется-то над собой.

30.05.03, пятница

Короткий день.

31.05.03, суббота

Шабос.

01.06.03, воскресенье

Отлет в 07.20.

ÄĬ ÑÄÈÄÄĬ ÈB!

Â ÁÓÄÖÛÄĬ ÄĬÄÓ

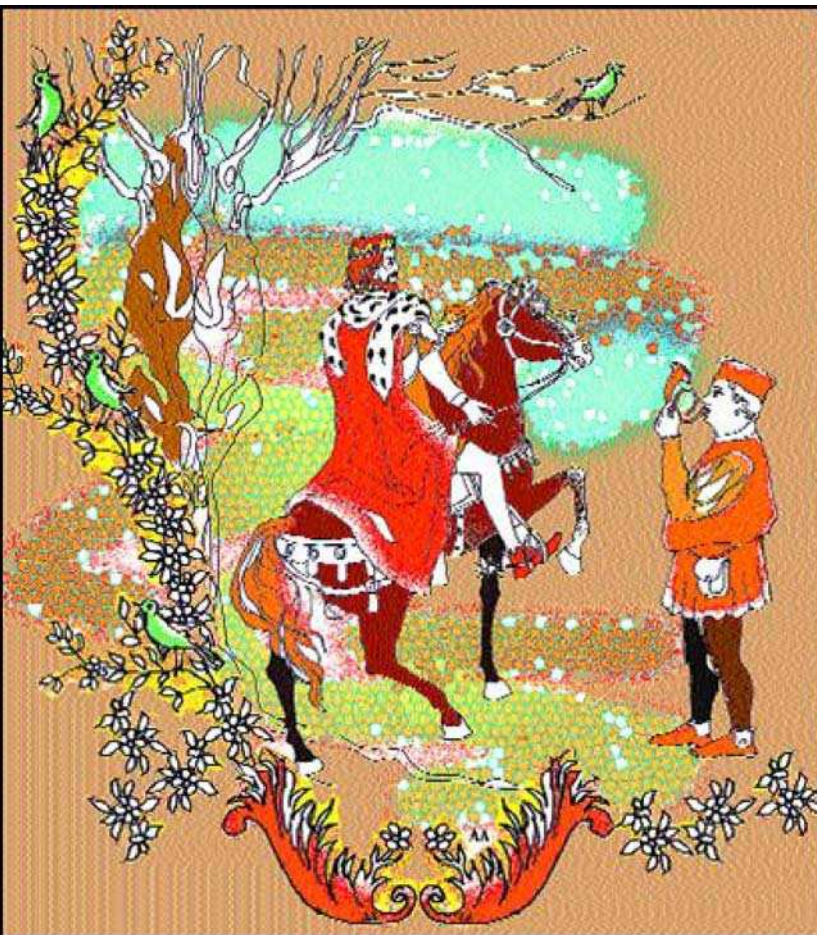
Â ÈÄDÓÑÄÈÈĬ Ä!

B, où è ĩĭ.

Öĭöÿ á ĩĭ äæäü

Öäi ĩĭäüäöü

ĭäÿçäĭ èæäüé.

ЛЕХАИМ ОКТЯБРЬ 2003 ТИШРЕЙ10 (138)

Но кто здесь кому рассказывает? Бабушка ли (бывшая пионерка и комсомолка) просвещает любимую внучку? Или же внучка, что учится в еврейской гимназии, приобщает любимую бабушку?

ОСЕННИЕ ПРАЗДНИКИ

Èëàí à Àðöè, Ýì ì à Èíãáí

Рош а-Шона – начало еврейского года. Празднуется 1 и 2 тишрея (на сей раз – 27, 28 сентября).

Почему же целых два дня?

Потому что наш календарь – лунный. Вот прибегают какой-нибудь земледelec или пастух. Запыхался, пот утирает...

– Новый месяц, – кричит, – родился!

– Ша! – ему говорят. – Отдышись с дороги!.. Ничего не путаешь? Небо-то в облаках!

И дожидаются второго свидетеля. Чтоб в точности подтвердил. Без ошибки.

1 òÈøðáâ øðóáèì ì Û

À øíøàð(áàðáí èé ðíá).

Î ×áì æá ýíàòíí?

ðíæíé

Жил-был король. Однажды отправился на охоту. Да как-то сбился с пути, потерял свиту, отстал от егереy и собак, разминулcя с оленем...

А уж темнеет. Достал он охотничий рожок – и ну сигналить!

Никого. Опять подал сигнал. Ни звука. Знай, ветерок шебуршит, сосны головками покачивают...

Глухая сторонка.

Вдруг, откуда ни возьмись, – путник. Ружьишко на плече и песенку насвистывает...

– Эй, добрый человек, помоги!

– Поезжай за мной! – И выводит короля на дорогу.

Тот, конечно, расщедрился.

– Получай, – говорит, – королевский подарок! – И вручает охотничий золоченый рожок. – Труби!

Мужик от радости как дунет в ту дудку – мигом придворные налетели. И скатерть-самобранка при них.

Давай, стало быть, пировать!

Спасителя-мужика усадил король рядом с собой. Велит вина поднести, своей рукой угощает... Оставайся, говорит, у меня ключником!

И переселился мужик во дворец.

Долго ли, коротко, – докладывают королю: ваше величество, новый-то ключник не чист на руку. Таскает из дворца что ни попадя – и на ярмарку. Не то что из-под полы – чуть ли не внаглую, мошенник, торгует... И свидетели есть.

Ну, суд. Казнить! Палач на помосте...

– Эй, мужик! – король говорит. – Имеешь последнее желание?

А бывший ключник, недолго думая, – бух в ноги:

– Дозвольте, ваше величество, последний раз на рожке сыграть! – Да как задудит...

Услышал король золотой рожок, вспомнил старое и объявил помилование.

ВІ О А-ОІІА - ААІЎ НОАА, ААІЎ

ОДОАЕАІ ЕВ,

ААІЎ АЕАНА ОДОАЎ

Потому что звук шофара пробуждает раскаяние и горькое сожаление о совершенных грехах.

Оеаа - ооаеааоіі ііао оіоаа -

оаадеі, ооа, оеаа

Оеаа, оаадеі, оеаа

Оеаа, ооа, оеаа

Триа – долгий звук. Шварим – три отрывистых. Труа – трель из отрывистых звуков.

Ī àì eí ièdīã

В некотором царстве, в тридевятиом государстве жили да поживали царь с царицей. И был у них сын. До того балованный и капризный, что ел только из маминых рук – исключительно те пироги, которые мама самолично пекла.

– Наследник, – царь говорит, – ты не прав! Ступай-ка, принц ненаглядный, «в люди» – мир посмотреть, себя показать. – Выдал туго набитый кошель, усадил в карету и ручкою помахал. – Трогай!

Пока деньги водились, лстивый народ под ножки стелился, из сил выбивался, как бы угодить да потрафить. А денежек нет – и вокруг никого.

Шатался царевич по городу. То к одному прохожему сунется, то к другому. Я, дескать, царский сынок, благородный отпрыск! Укажите, сделайте милость, где тут столбовая дорожка непосредственно во дворец.

Хохочут. Пальцами тычут. Вот, потешаются, умора! Царевич-то без царя в голове! Прынц, понимаешь!

Скитался, слонялся. Ох, думает, так и пропасть недолго! Работу, что ли, найти?.. Забрел в деревню.

Собаки на чужака кинулись, чуть ли не разорвали. Мужик какой-то еле отбил.

Приводит к себе на двор. Краюху отломил, воды в ковшике приволок...

– Ты, паренек, кто?

– Сирота, – царевич отвечает. – Позволь, в хозяйстве тебе помогу...

– А что по сиротству умеешь?

– Да так, – говорит, – то, се, пятое, десятое...

И нанялся Пугалом. На огороде поставили – пернатых гонять.

А царь с царицей обыскались сыночка. Гонцов разослали по всему царству. Год рыщут – что иголка в сене. Днем с огнем не сыскать. Царь-батюшка и руки опустил, и головку повесил... А царице-матушке как от кровинушки отступиться! Указ надумала.

Пускай, мол, и стар и млад соберутся на Главной площади, и ее, царицино угощение попробуют.

Раз начальство велит, наше дело телячье – ать-два, марш-бросок, строевым шагом!.. И мужик с Пугалом очутились перед дворцом. А царица испекла уже свой пирог, чтобы всякого – по милости да по малости – наделить.

Отведало Пугало мамино пирога да как встрепенется:

– Ведите, – кричит, – меня во дворец! Я – царский сын!

Так звуки шофара заставляют нас словно проснуться и с ясностью осознать, кто мы на белом свете и откуда явились...

CA DÍΘA-OÍTA -xADACÁANBÒUÁIÁE - EÍI ÈEÍΘD

Ñóüüé äáüü

Есть на небесах Книга жизни. Каждому в ней – своя судьба. И в новолетие выносятся приговор. Злодеям – гибель. Святые и праведники да будут благословенны, пусть здравствуют среди нас на земле. А мы, обыкновенные люди...

Вот с нами и разбираются... По великому милосердию отпущены нам последние десять дней, дабы заслужили мы Небесную милость.

Íáëàèà ñëáüü

Когда ветхозаветные пращурьы ушли из Египта и сорок лет плутали в пустыне, Всевышний окружил их чудесными облаками. Днем защищали от зноя, ночью – от холода.

Это, знаете, как почетный эскорт. Как те отборные мотоциклетные витязи, что сопровождают президентов и королей, когда с государственным визитом, под гул и рукоплескания, несутся они сквозь главную улицу.

И специальная мотостража – почетный караул на колесах – обороняет важных гостей. Мчится спереди и с боков, замыкая процессию.

Ñóééíñ

«В шалашах живите семь дней, – заповедано в Торе. – Чтобы знали поколения ваши, что в шалашах поселил Я сынов Израилевых, выводя из Египта».

Сукко – на иврите – «шалаш». И праздник Суккос по-нашему – «рай в шалаше» (шутка).

Моя бабушка (прошлой осенью) побывала на исторической родине. В Суккос, говорит, тамошние горожане перебираются на балкон. Устраивают пальмовый навес и пол устилают листьями.

Да, тишрей в Израиле теплый. Не чета московскому октябрю. С холодным дождиком, с первым снегом...

Но бабушка все равно пожелала в Суккос ночевать на балконе. Влезла в спальный мешок, развесила на бельевой веревке местную зелень, рядышком, как положено: эсрог (двоюродный брат лимона), лулов (побег финиковой пальмы), адас (веточка мирта) и арова (веточка ивы).

– Эсрог, – объясняет, – это такие люди, что изучили Тору и славятся добрыми делами. Еврей-лулов шибко подкованы теоретически, а заповеди исполняют с прохладцей. Адас, наоборот, заповеди блюдут, а в Святом Писании – ни бум-бум. А которые аровы –

совсем без заслуг... Вот какие мы разные! Но, по завету Творца, надобно нам не ругаться, а быть всем вместе.

– Мама! – родители говорят. – Вы же простудитесь на балконе, заболете...

– Дети! – бабушка говорит. – Могу я хоть раз в году остаться наедине со звездами... Той ночью проснулась я в теплой постели, глазки протерла, гляжу: а мне звезда сквозь окошко подмигивает... И сочинился стишок.

Î ù àà ààèí àý ñàí ùý,

Õíòèì òíã èèùíàò...

×àòùðá àèàà óì àíý

Ðàñòáí èé. Ñèþ ì ðèáàò.

Ýññáóíðèø ññ àññò ñòíðí,

À ñèáíé ì ìíã ááá

Àááñííí íæàò ààí àñááá,

Èèèíá æá ààñò ññáò.

Òáíðáò àèèèé áúòùáí àñòá

íàí,

Õíòèì ì ù èèé íàò.

Ñàèàò ìíñòðèè òóó è

òàí

È óáæèì ìò ááá

Эсрог

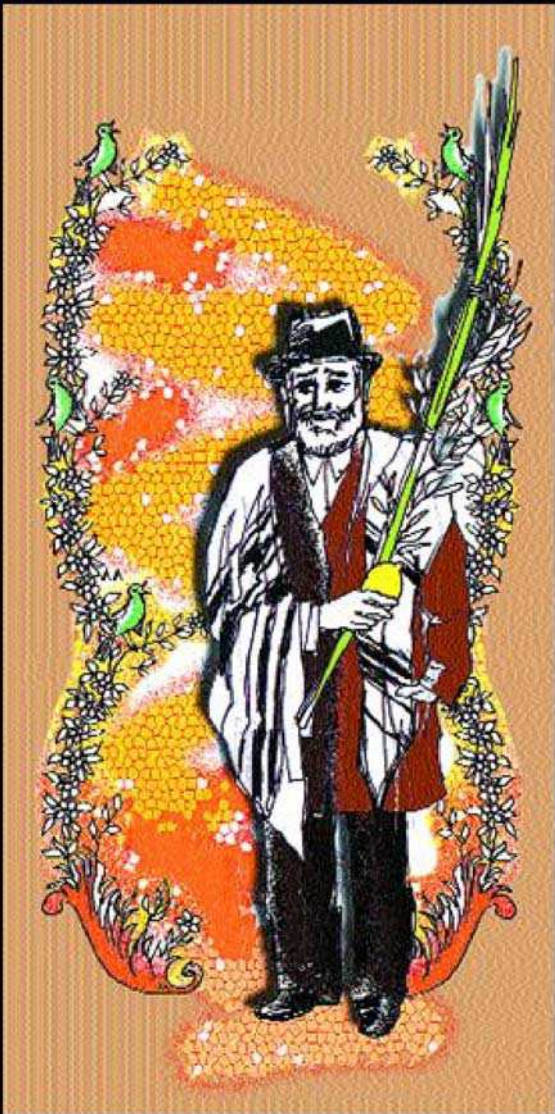
Жил в еврейском местечке Портной (по ремеслу и фамилии). И жена, понятно, Портная. И куча ребятишек – Портные... Одень их, обуь, накорми. За мальчишек плати меламену, чтобы выучил.

Трудился Портной, не разгибаясь. С рассвета до заката горбатился... Но копейку умудрялся откладывать.

На что?

Вот уж не угадаете! На эсрог... Оно и сейчас недешево, а тогда...

Подошло время. Построил Портной шалаш – и в город.

На базаре – шум, гвалт. Какой-то еврей в обморок брякнулся, водой отливают... Очнулся, клочок на макушке выдрал – хлоп, опять в обморок.

Фар вос? Зачем, почему?

Общинные деньги украли. Сколько? Столько!.. Столько, что наш Портной за целый год по грошику накопил.

Что делать?

Отложил Портной пару монет, а весь кошель отдал бедняге. И купил самый маленький, неказистый эсрожек.

Вернулся под праздник. Пошел в синагогу. Молится... А раввин:

– У кого это, – спрашивает, – такой ароматный плод?

Все подошли, показывают. А наш Портной за спинами прячется... Но раввин до него добрался.

– Признайся, – говорит, – почему твой эсрог такой благовонный? Как он тебе достался?

Ну, Портной и открылся.

– Да, – говорит раввин, – дух особенный. Знаешь, – спрашивает, – чем пахнет? Заповедью: «Возлюби ближнего, как самого себя».

Советский анекдот

Ленин, кто помнит, скрывался в Разливе и жил на озере, в шалаше.

Вот навещает его Сталин: как, мол, вы тут, что подельваете, не скучаете ли?

– Да нет, – Ленин сказал, – Суккос справляю.

Что? Откуда Владимир Ильич узнал про Суккос?

А с ним был помощник и секретарь – Григорий Евсеевич Зиновьев (по паспорту – не то Радомысльский, не то Апфельбаум...)

Симхас Тойра

Мой дедушка обожал читать вслух. Соседи даже ругались. В стенку, бывало, колотят. А бабушка извинялась: мой муж, дескать, актер... репетирует... Хоть дедушка был инженером. И в этой (как ее?) самодеятельности не участвовал.

До страсти любил Бабеля, «Историю моей голубятни». Как мальчик сдает экзамен в гимназии.

О Петре Великом я знал наизусть из стихов Пушкина. И навзрыд сказал эти стихи.

Человечьи лица покатились в мои глаза и перемешались там, как карты из новой колоды. Они тасовались на дне моих глаз, и в эти мгновения, дрожа, выпрямляясь, торопясь, я кричал пушкинские строфы изо всех сил.

Я кричал их долго. Никто не прерывал безумного моего бормотания. Сквозь багровую слепоту, сквозь свободу, овладевшую мною, виделось только старое, склоненное лицо с посеребренной бородой.

– Какая нация, – шептал старик, – жидки наши... в них дьявол сидит.

И вдруг мне открылось, откуда у дедушки такая любовь к громкому (громогласному) чтению.

Оттуда же, откуда у того паренька из рассказа.

Потому что есть ежегодный праздник (22-23 тишрея) СИМХАС ТОЙРА. Когда читается в синагоге последняя глава Торы. И приглашаются к чтению не только взрослые мужчины, но и мальчики (до бар-мицвы), которым не исполнилось и тринадцати. А величают приглашенного мальчика не как-нибудь – Женихом Торы.

– Вот и ты, дедушка, – сказала я, – ощущаешь себя Женихом Торы. А тем более – тот гимназист из прошлого века. Это заложено, – говорю, – генетически.

– Ну что ж, – вздохнул дедушка, – может быть... может быть...

А бабушка почему-то заплакала.

А бабушка говорит:

– Послушайте-ка меня. И рассказала.

Радость Торы

В некотором государстве жил Царь. Была у него дочь – Тора.

Настала пора замуж ее выдавать. Один за другим женихи пожаловали. Вот первый сватается...

Нет, царской дочке он не по нраву.

– Обжора, – говорит, – ужасный! Что на столе – все в рот тащит. У нас во дворце такому не место!

Второй явился – не запылится.

– За пьяницу не пойду! – И ножкой даже притопнула. – Опозорит меня на великосветском приеме!

Пыль еще не осела – третий жених тут как тут... А Тора опять недовольна: происхождение-де подкачало...

– Ах, так! – Царь рассердился. – А позвать сюда первого встречного!

А первый-то встречный – аккурат мужик. Сено привез на конюшню. Мигом свадебку сладили. Да на той же телеге – трюх-трюх! – молодожены и укатили.

Заскучала Тора в деревенской избе. Глухомань, грязь непролазная, домой во дворец не убежишь...

Горюет, горькие слезы льет, ходит распустехою...

пол не метен, скотина

недоена...

Мужик – к Царю:

– Хоть я и первый встречный, да жена любимая – дочка твоя – пропадает. Навести нас, Царь-батюшка, не побрезгуй, родимый тещюшка...

Царь в дорогу и снаряжился. Прибыл как есть в золоченой карете. По саду-огороду с Торою погулял, на скотный двор заглянул... Хороший ли из мужика муж? Не обижает ли первый встречный?

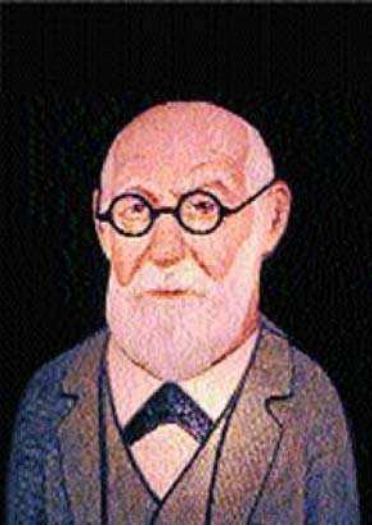
– Да что, батюшка! – Тора повеселела. – Муж добрый, заботливый...

Накрыли на стол. Народные пляски устроили. Кто в дуду дудит, кто в сопелку сопит... Водят с Торою хоровод. Песни величальные запевают. Большое уважение царской дочери...

Меда с пивом царю поднесли. Он угостился, всеобщей любовью утешенный. Ручкою помахал – и восвосяси.

– На тот год, – обещает, – непременно наведаюсь.

Вот и мы, – заключила бабушка, – ежегодно танцуем с Торой-царевной, выказывая царю нашему – Всевышнему, как любим и почитаем его дочь. Праздник так и зовется Симхас Тойра – Радость Торы.

СТАРИКОВСКИЕ ЭПИГРАММЫ

Ēaçàðũ Óàðáç àãñéé

1

Ñĩ ðĩñéé ó Óðáéää:

- Ááðð Óðáéä,

ãũ áãðé?

- Áá!

2

Ēàé í à çãĩ éä

Íááð íááí íé,

Æèè ÿ éí èæéä

Íáíñéíííé.

Ēòí áñé ò ú ðáí ùçá?

Ēááð Ēéääí à

Ēòí ñòæ ò ú íúí-á?

ÍáíũÑéííà

3

Í íá èèñòú

Ēàòííéñíúð æáá

Í ðááñòàðò

Í ðéÿòíúí ñðĩ ðéçí :

Áää òí í ðáéé éíÿçí

Ēçÿñéää..

×áí íí ñéääí áúé,

Ýòíò Ēçÿ?

Èàèè:-àèèà ðààííò è

Ààé ì íà ì ííà ì ííà

Í íàààè:

Èç ààçò

B àí:-èòàè ñó:-àéíí,

×òí çí àéíí íà ì íà ñéíàí

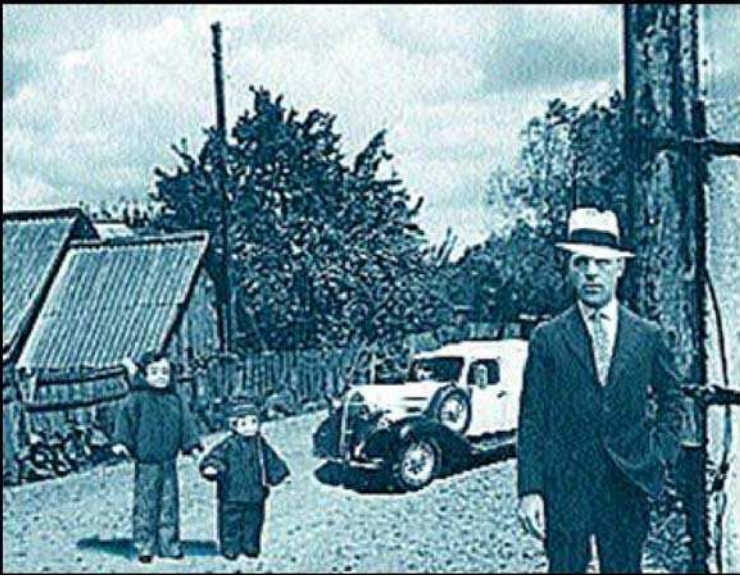
Õàààð

Í çí à:-ààò è

Áàò àèü èíí ààéíà

Í ðè ì à:-àí èà

Õàààð (àí àè. header) - æ:àò àáí í àý ðàáí:-àý :-àñò ù çòí ííà ñ éíí ààéíà

ДРУГ ДОМА

עֲרֵבֵי הַבַּיִת

Иван Петрович Приходько прожил три жизни.

Он был офицером в царской армии и у белых. Затем около двадцати лет преподавал математику в бывшей гимназии

Огородниковой. И моя мама училась у него. В сорок первом году стал солдатом. В сорок пятом – полковником.

Три жизни Ивана Приходьки не соединялись в одну. Их нельзя было складывать, как к тоннам нельзя прибавлять километры, а к мерам объема – меры времени. И при некоторых обстоятельствах (при натяжении) жизнь трещала по швам.

Ибо где тонко, там рвется.

В 1947 году Иван Петрович Приходько подъезжал к городу Орше, где в это время другой известный мне человек снимал кинофильм «Константин Заслонов». Он снимал сцену: налет германской авиации... Но Иван Петрович Приходько не знал о его

работе.

Иван Петрович стоял у окна, ожидая встречи с детьми, которых не видел шесть лет без одного дня.

Единственный исключенный день падал на сорок четвертый год, когда на американской машине «додж» примчался Приходько в родную деревню и дети – два сына – вышли из ледника.

День был жаркий, солнечный. Но мальчики, одетые в шубы, дрожали. Иван Петрович вспомнил, как некогда рыл глубокую яму, как земля, меняясь в цвете, взлетала над ним, как тесал бревна для сруба.

Дети похожи на мать – темные, узкоплечие, родинка возле уха. Переступали с ноги на ногу и мигали на солнце, как заспанные. А их дед говорил с Иваном Петровичем резким шепотом на местном, сельском полунаречии.

И когда Циля, жена Ивана Петровича, прибежала сюда из города, свекор с твердостью объявил, чтоб уходила. Ребята пускай остаются, а ей – уходить. Все равно кто-нибудь найдется – укажут. Тогда и семье погибать, и хозяйству.

Иван Петрович мчался в курьерском. Поезд гремел на стыках, но слышал Приходько не стук колес, а звук двойной, общей походки. Видел широкие тротуары, сложенные из плит – серых, с вкрапленными камушками. Между плитами, в узеньких

черных канавках, росла трава, которую прежде срезали и выщипывали. А после и ей дали свободу.

Они шли на службу раскланиваясь. И Цилины каблучки били два раза по одной плите, а подковки Ивана Петровича по двум плитам – один раз. Он был высокий и стройный (таким родился), и молоденькие ученицы влюблялись в него.

И моя девочка-мама бежала по твердым плитам бывшей Дворянской улицы, принаравливаясь к железной, солдатской походке Ивана Петровича.

Он провожал учениц домой.

А в это время другие ученики провожали его жену.

Они были маленькие – первый-второй класс (тогда говорили – группа). Циля брала их за руку и выводила на Советскую улицу – на те самые плиты в зеленой кайме. И ноги ребят топотали, как сто поездов. А Циля рассказывала о дружбе народов и достижениях...

Прежние учителя исчезли. Никто о них не печалился. Во всяком случае, ребятишкам, что прыгали вокруг Цили, – им и дела не было, куда там и кто пропал. От огородниковских времен остались нянечки, очень довольные, потому что приторговывали конфетами и пирожками.

Из тех детишек, скакавших около Цили, уцелел мой дядя. Впоследствии сменил имя, оборотившись Дмитрием, но вскоре после войны, учась в Московском университете, назывался еще Дамирр (ДА здравствует МИРовая Революция!).

– Где русская интеллигенция? – кричал дядя Дамирр, брэнча боевыми медалями. – Где ординарные профессора, почетные академики, приват-доценты?.. Где их дети, внуки?

Иван Петрович Приходько молча стоял в нашей комнате в Колодезном переулке и смотрел в окно.

В громе поезда и в тишине окраины слушал он цокающие Цилины каблучки, не поспевающие за ним, за его солдатским походным шагом, который поставил ему фельдфебель, как другим людям ставят произношение.

Глядя на Приходьку – покорителя мостовой, музыкант сочинил бы военный парадный марш: столько тяжеловесной мерности было в его поступи.

Но никто не видел Ивана Приходьку, гремевшего на каменных плитах. Ибо ритм походки не совпадал с музыкой времени. Выправка выдавала военного. С головой. С потрохами. Бывшего царского офицера.

И люди нюха, заменившие музыкантов, бежали по улицам, треща каблучками...

К счастью Ивана Петровича, люди нюха были людьми аппетита. А отец Ивана Петровича производил сало и хлеб независимо от погоды. И во все времена – от доколхозных до посленемецких – не пустовал ледник, вырытый сыном.

Стараниями жены и отца его допустили к преподаванию. Религию отменили, но согласно библейским заветам последние стали первыми.

Моя мама рассказывала, что физик Шилко был единственный, кто работал еще в гимназии. И в мае, и в октябре являлся на урок в шубе и не снимал ее. Вызывая к доске, просил встать подальше, отворачивался и отодвигался. Когда началась война и город заняли немцы, Шилко сотрудничал с ними. Но отсюда еще не следует, что в школьные свои годы моя мама чистила зубы.

Тем не менее, Иван Петрович Приходько провожал ее домой, вбивая каблучки в плиты города и покоряя девочку, ставшую моей мамой, замашками офицера.

Но не громоподобный свой марш, не утиную мамину перевалочку слышал Иван Приходько, стоя у окна поезда, мчавшегося на Оршу. Он слышал быстрые, звонкие удары Циблиного бега.

22 июня 1941 года, не дожидаясь формального объявления, Иван Петрович спешил в городской военкомат. Ноги его, прямые и длинные, как портновские ножницы, резали каменные плиты, отсекая без сожаления старую судьбу.

Многие люди, по разным причинам, торопили войну.

Евзель Гдальевич Б – любимый ученик Эйзенштейна – мечтал о войне, чтобы конкурентов-режиссеров забрали в армию. И тогда он, хромой человек, поставит свой единственный неповторимый фильм.

Война пришла и дала режиссерам «бронь» – освобождение от фронта. И старый больной Б сидит сейчас в Р, на хронике, вздыхая о пенсии. И помню о нем только я.

Ивану Приходьке нужна война, чтобы вернуться в армию. Война опрокинет огромную цистерну, где собраны все чернила, производимые в стране, и они зальют анкету. Никто больше не сможет ее читать...

Забыв о жене и детях, он бежал в военкомат, как убегают от смерти. И не Циле было его догнать.

Босая, в раздуваемом ветром домашнем халатике, взлетала она с холодных бетонных плит и кричала о чем-то. Приходько не слышал. Не видел маленьких розовых ног, голых коленок, выскальзывающих из-под рубашки, и ласковых карих глаз, которые закосились от страха.

В громе и тишине слышал полковник Приходько, как бежит Циля. Но чудилось: не она его, а он ее не может догнать. Ясно различались спина, развевающийся халатик, ночная рубашка в цветочках, и капли капали с розовых, детской нежности пяток.

– Циля! – кричал Приходько. – Циля!

...И вдруг вагон пошатнулся, заскакал по рельсам, выгнув горбом длинную спину. Посыпались чемоданы. Заплакала женщина. Кто-то куда-то метнулся. Гул самолета притиснул поезд к земле, а близкие разрывы поднимали на воздух. И сообразив первый, что происходит, Иван Петрович ринулся к тамбуру. Вышиб наружную дверь, выпустил поручни и полетел вниз.

Он не погиб и не искалечился. Даже не выпрыгнул из вагона.

Поезд проследовал Оршу по расписанию, потому что Владимир Владимирович Корш-Саблин снимал сцену налета на следующий день.

Приходько забрал детей и привез в Москву. Один поступил во Внешторг (был такой институт), другой – в Военно-медицинскую академию (в Питере). Сам Иван Петрович преподавал тактику. А может быть, и стратегию...

Зимой, в январе неважно какого года, он говорил моей матери, полагая, что я еще маленький:

– Раньше этого не было. Конечно, отдельные проявления, отдельные личности... от них не уберешься... Но направляемая сверху государственная кампания, такие широкие правительственные мероприятия...

Той зимой некто Нун (переведу вам с иврита – Н), стихотворец Нун, справил свой день рождения (юбилейный полтинник) в Лефортовской тюрьме. Следователь вручил ему обвинительное заключение и терпеливо ждал в тени лампы.

– Меня будут бить? – спросил новорожденный, как герой известного романа.

Следователь не читал романа, но засмеялся.

– Не понял вас, – сказал следователь.

– Зачем вы лжете? – крикнул Нун. – Заводите по ночам ужасную грохоталку... Думаете, не слышно?.. А я слышу... все слышу!

– Не волнуйтесь, Семен Яковлевич! – сказал следователь. – Вы же знаете, тут по соседству ЦАГИ... Ставят различные опыты... испытывают моторы...

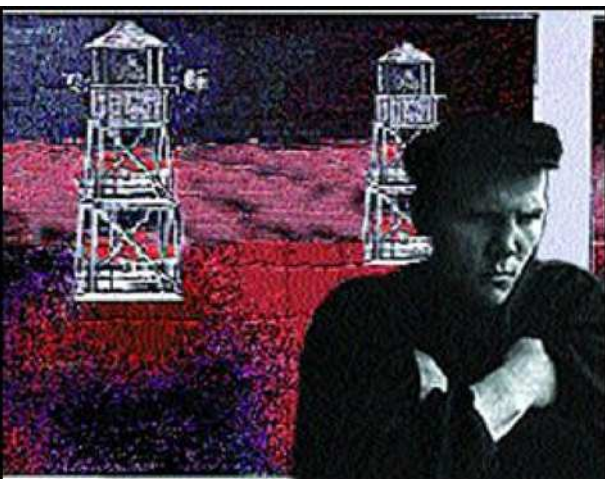
– Все это ложь, – сказал юбиляр-стихотворец, сдвигая обвинительное заключение. – Но если меня будут бить... я подпишу... Заранее...

– Расписывайтесь, – устало сказал следователь.

И Нун расписался.

А Иван Петрович Приходько уехал в С командовать военным училищем. Мог выйти на пенсию, но чего-то ему не хватало – полного стажа, наверное. И вот отбыл в С, хотя и не надеялся стать генералом.

Жены у него не было. А была домработница – вроде бы, Дуся. Вот с ней и отправился. Побольше хотел заработать, а то, в случае чего, пенсия Дуся не полагается...

И увез Дусю в С. И завел сберегательную книжку на ее имя. И она получила все деньги сполна, когда Иван Петрович, возвращаясь с каких-то учений, споткнулся и упал. И свалился в канаву.

И умер мгновенно.

Но долго лежал в грязи и глине, обмываемый дождевой водой и озаряемый светом грозы. И целую ночь, до самого утра, росли и росли проценты на сберегательной книжке.

Дусе достались деньги и мебель. Библиотека – детям.

И маленькая бумажка – подписная квитанция на собрание сочинений Тургенева – пришла по нашему адресу. Иван Петрович Приходько завещал ее лично мне – двенадцать зеленых томиков... И моя мама обижалась, что не о ней – обо мне вспомнили.

Так умер Приходько.

Я же заполнял анкету, розданную нам в школе. И в графе фамилия написал внезапно Приходько, а в графе отчество – Иванович. И путано объяснял в той бумажке, почему – так. И кто я на самом деле.

И классная руководительница вызывала потом мою маму. И мама забрала эту анкету и разорвала на мелкие клочки по дороге домой, чтобы она как-нибудь не попалась отцу на глаза.

Я не знаю, что подумал бы мой отец...

А было мне тогда не девять лет, не десять. И даже не одиннадцать.

Мне было уже тринадцать.

АЪËË А ÊÐÛËÛВ Ó Ì АÍВ...

Эпштейн рассказывал – не мне, и оттого передаю не собственной прямой речью, – что взяли его утром.

Накануне вечером, после работы, беседовали во дворе. И что-то у кого-то выпало. Да вот хоть насчет их города. Почему до революции назывался Владикавказ, перед войной – Орджоникидзе, а то и вовсе – Дзауджикау?... Чем Орджоникидзе не угодил?

Да он застрелился. Ну да? Вот тебе и да ну!

– Открытый был человек, – сказал дядя Вася. – На шахту к нам приезжал. Как раз продовольственные нелады шли...

– Тридцать второй год, что ли? – лениво обронил С (сосед? Стукачев? Стукачьян? Стукачер?).

– Ага. Вот приходим к нему в вагон, а там стол накрыт...

– А я в тридцать втором в Свердловске был (в Сибири, Саратове, Сызрани...) Там прямо на улице дохляки валялись.

– Вот я и говорю, – дядя Вася рассказывает, – как же, блин, так? Нам жевать нечего, у тебя, товарищ нарком...

– А нам в Свердловске (в Сибири, Саратове, Сызрани...) кашу давали – ячневую. Две ложки съешь, остальное – в бумажку, и домой. Санька (Сендер, Сурен...) только родился, а ни ему, ни Стешке (Соньке, Сусаник...)...

– А товарищ Орджоникидзе нам отвечает: «Неужели, товарищи, вы думаете, что Россия – такая бедная страна, что не в силах прокормить одного наркома?»

И утром, утром уже, в шесть часов с минутами, за Эпштейном пришли. А он не ждал. Спал Эпштейн, разметавшись по-молодому. В белье выскочил дверь отпирать, глаза протирая.

И увели. А он все глаза протереть не может.

Город Орджоникидзе маленький. Не больше Владикавказа. Но и не меньше Дзауджикау. И с вечера, стало быть, побежал С дежурному докладывать. Тот в книжечку записал...

Нет, в две книжечки. В первую – кто, в параллельную – что.

И обе пошли они для отчета. Одна – в финансовое управление, на платежку. Другая – в управление внутренней службы. Как, блин, внутренняя служба идет. Нет ли волокиты-бюрократизма. И с какой скоростью, блин, продвигаются дела...

Один отставной рассказывал. Мы, говорит, обязательства брали. Социалистические. Я, значит, в наступающем году шесть врагов разоблачу... А ты?

Ну и разоблачали.

А месяц-то был октябрь. Тепло. Солнышко светит. Еще листья не облетели. В одном пиджачке и брючках идет Эпштейн в книжечках отмечаться.

В камеру запихнули. Прямо как негры в Америке в «часы пик» орудуют.

Там на перроне в метро (не проверено) негры стоят трехметровые, будто колонны эбенового дерева. И как поезд подъехал, двери раззявились, негры в огромных перчатках, этикие мотоциклетные кожаные раструбы размером с наши охотничьи сапоги, – негры, говорю, в спину вам упираются, вагон вами же набивая.

И пошел поезд, поплыла бочечка... А уж с селедкой мы американцев сравним. Дело ведь в Нью-Йорке происходит. У них там в метро. За океаном. Сельдь, получается, атлантическая.

Семьдесят человек было в той камере.

Эпштейн помнит военного с четырьмя шпалами (переведу вам – полковника), которого вызвали на допрос. Его вызвали на допрос, а он одеться не в силах. В рукава не может попасть. Шинель на нем длинная, в талию. Кружится. Полами-крыльями бьет. А ноги топчутся, приплясывают... Никогда, говорит Эпштейн, не забуду, как он за шинелью гонялся.

Там были дети. Много. Взятые неизвестно за что. Но не покинутые своим учителем – немцем по национальности. И одноногим. Немец сидел на столе, поджавши под себя ногу. А дети – кругом. Как в гнездышке. Целым классом... Их ликвидировали как класс.

Эпштейн пробыл в камере день. Точнее – полдня. Засветло погрузили их в эшелон.

Не в арестантский вагон, что прицепляется к пассажирскому поезду и наполняется в пути следования. И стоит где-нибудь в Александрове, приткнувшись к локомотиву... И пока машинист с помощником желтят снег, ведут нас (их, их ведут!), бритоголовых и в ватниках. И охрана такая ж бритоголовая. Только собаки обросли шерстью.

И пошел поезд – тяжеловесный, формируясь-расформирующаяся... За Воркутой уже по однопутке-узкоколейке скачет. Дернулся и затих, кончилась линия.

Пры-гай!

Снегу по пояс. А по нашему росту – под горлышко. Неграм бы тем из метро здесь бы дорожку топтать! А еще лучше – зимостойких слонов вывести. Чтоб ногами-трамбовками снег уминали... Или танки пустить на железном ходу.

Перед Большою войной, когда с англичанами да французами против немцев сговаривались, напрямую выкладывали: десять тысяч танков в запасе... Ну и дали б сюда хоть один!

В пиджачке и рубашечке сигаает Эпштейн с высокой платформы. А кругом собаки лают. Охрана наизготовку... Если бы он парашютным спортом увлекался. Или в городе Орджоникидзе, вместо чего другого, река Волга бы протекала и с вышки ныряли бы... Сложил руки лодочкой, ласточкой выгнулся и – бух-бултых – север осваивать!

Их привели в лес. Велели яму копать.

Здоровую вырыли. Прямо котлован под фундамент. И лапнику набросали. Самое первое дело было, с того и начали – дырку в земле пробуравили. И на другой день там уже четверо сидело...

Вот и просыпается Эпштейн раненько утром. А елки кругом, как в Новый год, наряженные. На всех как подарки висят. Качаются. Под прожекторным лучом переливаются. Кто – на ремешке. Кто – на веревочке. Кто – на штанине. Кто – рубашку надвое порвал, жгутом скрученную... Да я вам скажу: на шнурках удавиться можно.

Глянул Эпштейн да и запел на родимом наречии, как мама, бедная, напевала:

Ауеэ а еддеей ои ай -

А іаііа а ііаіеіі.

Áúèè á öäi è ó i áíÿ -

Ê ò ó: éá á i ðéííáèíÿ.

Í íéáòæ áú í ää çü éáé

Í í ðíáí í i ó éðàþ.

Í á ääí óòüÿ i í á äí í é

Í éííäà ß çíàþ.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ ОКТЯБРЯ

1 ОКТЯБРЯ

60 *éàò ìí äíÿ ãäáäè* Героя Советского Союза лейтенанта **Давида Абрамовича Кудрявицкого** (1919, Хиславичи Могилевской губ. – 1943, Любеч Черниговской губ.).

5 ОКТЯБРЯ

85 *éàò ìí äíÿ äíæäáíéÿ* радиоп физика, члена-корреспондента РАН, автора трудов по квантовым усилителям СВЧ, нелинейному рассеянию радиоволн, радиоголографии и др., лауреата двух Государственных премий СССР **Вольфа Бенционовича Штейншлейгера** (р. 1918, Проскуров Подольской губ.).

7 ОКТЯБРЯ

60 лет со дня гибели Героя Советского Союза подполковника **Якова Абрамовича Биренбойма** (1908, Житомир – 1943, Остер Черниговской обл.).

95 лет со дня рождения дирижера, педагога, профессора Ленинградской консерватории, одного из основателей ленинградской дирижерской школы, лауреата Государственной премии СССР **Николая Семеновича Рабиновича** (1908, Петербург – 1972, Ленинград).

9 ОКТЯБРЯ

25 лет со дня смерти поэта, автора поэм «Коммуна 71 года», «Франсуа Вийон», «Сын», «В переулке за Арбатом», сборников стихов «Мастерская», «Время» и др., лауреата Государственной премии СССР **Павла Григорьевича Антокольского** (1896, Петербург – 1978, Москва).

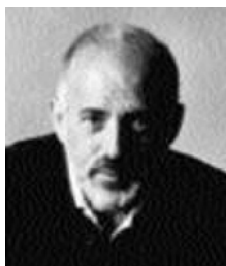
130 лет со дня рождения скрипача, профессора Бухарестской и Амстердамской консерваторий, выступавшего в ансамбле с А. Шнабелем и Г. Пятигорским, **Карла Флеша** (Flesch; 1873, Мосон, Венгрия – 1944, Люцерн, Швейцария).

10 ОКТЯБРЯ

85 лет со дня рождения Героя Советского Союза лейтенанта Иосифа Исааковича Маковского (1918, Ельня Смоленской губ. – 1986, Москва).

80 лет со дня рождения Героя Советского Союза капитана Абрама Самуиловича Сапожникова (р. 1923, Минусинск Енисейской губ.).

11 ОКТЯБРЯ

85 лет со дня рождения артиста, балетмейстера, директора балетной труппы «New York City Ballet», постановщика балетов «Век тревог», «Концерт», «Свадебка», «Вечерние вальсы», «Четыре сезона»,

мюзиклов «Скрипач на крыше», «Вестсайдская история» (премия «Оскар» за лучшую режиссерскую работу 1961 года) и др., обладателя премии «Оскар» 1961 года за выдающийся вклад в хореографию в кино **Джерома Роббинса** (Robbins; наст. фамилия Рабинович, 1918 – 1998, Нью-Йорк).

75 лет со дня рождения дирижера, народного артиста СССР, основателя и руководителя Литовского камерного оркестра, профессора Литовской консерватории, лауреата Государственной премии СССР **Саулюса Сондецкиса** (Sondeckis; р. 1928, Шяуляй).

14 ОКТЯБРЯ

100 лет со дня рождения конструктора авиационных и ракетных двигателей, Героя Социалистического Труда, под чьим руководством создана серия жидкостных ракетных двигателей для последних ступеней ракет-носителей космических аппаратов, лауреата Государственной премии СССР **Семена Ариевича Косберга** (1903, Слуцк – 1965, Воронеж).

40 лет со дня рождения модельера одежды **Валентина Абрамовича Юдашкина** (р. 1963, пос. Баковка Московской обл.).

16 ОКТЯБРЯ

115 лет со дня рождения государственного деятеля, наркома оборонной промышленности, авиационной промышленности СССР **Михаила Моисеевича Кагановича** (1888, Кабаны Киевской губ. – 1941, Москва).

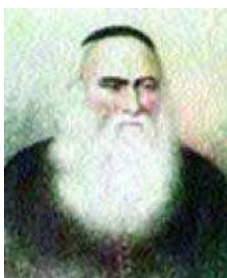
23 ОКТЯБРЯ

105 лет со дня рождения химика, одного из основоположников радиационной химии, профессора Парижского университета, директора Национального центра научных исследований Франции в Париже, исследовавшего соединения протактиния, полония, кюрия, установившего закономерности радиолиза воды, открывшего активизирующее воздействие радиации на катализаторы, **Моиза (Моисея) Гайсинского** (Haissinsky; 1898, Тараща Киевской губ. – 1976, Париж).

80 лет со дня рождения Героя Советского Союза сержанта **Моисея Залмановича Хохлова** (р. 1923, Москва).

25 ОКТЯБРЯ

495 лет со дня смерти (29 тишрея) государственного деятеля, философа и комментатора Торы, государственного финансиста и казначея

Португалии, «придворного еврея» Кастилии и Неаполя **рабби Ицхака Абраванеля** (1437, Лиссабон – 1598, Венеция).

70 лет со дня рождения драматурга, автора пьес «Протокол одного заседания», «Мы, нижеподписавшиеся», «Наедине со всеми», «Чокнутая» и др., лауреата Государственной премии СССР **Александра Исааковича Гельмана** (р. 1933, Дондюшаны, Румыния).

70 лет со дня рождения патофизиолога, академика РАМН, профессора Томского медицинского института, директора Института фармакологии Томского научного центра Сибирского отделения РАМН, автора трудов по гематологии, радиобиологии и экспериментальной биологии **Евгения Даниловича Гольдберга** (р. 1933, Томск).

26 ОКТЯБРЯ

65 лет со дня рождения волейболиста, обладателя золотой олимпийской медали 1964 года, чемпиона мира 1962 года **Юрия Наумовича Венгеровского** (р. 1938 – 1998, Харьков).

90 лет со дня рождения биохимика и цитохимика, академика РАМН, автора трудов в области онкологии **Ильи Борисовича Збарского** (р. 1913, Москва).

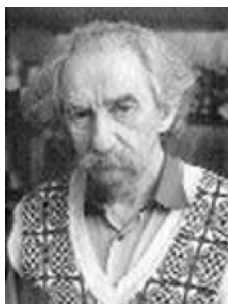
27 ОКТЯБРЯ

70 лет со дня рождения физика, академика РАН, директора Центра теоретической физики и вычислительной математики, профессора МФТИ, автора трудов по теоретической физике, физике плазмы, твердого тела, лауреата Государственной премии СССР **Александра Михайловича Дыхне** (р. 1933, Москва).

28 ОКТЯБРЯ

95 лет со дня рождения Героя Советского Союза майора **Эммануила Давыдовича Готлиба** (р. 1908, Кременчуг).

10 лет со дня смерти литературоведа, культуролога, искусствоведа, семиотика, академика АН Эстонии, члена королевского научного общества Великобритании, Норвежской Королевской академии, профессора Тартуского университета, главы тартуско-московской структурно-семиотической школы гуманитарных исследований, автора

трудов в области структурной поэтики, семиотики и истории русской литературы, монографий о жизни и творчестве Н.М. Карамзина, А.С. Пушкина и др. **Юрия Михайловича Лотмана** (1922, Петроград – 1993, Тарту).

29 ОКТЯБРЯ

135 лет со дня рождения физика, профессора Артиллерийского офицерского класса в Кронштадте, организатора оптической промышленности в России, автора трудов по физической и прикладной оптике, сконструировавшего ряд оптических приборов, **Александра Львовича Гершуна** (1868, Соколка Гродненской губ. – 1915, Петроград).

ИЗ НАШЕЙ ОКТЯБРЬСКОЙ ПОЧТЫ

יְיָ יִשְׁמַרְנוּ וְיִשְׁמְרוּנוּ מִכָּל עֵצָה וְיִשְׁמְרוּנוּ מִכָּל אֲשֶׁר יֵשֶׁה!

Меня зовут Павел Викторович Гурович. Я живу в Липецке. Мне 56 лет, и родился я в 1947 году в Челябинске.

Во-первых, спасибо вам всем за журнал. В последние два года «Лехаим» стал интереснее и содержательнее. В каждом номере – публикации таких авторов, как Лазарь Лазарев, Бен Сарнов, В. Кардин. Читаю я всегда и вступительное слово раввина Берла Лазара.

Во-вторых, хотел бы через ваш журнал попытаться что-нибудь узнать о своей бабушке Двойре Боруховне (Доре Борисовне) Коган. Моя бабушка по специальности была педиатром. Еще в первую мировую войну она работала военврачом и знала немцев не понаслышке. Во время войны с Гитлером к моменту оккупации Киева бабушка была, по словам моей матери, главным врачом Киевского окружного военного госпиталя. Она и ее сестра остались в Киеве с госпиталем, а мои отец и мать по настоянию бабушки ушли из окруженного города пешком с колонной мединститута. Дошли до Славянска, из Славянска эшелонам были эвакуированы в Челябинск.

У нас нет ни одной фотографии бабушки. Возможно, еще остались люди, знавшие ее по работе и по жизни. Любая информация бесценна.

Брат моей бабушки, Давид Борисович Коган, отец поэта Павла Когана, был членом комиссии по расследованию преступлений фашистов. Он одним из первых приехал в Киев после освобождения города. Квартира, где до войны жили его сестры, была открыта. В столе лежали паспорта моей бабушки и ее сестры...

יְיָ אֱלֹהֵינוּ, יְיָ אֱלֹהֵינוּ

Дорогая редакция журнала «Лехаим»!

Я был глубоко возмущен, прочитав интервью с министром культуры М.Е. Швыдким (№ 112). Хотя он и высказывался насчет протекционизма по отношению к культурам малых народов, но ему как чиновнику идишистская культура в России - точно прошлогодний снег в Хермоне на Голанах. Я удивлен: когда Швыдкой появился на канале «Культура», исчезла передача «Шалом». Хотя и была-то один, кажется, раз в две недели. Почему?

Я понимаю: евреев осталось в России мало. Но не 4 же тысячи, как в Польше, и не 6 тысяч, как в Румынии, а там ведь работают и развиваются идишистские театры. В Варшаве и Бухаресте издаются журналы на идише и иврите, есть еврейские музеи общемирового значения. Я не говорю о еврейских идишистских театрах в Нью-Йорке, Монреале и Тель-Авиве, которые проводят фестивали в Яссах (Румыния), где работал Гольдфаден. Театр «Шалом» в Москве – это русский провинциальный театр, который почти никакого отношения к идишистской культуре не имеет.

Михаил Ефимович считает, что культура евреев в диаспоре – временная. А театру «Фольксбине» в Нью-Йорке больше ста лет, Бухарестскому - тоже более ста. Это что, временное? Я был в этих театрах не раз; в них подавляющая часть зрителей - молодежь, и не только еврейская.

При идишистских театрах работают учебные студии, трудятся писатели, драматурги, актеры, художники, сценографы и т.д. (не обязательно евреи). Конечно, они пользуются государственной поддержкой.

Какой государственной поддержкой пользуется идишистская культура в России? Пусть ответит Михаил Ефимович.

На еврейском фестивале в 2002 году не было ни одной пьесы на идише, ни одного артиста из России, который владел бы идишем.

Если Швыдкой считает себя русским, то это не значит, что все евреи считают себя русскими или украинцами. Это все индивидуально. Та полемика, которая ведется в России сейчас, по-прежнему толкает оставшихся евреев на отъезд. Я говорю не о социальных вопросах.

В этом году в Москву не приезжал ни один еврейский артист из Израиля, США, Канады, ЮАР, Германии. В прошлом году приезжал театр «Габима», и интерес к нему был большой.

С кончиной Вергелиса перестал существовать журнал «А идише гас». Молодые литераторы, увидев, какая им оказывается государственная «поддержка», уехали. В Москве, Петербурге, Киеве в еврейских университетах идиш не преподается.

На телевидении для 20 – 26 млн. мусульманского населения нашли 30 минут в неделю, а что говорить о евреях, ханты-мансийцах и т.д.? Это права человека?

Никто, Михаил Ефимович, не хочет прощаться с идишем. Евреи не боялись ходить в ГОСЕТ, так же как не боялись ходить в Камерный еврейский музыкальный театр Ю. Шерлинга. Ваши разговоры, Михаил Ефимович, о трагедии угасания в мире еврейской культуры на идише – ложь.

Страны СНГ – еще не показатель заката. Немало молодежи в Канаде, Мексике, Англии, Австралии, Бразилии, Украине, России, США, которая изучает идиш, читает, поет на идише. Слава Б-гу, на еврейских улицах мира идиш не зависит от таких людей, как Швыдкой.

Есть целая группа энтузиастов – З. Млотек, А. Купер, Д. Юшковский. М. Черный и сотни других, которые развивают и поддерживают дорогой «мамэ-лошн». Не каждый язык может похвастаться своими Шолом-Алейхемом и Зингером.

А. Ефимович, Ефим

P.S. А «Еврейское дело» 1 32 çà 2003 çà Ошлэіе аіаіеò, ±òі еіаіе «Еврейское» - еò:сее а і едä İ íá íдеòіаеііііі аеіаòіі íáííá:-е еаіаеіá «Еврейское» а İ íеііóа è Ерäаеéа İíе і аіаі і íеèòеçеòíáаí ù è седä Аіііаіçіаіі еу Ошлэіі İ ííòдäí аí ее íàòеíí аеііí ùò есееіòòд – çòí есòаí адеа è òеí еçі.